
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

теория и практика

№ 4 / 2024

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Редакционная коллегия

Председатель: С. В. Родин, заместитель начальника Воронежского института МВД России по научной работе, кандидат технических наук, доцент;

Заместитель председателя: Р. В. Бузин, начальник научно-исследовательского отдела, кандидат экономических наук;

Ответственный секретарь: К. С. Панченко, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук.

Ю. В. Сорокина, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Киринос, начальник кафедры теории и истории государства и права, кандидат политических наук, доцент;

В. А. Колесников, профессор кафедры теории и истории государства и права, кандидат политических наук, доцент;

А. В. Леженин, доцент кафедры международного и евразийского права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

И. И. Мазуров, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, заместитель декана факультета истории и права Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук;

К. А. Ситников, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Подписано в печать 29.11.2024
Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 11,39
П-60-78(П)-2024
Тираж 80 экз.
Заказ № 189

Адрес редакции, издателя, типографии:
394065, Воронеж,
проспект Патриотов, 53

ISBN 978-5-00229-172-4
© Воронежский институт МВД России, 2024

LAW AND STATE:

theory and practice

№ 4 / 2024

Federal state-owned public educational institution
«Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia»

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means.

Editorial board

Editor-in-chief: S. V. Rodin, Deputy Head of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

Deputy Editor-in-chief: R. V. Buzin, Head of the Research department, Candidate of Economic Science;

Responsible editorial secretary: K. S. Panchenko, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Legal Sciences.

Y. V. Sorokina, Professor of the chair of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Political Sciences, Professor;

A. V. Kirnos, Head of the chair of Theory and History of State and Law, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor;

V. A. Kolesnikov, Professor of the chair of Theory and History of State and Law, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor;

A. V. Lezhenin, Associate Professor of the chair of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Candidate of Law, Associate Professor;

I. I. Mazurov, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Smolensk State University, Deputy Dean of the Faculty of History and Law of Smolensk State University, Candidate of Legal Sciences;

K. A. Sitnikov, Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Passed for printing 29.11.2024
Format 60x84¹/₁₆
Conventional printed sheets 11,39
Issue 80 copies
Order № 189

Address of Editors Office, Publisher,
Printing Office:
394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

ISBN 978-5-00229-172-4
© Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Артемченко А. В. Афанасьева А. С. Проблематика определения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев: сравнительно-правовой анализ...	6
Богатырев Д. В. Пределы осуществления прав в контексте злоупотребления правом.....	9
Волобуева Н. Д. Российское правопонимание в контексте азиатских и европейских ценностей.....	14
Сидорова Е. З. Особенности формирования цифровых компетенций у студентов в процессе реализации уголовно-правовых дисциплин.....	18
Кирнос А. В., Москвин А. В. 287-й стрелковый полк внутренних войск НКВД СССР: организация, нормативное обеспечение, оперативно-боевая и оперативно-служебная деятельность.....	22
Козлова А. А. Понятие «правовая защита»: опыт теоретико-правового анализа.....	52
Климова Д. В. Публично-правовое регулирование института гражданства в Российской Федерации: отдельные аспекты современной модернизации.....	59
Лановая Г. М. Будущее юридической профессии в информационном обществе.....	62
Маслов И. С. Особенности преподавания дисциплины «История государства и права России» иностранным слушателями, проходящим обучение в образовательных организациях системы МВД России...	70
Молдавский М. В. Государственный суверенитет в контексте современного международного права.....	76
Напольских И. М. Компенсирующая функция доверия в праве.....	80
Панченко К. С. Особенности организации самостоятельной работы обучающихся при изучении теоретико-правовых дисциплин (на примере теории государства и права).....	83

Путинцев А. В.	Правовой плюрализм как «зонтичная» категория в современных юридических исследованиях: некоторые аспекты...	87
Раков К. А.	Основные подходы и интересы Российской Федерации в отношении организации европейской безопасности.....	93
Ситников К. А.	Воронежская учебная команда-школа уездной полицейской стражи в лицах: Н. И. Васильев.....	96
Хапчаев С. Т.	Механизмы коллективного иджтихада в структуре современного исламского правотворчества.....	103
Черенкова А. И.	Многоуровневая симметрия территориального устройства России: особенности уникальной модели федерализма.....	110
Шендриков Е. А., Лобова М. В.	«...Взять живым такого богатыря, как тов. Бичев, финским бандитам не удалось»: о героическом подвиге красноармейца 102-го пограничного отряда Ф. И. Бичева в июле 1941 г.....	118
Яловенко Т. В.	Судебная власть в системе разделения властей.....	128

Трибуна Молодого Ученого

Баклажов С. Д.	Общая характеристика административной ответственности за нарушение правил продажи никотиносодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет несовершеннолетним.....	132
Бергольц В. Е.	Основы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.....	135
Бондаренко А. Н.	Сравнительно-правовой анализ концепций правопонимания в различные исторические периоды.....	139
Васильева П. Д.	Семейное право московского государства и Российской империи: сравнительно-правовая характеристика.....	142
Галиев Р. Р.	Закон: понятие, признаки и виды.....	150
Глинная Е. А.	Основные причины правонарушений несовершеннолетних и пути их решения.....	153

Душкина А. В.	Актуальные проблемы правового регулирования профилактического учёта.....	158
Короткова А. С.	Педагогическое проектирование как эффективный способ формирования профессиональной позиции курсантов образовательных организаций МВД России.....	162
Лагута А. А.	Индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор....	168
Лосев Д. И.	Конституционно-правовые основы формирования электронного правительства.....	171
Пермякова В. А.	История развития прав человека в международном праве.....	175
Савенков М. И.	Теория государства и права, как основа для изучения юридических наук.....	178
Савченко К. И.	Правовая культура и правовое сознание курсантов образовательных организаций МВД России: особенности формирования и развития.....	181
Сыровацкая А. С.	Историко-правовой анализ становления и развития конституционализма в России.....	185
Трещенко Е. В.	Террористическая активность и деятельность диверсионно-разведывательных групп в рамках специальной военной операции как современные угрозы национальной безопасности Российской Федерации.....	188
Швецова Н. А.	Множественность административных правонарушений как правовой институт в системе административно-деликтного права.....	191

А. В. Артемченко¹
А. С. Афанасьева²

ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье раскрываются юридическое содержание понятий таких категорий лиц, как «беженец» и «вынужденный переселенец», определяются (в сравнении) проблемы правового регулирования их положения в обществе и государстве.

Ключевые слова: беженец; вынужденный переселенец; гражданство; права; обязанности.

THE PROBLEM OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF REFUGEES AND INTERNALLY DISPLACED PERSONS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article reveals the legal content of the concepts of such categories of persons as "refugee" and "internally displaced person", defines (in comparison) the problems of legal regulation of their position in society and the state.

Key words: refugee; forced migrant; citizenship; rights; responsibility.

В современных условиях и в нашей стране достаточно актуальна тема беженцев и вынужденных переселенцев. Это связано с тем, что Российская Федерация граничит со множеством стран, в которых в настоящий момент имеют место быть вооруженные и национальные конфликты. Примером также может служить специальная военная операция России на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 года. В связи с этим граждане этих государств ищут укрытие, помощь и поддержку в иных странах, включая Российскую Федерацию.

Беженцы и вынужденные переселенцы обладают рядом своих прав и обязанностей, которые определяют их правовой статус. И важно отметить, что, зачастую, эти понятия могут путать или вовсе приравнивать друг к другу. В целях обеспечения улучшения условий жизни данных категорий лиц стоит более пристально рассмотреть их правовые статусы, сравнить и выявить проблематику в их определении.

¹ Анна Васильевна Артемченко, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России.

² Анна Сергеевна Афанасьева, курсант юридического факультета Воронежского института МВД России.

В установлении правового статуса беженца нам поможет Федеральный закон Российской Федерации № 4528-1 от 19.02.1993 «О беженцах» (далее – Закон «О беженцах») [1], который *de jure* закрепляет понятие «беженец» и определяет детально его права и обязанности. Согласно статье 1 указанного закона, беженец – это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, которое в силу определенных обстоятельств опасается стать жертвой преследования по различным причинам, например, по признаку национальной принадлежности, гражданства, расы, не может находиться в своей стране и не может или не желает пользоваться защитой этого государства. Права и обязанности лиц, признанных и называемых беженцами, согласно статье 8 Закона «О беженцах», представлены в таблице 1.

Таблица 1

Права	Обязанности
Беженцы имеют право на получение статуса беженца и соответственно на размещение их в пункт временного размещения (ПВР) до того момента, пока не найдется постоянное убежище.	В первую очередь, беженцы обязаны соблюдать законы и правила, установленные в стране, где они признаны беженцами.
Лицо, признанное беженцем, имеет право на получение материальной помощи, выплат, пособий, размер которых может незначительно отличаться от обычных граждан Российской Федерации.	Также беженцы обязаны соблюдать правила и распорядок дня пункта временного размещения, в котором проживают.
Беженцы, как и все другие граждане имеют право на получение образования, в том числе получение бесплатно высшего образования, во многих высших учебных заведениях даже существуют некие льготы для поступления туда данной категории лиц.	
Беженцы, как и все другие граждане Российской Федерации имеют право на получение медицинской помощи.	

Обратившись к Закону Российской Федерации № 4530-1 от 19.02.1993 «О вынужденных переселенцах» (далее – Закон «О вынужденных переселенцах»), можно сформулировать понятие и такой категории лиц, как вынужденный переселенец: это гражданин Российской Федерации, который покинул место жительства из-за совершенного в отношении его насилия, либо же вследствие каких-либо опасений подвергнуться преследованию по признакам национальной принадлежности, вероисповедания, языка, расы, массовых нарушений общественного порядка, а также политических убеждений, признано называть вынужденным переселенцем [2].

Проанализировав вышеуказанные законы, можно сделать вывод, что права и обязанности вынужденных переселенцев довольно схожи с перечисленными выше правами и обязанностями беженцев. Но стоит все же отметить и различия в их правовом положении.

Так, статус вынужденного переселенца дает возможность оставаться в стране и не требует слишком длительной процедуры оформления получения последнего. В то же время в своих правах вынужденные переселенцы считаются более ограниченными, нежели беженцы. В частности, они не могут первые шесть месяцев с момента получения соответствующего статуса быть трудоустроены в стране временного проживания, равно как и не могут выбирать место временного проживания, что схоже с беженцами.

Как было сказано выше, статус беженца включает в себя более широкий круг прав и обязанностей. Последним гарантирована более широкая помощь государства во всех аспектах: например, определенные льготы на получение гражданства Российской Федерации, процедура оформления проходит для них в упрощенном порядке. В тоже самое время сроки оформления статуса беженца больше, чем в случае с вынужденным переселенцем: порядка шести месяцев и более.

Сама проблематика определения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации может быть связана с некоторыми аспектами.

Во-первых, такие понятия, например, как «преследование лица», «угроза жизни» интерпретируются неоднозначно, вследствие чего возникают проблемы определения того, к какой категории будет относиться определенное лицо, признать ли его беженцем или же вынужденным переселенцем.

Во-вторых, факторы и критерии определения человека вынужденным переселенцем или беженцем могут варьироваться и изменяться в зависимости как от региона, из которого прибыло лицо, так и от компетентного органа власти, уполномоченного принимать решение о присвоении соответствующих статусов. Последнее обстоятельство усложняет и без того непростую задачу разграничения правовых статусов приведенных групп лиц.

В-третьих, нельзя не упомянуть предвзятое отношение или дискриминацию данных лиц. Это также усложняет процесс принятия решения об отнесении их к той или иной категории лиц. Нередко, например, встречаются случаи так называемого «буллинга» или травли среди детей, признанных беженцами или вынужденными переселенцами как члены семьи, когда они принимают на себя атаку со стороны своих сверстников за их национальную принадлежность и/или некие, как им кажется со стороны, поправки в отношении данных лиц.

Таким образом, проблематика определения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев остается актуальной и по сей день и определенно требует большего внимания от законодательства. Представляется, что в решении данной проблемы может помочь повышение уровня взаимодействия

государства с гражданами, совершенствование законодательных норм и механизма их реализации с тем, чтобы обеспечить, например, упрощение подачи заявок на получение соответствующих статусов, прозрачность и более справедливый подход при принятии решений об отнесении лиц к рассматриваемым группам лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. О беженцах : Федеральный закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 425.

2. О вынужденных переселенцах : Закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 08.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 427.

УДК 342.71

Д. В. Богатырев¹

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Статья посвящена проблематике пределов осуществления права в контексте злоупотребления правом, которое рассматривается как правовое явление. В статье приводится анализ того, является ли оно противоправным или правомерным деянием, а также выходит ли его реализация за пределы права.

Ключевые слова: злоупотребление правом; пределы осуществления прав; субъективное право; объективное право; правонарушение.

THE LIMITS OF THE EXERCISE OF RIGHTS IN THE CONTEXT OF ABUSE OF LAW

The article is devoted to the problem of the limits of the exercise of law in the context of abuse of law, which is considered as a legal phenomenon. The article provides an analysis of whether it is an unlawful or lawful act, and whether its implementation goes beyond the limits of law.

Key words: abuse of rights; limits of the exercise of rights; subjective right; objective right; offense.

¹ Дионисий Валерьевич Богатырев, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Злоупотребление правом является довольно неоднозначным правовым явлением. В науке до сих пор не достигнуто единого мнения относительно его правовой природы, понятия и признаков. Кроме того, практика правоприменения также не выявила единый подход к обозначению рассматриваемого понятия, а также способам его преодоления, а потому правоприменителю может быть довольно проблематично сталкиваться с подобными правовыми явлениями с точки зрения их предупреждения и пресечения. Законодатель чаще всего никак не регламентирует термин «злоупотребление правом», а в тех нормативных правовых актах, где злоупотребление правом запрещается напрямую, его правовая природа не раскрывается.

В целом, говоря о злоупотреблении правом как правовом явлении, следует обозначить его многогранность. В данном случае имеется в виду, что рассматриваемое правовое явление не является единичным специфическим правовым явлением, характерным для какой-либо конкретной отрасли права. Указанная проблематика является общеправовой и проявляется во множестве отраслей права, деструктивно воздействуя на общественные отношения в различных аспектах.

С учетом вышесказанного на сегодняшний день сложилась весьма сложная практика правоприменения относительно выявления и пресечения злоупотребления правом. Дело в том, что зачастую правоприменителю проще никак не реагировать на злоупотребление правом, поскольку законодатель не наделил его соответствующим инструментарием по его предупреждению и пресечению, за некоторыми исключениями.

Чтобы разобраться в содержании рассматриваемого правового явления и определить пределы его осуществления, следует обозначить, что злоупотребление правом непосредственно связано с субъективным правом и его реализацией. Под осуществлением субъективных прав следует понимать использование уполномоченным лицом предоставленных ему субъективным правом возможностей [8]. И указанный аспект является довольно важным, поскольку базисом для злоупотребления может являться именно субъективное право. В данном контексте следует сказать, что субъективное право закономерно происходит из объективного, а потому причиной злоупотребления правом чаще всего становится именно несовершенство объективного права – то есть пробелы в праве, коллизии, погрешности, ошибки и т. д.

Реализуя субъективное право, субъект правоприменения не должен выходить за определенные законодателем границы, которые в науке и законодательстве называются пределами осуществления права.

Соотношение таких правовых явлений как злоупотребление правом и пределы осуществления права являются предметом спора и научных изысканий. Необходимо сказать о том, что при совершении злоупотребления правом субъект правоприменения реализует правомочия, данные ему нормами

права, однако применяет их вопреки назначению и смыслу, заложенному законодателем, а потому его реализация в пределах права, то есть фактически правомерность, ставится под сомнение. В данном контексте весьма аргументированной видится позиция А.А. Агаркова, который говорит о том, что злоупотребление правом невозможно в рамках реализации права. То есть, даже если участник правоотношений реализует злоупотребление правом, он не выходит за рамки предоставленного законом права, а потому действует правомерно [1]. При этом если лицо все же нарушает границы допустимого правом, его деяние может являться правонарушением. Таким образом, такое явление как злоупотребление правом фактически нивелируется, поскольку с одной стороны участник либо действует в рамках права, а значит его действия правомерны, либо выходит за его пределы, что предполагает противоправность его деяния.

В данном контексте следует привести мнение О.А. Поротиковой, которая под пределами реализации права понимает отраслевую разновидность общеправовых сдерживающих стимулов поведенческой активности, призванных оказать внешнее упорядочивающее воздействие на мотивацию, способы, средства и характер использования заложенных в содержании субъективного гражданского права возможностей [5]. Таким образом, весьма обоснованной видится позиция, которая заключается в том, что реализация права вопреки его фактическому назначению и смыслу, то есть злоупотребление правом, уже является выходом за пределы реализации права. Действительно, подобного рода злоупотребления могут выходить за пределы права, поскольку нарушают установленные запреты, однако в данном случае существует сложность, которая связана с полным отсутствием в отдельных отраслях права нормативного регулирования рассматриваемой проблематики. Так, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует запрет на злоупотребление правом, а потому его противоправность, как и потенциальный выход за пределы права, ставится под сомнение.

Однако следует отметить и общеправовую норму, которая устанавливает наиболее общие пределы осуществления права, которая закреплена в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, и гласит о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Несомненно, рассматриваемая норма устанавливает наиболее общие пределы права, однако она не содержит такого термина как «злоупотребление правом», и фактически не раскрывает его правовой природы, а потому нельзя с уверенностью сказать о том, что данная норма запрещает его реализацию.

Рассматривая злоупотребление правом в контексте предела права следует выделить умысел как один из основных признаков злоупотребления правом. Поскольку, реализуя право добросовестно, участник правоотношений может чрезмерно усердствовать в его реализации или попросту заблуждаться, что внешне может выглядеть как форма злоупотребления правом. Однако в данном

случае лицо явно не выходит за пределы осуществления права, поскольку не имеет умысла на причинение вреда.

Злоупотребление правом и пределы осуществления права находятся в достаточно тесной взаимосвязи. Гражданский кодекс Российской Федерации в данном контексте в ст. 10 прямо регламентирует пределы осуществления гражданских прав. Исходя из смысла статьи, указанные пределы обеспечиваются именно запретом злоупотребления правом.

При этом следует отметить обращение законодателя к нормам морали, поскольку в вышеуказанной статье устанавливается презумпция добросовестности реализации права. То есть можно говорить о том, что добросовестность реализации права так же является своего рода пределом права, поскольку одно из ее значений – реализация права согласно его смыслу и назначению.

В целом, говоря о пределах реализации права, важно обозначить соотношение таких понятий как «право» и «полномочие». Полномочием, в отличие от права, обладают только специальные субъекты – то есть должностные лица, а потому полномочие является специализированным элементом субъективного права. Однако следует отметить и то, что в пределы понятия «злоупотребление правом» входит и злоупотребление полномочиями в части, касающейся прав, поскольку полномочия представляют из себя совокупность прав и обязанностей. Право в свою очередь представляет собой меру возможного поведения, которая обеспечивается законодательством, а также зависит от воли и желания лица, его реализующего.

Отмечая специфику пределов права, важно разобраться в дифференциации понятий «злоупотребление правом» и «правонарушение». Представляется, что предел осуществления права заключает в себе те границы, за рамками которых находится правонарушение. То есть, можно предположить, что возможность допущения злоупотребления правом как самостоятельного правового явления априори может и не предусматривать выход за пределы осуществления права, потому как лицо совершает деяние, предусмотренное правом, хоть и противоречащее его фактическому назначению и смыслу, заложенному законодателем. С другой стороны – правонарушение, которое явно выходит за пределы права. Пример тому – ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», в данном случае лицо хоть и совершает преступление, однако возможность злоупотребления правом в данном контексте имеет место быть, поскольку полномочие предусматривает совокупность прав и обязанностей. Обратный пример – ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», в рамках которой участник правоотношений явно превышает допустимые пределы полномочий, в том числе и пределы права, а потому в данном случае его деяние не может являться злоупотреблением правом.

Говоря о пределах осуществления права, следует отметить особенности диспозитивности правовых норм. Зачастую законодатель, обозначая

лишь границы допустимого права, дает правоприменителю выбор, каким образом и способом оно может быть реализовано. Данный подход открывает довольно существенные опасности злоупотребления правом. С другой же стороны, предусмотреть все возможные варианты реализации права, строго и четко регламентируя каждый из них, вовсе не представляется возможным, по этой причине подобного рода нормы являются необходимостью. Сдерживающим фактором в данном случае будут являться именно пределы реализации права. Именно опасность злоупотребления правом является одной из причин их регламентации, поскольку безграничная свобода в контексте реализации права может привести к потенциальному вредоносному его использованию.

Следует отметить и то, что в некоторых случаях границы реализации правом законодателем не установлены вовсе. В таком случае норма представляется чрезмерно диспозитивной, а потому определить меру свободы форматов реализации права не удастся. При этом важно сказать о том, что именно подобный формат обеспечения прав открывает наибольшие возможности для злоупотребления. Кроме того, устанавливая пределы осуществления права следует сказать и о том, что субъект устанавливает их и самостоятельно, руководствуясь нормами морали, а также той или иной жизненной ситуацией.

Таким образом, можно сказать, что пределы осуществления права довольно существенно взаимосвязаны со злоупотреблением правом. Мы не можем однозначно говорить о том, что абсолютно все случаи злоупотребления правом подразумевают выход за пределы осуществления права, потому как в силу отсутствующей общей нормы, его запрещающей, а также аналогичных норм отраслевого законодательства, противоправность злоупотребления правом ставится под сомнение в случае, когда оно не противоречит смыслу ч. 3 ст. 17 Конституции РФ. Однако даже если в отдельном нормативно-правовом акте злоупотребление правом запрещено (например, в ст. 10 ГК РФ), то злоупотребление правом в рамках данных правовых отношений можно расценивать как противоправное, поскольку оно нарушает запрещающую норму, а значит и выходит за пределы права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // *Цивилистическая практика: Информационный бюллетень*. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 5. – С. 97–108.
2. Дерюгина Т. В. К вопросу о соотношении понятий «пределы содержания права» и «пределы осуществления права» // *Философия права*. – 2009. – № 3(34). – С. 20–23.
3. Малиновский А. А. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип // *Право и политика*. – 2006. – № 9. – С. 30–34.
4. Молчанов О. О. Злоупотребление правом как критерий предела

осуществления гражданских прав // Социальная политика и социология. – 2006. – № 1. – С. 157–165.

5. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. – 206 с.

6. Пресняков М. В. Пределы основных прав: конституционное противодействие злоупотреблению правом // Гражданин и право. – 2010. – № 5. – С. 16–26.

7. Сапфинова А. А., Петрушкина А. В. Пределы ограничений трудовых прав и пределы защиты трудовых прав: вопросы теории // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 11. – С. 71–73.

8. Шевченко М. В. Запрет злоупотребления правом как предел осуществления трудовых прав // Colloquium-Journal. – 2019. – № 23-9(47). – С. 52–54.

УДК 34.01

Н. Д. Волобуева¹

РОССИЙСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ АЗИАТСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье исследуется проблема ментальности российского правопонимания в контексте восприятия азиатских и европейских политико-правовых ценностей. В центре внимания находятся точки зрения ученых, выявивших прямую зависимость генезиса современных идейно-ценностных основ российского правопонимания от анализа исторической ретроспективы, обусловленного изучением политико-правовых феноменов древности и русского средневековья.

Ключевые слова: правопонимание; ценности; аксиология; правовая идея; русская идея.

RUSSIAN LEGAL UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF ASIAN AND EUROPEAN VALUES

The article examines the problem of the mentality of the Russian legal understanding in the context of the perception of Asian and European political and legal values. The focus is on the points of view of scientists who have revealed the direct dependence of the genesis of modern ideological and value foundations of Russian legal understanding on the analysis of historical retrospect, due to the study of political and legal phenomena of antiquity and the Russian Middle Ages.

Key words: legal understanding; values; axiology; legal idea; Russian idea.

¹ Наталья Дмитриевна Волобуева, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина.

Многовековой колорит событий русской истории, полный революционных явлений и реформ, predetermined особый интегральный путь трансформации отечественной политико-правовой мысли, приведя ее в ныне существующее состояние. Тезисом нашей работы выступает положение, согласно которому изучение современных политико-правовых феноменов немислимо без изучения истоков русского правосознания в контексте исторического измерения. Распространенность в настоящее время аксиологического подхода в правовых исследованиях будет лишено своей глубины при рассмотрении ценностей в праве вне исторического контекста. Анализ исторической ретроспективы позволит выявить закономерности, повлиявшие на формирование идейно-ценностных основ российского государства.

По справедливому замечанию К. Е. Сигалова, период древности и русского средневековья является ключом к осознанию того, что является истинно русским правопониманием. [4, с. 273]. И с этим нельзя не согласиться, так как грамотная постановка вопросов нашими предками и логичные пути разрешения проблем в правосодержащих письменных источниках были настолько глубоки и широки по объему содержания, что predetermined обращение к ним и в последующие века, как бы запрограммировав проблемы, подлежащие исследованию. Средневековые русские мыслители выделили ряд правовых проблем, без знания которых затруднительно восприятие и осмысление современных категорий философии права.

С течением времени множество исторических процессов накладывалось на матрицу российского правопонимания, по этой причине менялся и внешний облик политико-правовых явлений. По мнению А. Х. Саидова, правовые обычаи восточнославянских, финноугорских и скандинавских народов оказали значительное влияние на формирование фундаментальных представлений русского народа о праве и государстве. Это означает, что задатки русского правопонимания стали формироваться во многом и благодаря восточному вектору развития [3, с. 273]. Формирование российского правопонимания не являлось самоцелью и инструментом гармонизации общественных отношений. Оно рассматривалось в контексте достижения религиозных и морально-нравственных целей.

Российское государство развивалось открыто, распахнув свои окна влиянию извне, поэтому общение с наиболее развитыми и культурными народами, в первую очередь с Византийской империей, явилось фактором для формирования на рубеже XI–XII веков истоков уже средневекового русского правосознания [2, с. 273].

В XVI веке Россия была провозглашена имперским государством. Этот факт явился важным, но далеко не стержневым моментом в трансформации многовековой истории российского правосознания. Начиная с петровских времен главным инструментом имперского правотворчества стано-

вится закон, который формируется из западных элементов права. Для получения «западной вакцины» одного желания политических элит недостаточно, необходимо было претворять все реформы в действительности. С этим связано отсутствие во времена петровской эпохи четких правоотношений в сфере собственности. Пример хорошо иллюстрирует ситуация, связанная с освобождением крестьян от крепостной зависимости без наделения их земельными участками. Земельный вопрос так и не был решен в России, в связи с чем принцип личной свободы людей как высшей ценности, характерный для Запада, был нарушен. В этом «недостатке» мы видим уникальность русского правопонимания – оно вроде бы и трансформировалось внешне, но, несмотря на это, его особенности и корни оставались неизменными.

Логика отечественного правосознания во многом обосновывалась благодаря своему географическому положению. Территориальное нахождение России в пределах территорий двух континентальных гегемонов – Европы и Азии, исторически привело к симбиозу элементов европейской и азиатской культур, образовав самобытное российское правопонимание.

В политико-правовом измерении для России характерна концепция «сократо-платоновского» типа ментальности, характеризующегося ярко выраженной чувственно-мифологической компонентой, моральностью и поиском вечной «правды», наряду с идеями – «служения», «милости» и «мученичества». Идея правды и милости были органично вплетены в политико-правовую ткань древнерусского государства благодаря византийским религиозным традициям. Культ византийского императора основывался на «постоянстве благочестивых помыслов», краеугольным камнем которого стала вера и милосердие. Идея правды указывала на высший нормативный порядок и воспринималась как должное. Соответственно, поиск правды превращался в поиск идеала – того должного, что определяет Бог [4, с. 273].

По мнению Н. А. Бердяева, «Россия представляет собой столкновение двух потоков мировой истории – Востока и Запада». [6, с. 273]. Принадлежность российского права и государства к двум конкурирующим началам – восточному и западному, предопределило двойственность и противоречивость отечественной политико-правовой природы. С одной стороны, на протяжении многих лет вестернирующее влияние западных ценностей, с другой – распространение восточных веяний, одно и другое бесчисленно ставило Россию на путь вечного правового искания. Отсюда следует, что в реалиях современной геополитики это мнение справедливо обосновывается стремлением России стать одним из главных инициаторов перехода к мировой многополярности, тесно связанной с представлениями о лучшем устройстве социума и месте человека в нем.

В свою очередь, для европейского правосознания была в приоритете концепция «аристотелевского» типа ментальности, которая исходила из рационального начала и категории «истина». Согласно В. П. Малахову, аксиомой европейского правосознания является идея правовой свободы, которая

тесно связана с подчинением закону и теорией естественных прав человека. Однако идея свободы всегда была исконно западным феноменом, чуждым и малопонятным восточному правосознанию [1, с. 273].

Таким образом, истоки современного русского правопонимания следует искать в глубине веков, обращаясь к опыту правовых интерпретаций древнерусских и средневековых мыслителей. Российское правопонимание слагалось из ряда различных элементов западной и восточной культур. В результате интеграции политико-правовых и социокультурных компонентов сформировалось самобытное и уникальное российское правопонимание, характеризующееся особенностями национальной культуры. В отличие от западных ценностей, где во главе угла стоял католицизм со своими рациональными подходами, российское правопонимание представляло собой симбиоз христианской преданности, служения, милосердия и поиск вечной правды. В настоящее время ученые уделяют значительное внимание аксиологическому подходу в исследованиях, который помогает им уяснить сущность современных ценностей в праве и их роль в контексте исторического становления. Аксиология как философия ценности, на протяжении всей мировой истории являлась спутником человеческой цивилизации, которая помогала людям выразить свое ценностное отношение к процессам и явлениям политико-правовой действительности [5, с. 273]. В этой связи анализ идейно-ценностных основ российского правопонимания позволит установить логику образования фундаментальных идей в политико-правовой отечественной культуре, которые могут стать ключом для понимания многих явлений современной правовой жизни, правосознания и правовой культуры России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов, В. П. Философско-правовые интерпретации проблем современной общеправовой теории : сборник статей / В. П. Малахов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2021. – 519 с.
2. Нерсисянц, В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 704 с.
3. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение : академический учебник. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 320 с.
4. Трофимова Р. П. Диалог культур и ментально-цивилизационные различия в современном мире // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – № 2. – 2021. – С. 48–56.
5. Волобуева Н. Д. «Справедливость как ценность российской правовой системы» (В сборник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя «Актуальные проблемы юридической теории и практики». Выпуск VII. Сборник научных статей. – Москва : Издательство «Граница», 2023. – С. 31–38.

6. Русская идея : Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Издательство АСТ, 2023. – 512 с.

УДК 34

Е. З. Сидорова¹

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Автор обращается к исследованию особенностей формирования цифровых навыков и умений у студентов юридических вузов, в частности при реализации уголовно-правовых дисциплин, таких как криминология. В статье подчеркивается, что в современных реалиях следует говорить о необходимости использования интегративного подхода, т.е. у студентов необходимо формировать и чисто юридические, и цифровые навыки и умения. При этом важным фактором является не только личность педагогического работника, но и личность обучающегося.

Ключевые слова: педагогика; юриспруденция; высшая школа; цифровизация; криминология; студенты.

FEATURES OF THE FORMATION OF DIGITAL COMPETENCIES AMONG STUDENTS IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING CRIMINAL LAW DISCIPLINES

The author turns to the study of the peculiarities of the formation of digital skills and abilities among law students, in particular in the implementation of criminal law disciplines such as criminology. The article emphasizes that in modern realities it is necessary to talk about the need to use an integrative approach, i.e. students need to develop both purely legal and digital skills and abilities. At the same time, an important factor is not only the personality of the teaching staff, but also the personality of the student.

Key words: pedagogy; law; higher education; digitalization; criminology; students.

Современная реальность ориентирует нас на необходимость максимально использовать познания в IT-сфере в повседневной и профессиональной жизни, в этой связи в научной литературе стало уделяться особое внимание различным аспектам проблематики, связанной с цифровыми технологиями [1, с. 133; 5, с. 98]. Повсеместное использование IT-технологий неизбежно приводит

¹ Екатерина Закариевна Сидорова, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

к тому, что в образовательной сфере также стали широко применяться цифровые достижения. В этой связи обоснованным является обращение к вопросу о том, каким образом сформировать у обучающихся вузов цифровые компетенции (умение работать с Интернет-пространством, соблюдение «цифровой гигиены» и т. п.).

При этом следует помнить, что обучение в вузе направлено в первую очередь на получение и формирование именно профессиональных знаний, умений и навыков. Если мы говорим о юридических вузах, то в данном случае обязательным является изучение дисциплин уголовно-правового характера. В этой связи в современных реалиях следует говорить о необходимости использования интегративного подхода, т. е. у студентов необходимо формировать и чисто юридические, и цифровые навыки и умения.

Как мы уже сказали, обучение основам юриспруденции невозможно представить без преподавания студентам учебных дисциплин уголовно-правового цикла, к числу которых относится криминология. Криминология – это учебная дисциплина, изучающая преступления, их причины, виды взаимосвязи с различными явлениями и процессами, а также результативность принимаемых мер по борьбе с преступностью; кроме того, криминология занимается изучением и анализом нормативно-правовых актов, которые образуют юридическую базу для реагирования на преступность и ее предупреждения.

Следует обратить внимание на то, что в практике преподавания дисциплины «криминология» можно нередко столкнуться с ситуацией, когда студенты не до конца понимают значимость получения ими криминологических знаний. Если знание положений уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и т. д. им ясны и очевидны (студенты понимают практическую значимость данных учебных дисциплин), то, осваивая дисциплину «криминология», обучающиеся в ряде случаев не осознают ориентацию данного учебного предмета на практику. Такое недопонимание связи криминологии с практической деятельностью юристов, в первую очередь с работой сотрудников правоохранительных органов (полиции, прокуратуры, Следственного комитета России, суда и т. д.), имеет ряд причин.

Во-первых, не все педагогические работники, ведущие курсы криминологии, углубленно занимаются изучением тех или иных криминологических проблем. Не все преподаватели любят и понимают данную учебную дисциплину, поскольку она обладает рядом специфических черт (как и любая иная юридическая дисциплина). Непонимание или слабое знание педагогическим работником основ криминологии приводит к тому, что такой педагог не может донести ключевой посыл тех или иных криминологических идей, вследствие чего студенты не осознают практическую значимость дисциплины криминологии и целесообразность постижения криминологических идей.

Во-вторых, важным фактором является не только личность педагогического работника, но и личность обучающегося. Как известно, все люди разные, нельзя всех студентов приравнивать к одному единому «идеальному» образцу.

Кроме того, в образовательной среде всегда будет присутствовать интерес обучающихся к различным учебным дисциплинам, именно поэтому в юридических вузах существуют «специализации» обучения (например, уголовно-правовая специализация, гражданско-правовая специализация и т. п.). В этой связи можно обоснованно говорить о том, что для некоторых студентов наибольший интерес будут представлять дисциплины уголовно-правового цикла, а для некоторых – административно-правового характера и т. д.

В-третьих, наука криминология развивается так же, как и любая иная юридическая наука. Например, технологический прогресс коснулся практически всех сфер жизни нашего общества, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе [4, с. 71]. Цифровизация и цифровая реальность являются теперь неотъемлемыми составляющими современного социума. И технологический прогресс не мог не коснуться криминальной сферы общественной жизни. Преступность, которая всегда легко подстраивается под текущие реалии и тенденции, в настоящее время максимально использует цифровые достижения. Именно поэтому значительно возрастает негативное воздействие цифровых (или кибер) угроз на те или иные социальные блага. И данные тенденции, несомненно, должны учитываться наукой криминологией. Профессор В. С. Овчинский обоснованно говорит о том, что в настоящее время криминология становится одним из важных инструментов анализа цифровых угроз, инструментом их прогнозирования и предупреждения, в связи с чем ключевой задачей криминологии выступает создание эффективных средств противодействия таким угрозам и формирование новых подходов к обеспечению кибербезопасности как несущей конструкции цифровой безопасности [3, с. 10]. В свою очередь, профессор В. Е. Квашиц подчеркивает, что в условиях новой цифровой реальности криминология должна учитывать данные тенденции, а значит, предлагать эффективные способы борьбы с киберпреступностью, отсюда растет потребность в объективности и достоверности научного криминологического знания [2, с. 60].

Другой пример связан с объективной необходимостью изучения проблем обеспечения криминологической безопасности в системе образования. В частности, в настоящее время особенно опасными для образовательной среды являются экстремистские угрозы, выражающиеся в скулшутинге (вооруженные нападения на одноклассников, учителей и других участников образовательных отношений), кибербуллинге подростков (психологическая «травля» в сети Интернет), вовлечении обучающихся в различные экстремистские группы и сообщества (особенно посредством использования медиапространства) и т. п. Данные тенденции, несомненно, должны учитываться криминологами, исследующими ту или иную социальную проблематику, поскольку именно подобные негативные явления являются актуальными в настоящее время.

Другими словами, для того чтобы преподаватель мог донести до обучающихся целесообразность и необходимость изучения криминологических идей,

необходимо, чтобы сама наука криминология развивалась и направляла свой взор на изучение актуальных и действительно современных проблем криминального характера, существующих в социуме.

В свете вышесказанного обоснованным является подход, когда при формировании чисто юридических знаний и навыков у студентов также формируются цифровые навыки.

В этой связи зададимся актуальным для настоящего времени вопросом: каким образом сформировать у лиц, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, цифровые навыки и компетенции?

На наш взгляд, сделать это возможно следующим образом: преподавателем, ведущим дисциплину уголовно-правового характера (Криминологию, Уголовное право и т. п.), может быть разработан комплекс таких заданий, выполнение которых помогало бы обучающимся усваивать и закреплять как юридические навыки, так и навыки работы с IT-сферой.

Это могут быть задания:

– по работе с актуальной и предыдущей редакцией уголовного закона (например, сравнить две редакции одной и той же уголовно-правовой нормы и определить суть внесенных изменений);

– по анализу актуальных статистических данных о показателях судимости в стране (например, проанализировав актуальные статистические данные, представленные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, составить диаграмму о динамике применения судами той или иной уголовно-правовой нормы);

– по формированию тех или иных поисковых запросов (например, найти примеры судебных приговоров по осуждению лиц, совершивших определенные виды преступлений) и т. п.

Таким образом, мы можем заключить, что в настоящее время действительно существуют определенные тенденции в сфере преподавания учебных дисциплин уголовно-правового цикла. Кроме того, существуют и некоторые проблемы и трудности при преподавании дисциплины «Криминология». Однако учитывая современную реальность, необходимо при формировании у обучающихся юридических знаний давать студентам возможность параллельно с этим осваивать и закреплять цифровые навыки и умения, т. е. умение работать с Интернет-пространством, умение соблюдать «цифровую гигиену», анализировать полученную в сети Интернет информацию и т. п.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиниятуллина Е. З., Стремиллова А. В. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере информационных технологий // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* – 2016. – № 1. С. 133–139.

2. Квашиш В. Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. – 2018. – № 6(258). – С. 58–68.

3. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. – Москва : Норма, 2018. – 351 с.

4. Сидорова Е. З. Современные криминологические характеристики цифровой преступности (цифровой преступник и его жертва) // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 3 (102). – С. 70–78.

5. Тарсакова В. Н., Сидорова Е. З. Актуальные проблемы конфискации цифровых прав и реализация данного института на практике // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4 (22). – С. 98–103.

УДК 378

А. В. Кирнос¹
А. В. Москвин²

**287-й СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК НКВД СССР:
организация, нормативное обеспечение,
оперативно-боевая и оперативно-служебная деятельность**

В статье предпринята попытка рассмотрения основных этапов оперативно-боевой и оперативно-служебной деятельности 287-го стрелкового полка внутренних войск НКВД СССР, особенностей его организационной структуры и нормативного обеспечения. Особое внимание уделяется деятельности полка на территории Воронежской области в 1942-1943 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; НКВД СССР; внутренние войска; 287-й полк; организация, функционирование; нормативное обеспечение; служебно-боевая деятельность.

**287-th INFANTRY REGIMENT INTERNAL TROOPS
OF THE NKVD OF the USSR:
organization, regulatory support, operational-combat and operational-service activities**

The article attempts to consider the main stages of the operational-combat and operational-service activities of the 287th Rifle Regiment of the Internal

¹ Андрей Викторович Кирнос, начальник кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат политических наук, доцент.

² Александр Вячеславович Москвин, ветеран правоохранительных органов, капитан внутренней службы в отставке.

Troops of the NKVD of the USSR, the features of its organizational structure and regulatory support. Particular attention is paid to the activities of the regiment in the Voronezh region in 1942-1943.

Key words: The Great Patriotic War; NKVD of the USSR; internal troops; 287th Regiment; organization, functioning; regulatory support; service and combat activities.

Особенности организации и функционирования полков НКВД СССР, принимавших участие в обороне г. Воронежа в июле 1942 г., достаточно давно стали объектом внимания со стороны как профессиональных ученых, так и публицистов, небезразличных граждан, в том числе и восстанавливающих военные биографии своих родственников.

К настоящему времени накоплен достаточно обширный пласт специализированной литературы по данной проблематике, анализ которого, в частности, реализуется в серии тематических статей, в подготовке которых принимает участие и один из авторов данной публикации [30; 31]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что наибольший исследовательский интерес вызывали 233-й конвойный и 41-й пограничный полки НКВД, о которых уже опубликованы отдельные работы [11; 62; 65]. Значительно менее изучен в научном плане боевой путь 287-го стрелкового полка внутренних войск НКВД СССР¹, упоминания о котором преимущественно содержатся в печатных трудах более общего характера. [1; 8; 22-24; 34; 35; 56; 64; 66; 67 и др.]

Серьезные трудности ещё с советских времен вызывал и сбор эмпирического материала о 287-м сп. На это указывал ещё в конце 1960-х гг. председатель военно-исторической секции при Воронежском областном краеведческом музее (ВОКМ) генерал-майор запаса А. Рубахин: «В нашем музее собрано много документального и вещественного материала о частях и воинах, громивших гитлеровцев на воронежской земле. <...> Однако <...> у нас почти ничего нет о героях [287-го полка – *Авт.*]» [2]. Аналогичный тезис высказывался и в обращении в ВОКМ руководства в/ч 3214 Министерства охраны общественного порядка Белорусской ССР (правопреемника 287-го полка) от 17.04.1967 г. № 184: «У нас очень мало сохранилось материала по участию части в боях за город Воронеж» [2]. Немалую роль в складывании подобной ситуации сыграли характерная для советской эпохи закрытость ведомственных архивов, а также пожар 1946 г. в Ташкенте, уничтоживший значительную часть документов соединений и частей войск НКВД СССР, хранившихся в Центральном архиве войск НКВД СССР.

Немаловажным источниковым комплексом, введенным в научный оборот в 1975 г. стали, наряду с тремя приказами и приказаниями (по воронежским боевому участку, гарнизону и сводному полку НКВД), выдержки из а) «Доклада начальника Воронежского боевого участка подполковника

¹ Далее – 287-й полк или 287-й сп.

А. М. Дюльдина начальнику внутренних войск НКВД СССР о боевых действиях частей НКВД по обороне Воронежа 3–31 июля 1942 г.» (далее – доклад Дюльдина) и б) «Рапорта командира 287-го стрелкового полка командиру 13-й мотострелковой дивизии об участии полка в боях за Воронеж» от 26 июля 1942 г. (далее – рапорт Злобина) [5]. Вместе с тем, оба вышеупомянутых отчета публиковались с купюрами, не давая исчерпывающей информации. Ещё более пропагандистским, нежели объективным характером отличались выдержки «Из описания боевых действий 41-го пограничного полка по обороне Воронежа с 4 по 10 июля 1942 г.», опубликованные в 1976 г. [22].

Серьезный вклад в сбор эмпирических данных о 287-м сп внес один из наиболее видных советских исследователей роли частей и подразделений НКВД в боях за Воронеж А. И. Гринько. Ему удалось собрать воспоминания ряда ветеранов полка, сконцентрировав их в тематической папке, ныне хранящейся в фондах филиала ВОКМ «Арсенал», и впоследствии использовать их в своих публикациях [14–16 и др.] Отдельные документы, в частности, письма командира батальона 287-го полка П. Н. Беспалова, погибшего в г. Воронеже 16 июля 1942 г., публиковались краеведами в областной печати [6].

«Архивная революция» рубежа XX–XXI вв. существенно расширила доступ заинтересованных исследователей к вновь рассекреченным делам, объективно позволяя вводить в научный оборот новые документальные источники. В частности, доступными стали аутентичные (без купюр) тексты текущей документации 287-го полка, сконцентрированные в Российском государственном военном архиве (РГВА) и Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО). В свою очередь, цифровизация, активное развитие социальных сетей, специализированных форумов [9] позволили ускорить взаимообмен значимой эмпирической информацией, не дожидаясь её размещения в печатных изданиях [25; 36]. Более того, зачастую желаемый для нас результат давали даже поиски, проведенные их инициаторами в неверном направлении, в частности, связанный с восстановлением военной биографии К.З. Сивокоза, изначально ошибочно причисленного к бойцам 287-го сп [18].

С огромным уважением следует отнестись и к подвижническим усилиям А. В. Сапронова, который собрал и опубликовал в своей монографии-хрестоматии немало выдержек из тематических публикаций и архивных документов, в том числе касающихся истории 287-го стрелкового полка [56].

Все это, в совокупности, создало условия для попытки комплексного осмысления особенностей организационного построения и нормативного обеспечения, специфики оперативно-боевой и оперативно-служебной деятельности 287-го стрелкового полка внутренних войск НКВД СССР. Уточним, что данная публикация – своеобразный анонс более масштабного труда, а объективная ограниченность её объема рамками научной статьи вынуждает лишь наметить самые важные, по нашему мнению, аспекты и в хронологическом плане уделить наибольшее внимание начальному периоду функционирования 287-го сп, преимущественно связанному с нахождением

полка на территории Воронежской области в 1942–1943 гг.

Реалии первого военного полугодия наглядно продемонстрировали военно-политическому руководству СССР очевидную необходимость новых существенных организационно-структурных изменений. Одним из важных направлений подобных модификаций стала перестройка организации охраны войскового тыла, нужда в которой стала особенно очевидной в ходе успешных контрнаступательных и наступательных операций декабря 1941 – апреля 1942 г.

В Постановлении Государственного Комитета обороны СССР от 4.01. 1942 № 1099-сс «Об организации гарнизонов войск НКВД в городах, освобождаемых Красной Армией», указывалось на недопустимость установившейся практики, согласно которой «наши войска, занимая города, оставляют в них гарнизоны, выделенные из своих частей, и тем самым ослабляют себя по мере продвижения вперед». Предписывалось отныне выставлять в освобождаемых населенных пунктах гарнизоны из состава войск НКВД, заменяя уже выставленные ранее гарнизоны Красной Армии. Численность гарнизонов должна была определяться «в зависимости от значения и размеров города и области». В обязанность гарнизонов входили «несение гарнизонной службы и оказание органам НКВД помощи в работе по изъятию вражеской агентуры, предателей и других антисоветских элементов». «Численность внутренних войск НКВД СССР, предназначенных на указанные выше цели» планировалось довести до 100 тысяч человек. [37], в том числе сформировав 8 новых специализированных дивизий НКВД [4, С. 46].

С формированием в Воронеже одной из этих дивизий НКВД – 8-й мотострелковой дивизии (8-я мсд) достаточно часто и связывают начальную точку отсчета в процессе создания 287-го полка. Однако углубленное изучение документов позволяет утверждать, что характерный для конца 1941 – начала 1942 гг. статус Воронежа как одного из важных центров формирования частей НКВД повлиял на то, что именно здесь было начато формирование мотострелкового полка для пополнения создававшейся в г. Ленинграде 3-й стрелковой дивизии внутренних войск (вв) НКВД СССР) [29; 39].

Приказом по полку от 3.03.1942 № 1 объявлялось о вступлении во временное исполнение дел (врид.) военного комиссара полка старшего политрука Владимира Дмитриевича Радина (впоследствии в 1942 г. должность военкома полка занимали старший политрук Степанов и батальонный комиссар Куприянов [42, л.84, 123 об.]. В соответствии с приказом по полку от 4.03.1942 № 2 «вступил в обязанности командира полка» капитан Нифонтов Иван Прокофьевич¹ [50, л. 2 об.]. Приказом по полку от 24.03.1942 № 22 а объявлялось: «с сего числа вступил командовать полком» майор Злобин Николай Митрофанович. И. П. Нифонтов переводился на должность заместителя командира полка

¹ В приказах по полку вплоть до 17.03.1942 (Пр. № 14) его фамилия писалась как «Нифантов».

[50, л.36 об.]. Временно исполняли должность начальника штаба полка лейтенанты Листопадов и Митрюков [42, л. 116; 50, л. 36]

Местом дислокации 287-го сп изначально являлись казармы бывшего училища связи в военном городке им. М. В. Фрунзе на юго-западной окраине города. С начала апреля по 2 июля 1942 г. штаб полка размещался в здании областного земельного отдела по улице Красноармейской д. 22 [42, л. 60].

Полк формировался по штату № 030 войск НКВД СССР со следующей изначальной организационной структурой (табл. 1)

Таблица 1

Организационная структура 287-го сп на 25 марта 1942 г.[¹]

№	Структурное подразделение полка	№	Структурное подразделение полка
1	Командование	12	Взвод конных разведчиков
2	Партполитаппарат	13	Саперный взвод
3	Клуб	14	Взвод химзащиты
4	1 линейный стрелковый батальон	15	Автотранспортный взвод
5	2 линейный стрелковый батальон	16	Финансовая часть
6	3 линейный стрелковый батальон	17	Квартирно-эксплуатационная часть
7	Рота автоматчиков	18	Санчасть
8	Рота связи	19	Боепитание
9	Рота связи	20	Обозно-вещевая служба
10	Минометная рота	21	Продовольственно-фуражная служба
11	Артиллерийская батарея		

Полк начал активно комплектоваться с 12 марта за счет: линейного батальона 73-го сп – 300 чел., 55-го сп – 220 чел., 4-го Краснознаменного мотострелкового полка (4-й кмсп), 274-го и 289-го сп (среднего начсостава – 43 чел., младшего – 172 чел., рядового – 559 чел.)¹. В состав полка вошли 80 бойцов из истребительного батальона УНКВД по Воронежской области (УНКВД ВО) [49, л. 125; 50, л. 9 об.]

В историческом формуляре в/ч 3214 указано, что 25 марта 1942 г. по завершении формирования полк был включен в состав 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР [29]. Но «Сведения о сформированных полках 8-й мсд вв НКВД СССР по состоянию на 1 марта 1942 г.» уже содержат информацию о пяти полках, входивших в состав дивизии: 266-м сп, 4-м кмсп, 274-м, 289-м и 287-м сп. При этом 4 последних дислоцировались непосредственно в Воронеже. Намеченными пунктами последующей дислокации для них должны были стать, соответственно, города Изюм, Купянск, Новый Оскол и Харьков (для 289-го и 287-го сп, с указанием «в зависимости от обстановки» [42, л. 22].

На совещании начсостава управления 8 мсд 24 апреля ставилась за-

¹ Практически сразу начался и обратный процесс: Приказом по полку от 16.03.1942 № 14 из списков исключались 47 бойцов 3 роты 2 батальона, убивших в 289-й сп. [50. – л. 9 об.].

дача в мае 1942 г. продолжить «боевое сколачивание частей дивизии, особенно 289-го и 287-го стрелковых полков». При этом, 287-й сп пока исключался из запланированного смотра боевой и политической подготовки [43, л. 51].

Уже в первую неделю марта началась отправка рекогносцировочных групп 4-го и 289-го полков на места новой дислокации. Успешное контрнаступление Красной Армии повысило боевой дух бойцов и командиров. В донесениях из частей указывалось «Отстающих нет, настроение бодрое. Отрицательных настроений нет» [42, л. 22–24]. К 23 марта 4-й кмсп, 266-й, 274-й, 289-й сп покинули территорию Воронежской области, переместившись в районы городов Волчанска, Изюма, Купянска и Нового Оскола [42, л. 43; 44, л. 4–6]

На 287-й полк, оставшийся в г. Воронеже, были возложены организация гарнизонной службы, охрана наиболее важных объектов, коммуникаций, оказание помощи местным органам власти в поддержании правопорядка. Личный состав полка был включен в расписание караульного наряда (табл. 2).

Таблица 2 [43, л. 55]

Расписание караульного наряда частей 8 мсд НКВД
в Воронеже на 1.04.1942

Объекты и караулы	Число постов		Состав караула							Всего
	3-х смен	2-х смено	Нач караула	Пом нач кар.	Разводящих	Караульных	Дозорных	Посыльных	Выводных	
Караул № 1 охр. размещ. полка (военгородок)	7		1	1	2	21	2		1	28
Караул № 2 охр. УНКВД ВО	3		1		1	9				11
Караул № 3 охр. радиостанцию штаба дивизии		1	1		1	2	1			5
Караул № 4 охр. здание штаба дивизии	2		1			6				7
Вр. караул охр. оператив. пункт Вор. гарнизона	2		1		1	6			1	9
Всего караулов от 287 сп	14	1	5	1	5	44	3		2	60
Караул 4 кмсп № 1 по охране здания НКВД УССР	6		1		2	18	4	2		27
Всего караулов	20	1	6	1	7	62	7	2	2	87

Согласно докладной записке заместителя начальника УНКВД ВО майора милиции. Н. А. Москва от 27.04.1942 № 103709, в соответствии с оперативным планом в г. Воронеже с 9:00 до 16:00 25 апреля была проведена «облава – массовая проверка документов», в которой участвовали «156 человек из аппарата милиции, начальствующий и рядовой состав войск НКВД». Было задержано 4 дезертира и 2 человека без надлежащих документов [45, л. 39]. Общие сведения о задержаниях в г. Воронеже в апреле приведены в таблице 3.

Таблица 3 [45, л. 40 об.]

Категория задержанных	Чел.	Категория задержанных	Чел.
Дезертиров	23	Без увольнительных док-тов	37
Уклоняющихся от воинского учета	43	Без паспортов	3
Отставших от частей	1	Без прописки	98
Вышедших из окружения	2	Подлежащих удалению из города по режимности	1

Суммарные сведения о несении гарнизонной службы полками 8-й мсд с 20 по 30 апреля 1942 г. представлены в табл. 4.

Таблица 4 [45, л.47]

Категория задержанных	287 сп	41 сп ¹	266 сп	274 сп	289 сп	Всего
Подозреваемых в шпионаже		1			Сведений не представлено	1
Дезертиров	8	11	9	2		30
Уклоняющихся от воинского учета	21	15				36
Без паспортов	6					6
Без прописки и опред.. занятий	37					37
Судимых и подлежащих удалению	3					3
Уклоняющихся от мобилизации		15				15
Вышедших из окружения		1				1
Без увольнительных документов	24					24
Без прописки			53			43
Отставших от частей			8			8
Нарушителей паспортного режима		57				57
Прочих без документов		77				77
Итого	99	177	70	2		348

Приказом НКВД СССР от 9.05.1942 № 0164 8-я мотострелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР была переименована в 13-ю мотострелковую дивизию внутренних войск НКВД СССР (13-я мсд)². В её состав были включены 4-й кмсп, 266-й, 274-й, 287-й и 289-й сп НКВД, отдельные рота обеспечения и медико-санитарный батальон [43, л. 38; 48, л. 5, 41].

Необходимость оперативного реагирования на быстро меняющуюся обстановку повлекла за собой, согласно Директиве НКВД СССР от 17.03.1942, возложение на внутренние войска задачи оказывать в населённых пунктах (н.п.) и районах своих дислокаций «всемерное содействие местным органам НКВД по обнаружению, задержанию и уничтожению авиадесантов, диверсионных групп и шпионов, заброшенных противником или пробравшихся в наши тыловые районы». Предписывалось не позднее

¹ Часто менял название: пограничный, стрелковый и т.д. Входил в состав 10-й мсд НКВД, но будучи расквартирован в Воронеже, оказался в оперативном подчинении 13-й мсд.

² Название 8-я мсд НКВД сохранялось за дивизией, находившейся в подчинении Юго-Западного фронта в составе 6-го, 1-го, 28-го мотострелковых полков.

18 апреля создать во всех частях и отдельно дислоцированных подразделениях оперативный подвижной резерв.

Деятельность расквартированных в Воронеже полков НКВД по созданию подвижного резерва определялась директивой командира дивизии от 10.04.1942 № 1/44 и его приказом от 5.06.1942 № 00140 [42, л. 83-83 об., 93].

Командиры 287-го сп майор Злобин и 41-го сп. подполковник Овчинников получили от командира дивизии дополнительные указания:

1) установить круглосуточное дежурство подвижного резерва силой: стрелковая рота на автомашинах со взводами станковых пулеметов (4 шт), РМ-50 (4 миномета), группой автоматчиков; действуя на направлениях: 287 полк: Воронеж – Усмань, Воронеж – Хлевное, Воронеж – Землянск – Касторная, 41 сп: Воронеж – Семеновка – Кулаевка, Воронеж – Синие Липяги, Воронеж – Колодезная с проведением тщательной рекогносцировки местности;

2) по получению сигнала «Киев-тревога» резерв разместить по машинам, а офицеру связи штаба полка на дежурной автомашине прибыть в штаб дивизии (здание стройтреста на ул. 20-летия Октября) за получением задачи [42, л. 82].

Уже 12 апреля майор Злобин уведомлял командира 13-й мсд, что резерв в составе стрелковой роты полностью обеспечен автотранспортом, довольствием из расчета на 5 суток, одной нормой боеприпасов (120 патронов на винтовку, 9 магазинов на ручной и 6 снаряженных лент на станковый пулеметы, 4 лотка мин на миномет). Связь с УНКВД ВО обеспечивалась по телефону и через офицера связи на автомашине [42, л. 84]. Для поддержания боеготовности планировалось проведение еженедельных тревог, одна из которых была проведена 24 мая [43, л. 67].

Командир 13-й мсд уведомил о принятии мер заместителя начальника УНКВД ВО капитана госбезопасности И. Г. Прошакова [42, л. 99].

В свою очередь, еще 7 апреля 1942 г. И. Г. Прошаков разослал циркуляр № 2/12390, уведомляющий, что «по документальным данным в ближайшие дни германской разведкой на территории Воронежской области будет производиться выброска агентов – парашютистов».

Предлагалось:

1) принять активные меры для их обнаружения и поимки;
2) «озадачить агентуру»;
3) установить «круглосуточное наблюдение за местностью и воздухом»;
4) в городе и, особенно, окрестностях организовывать облавы и прочесывание лесных массивов;

5) на железнодорожном транспорте организовать тщательную проверку подозрительных лиц на вокзалах, железнодорожных путях, усилив охрану в мостов и других стратегических объектов и наблюдения в полосе отчуждения;

6) активно привлекать истребительные батальоны и группы содействия [42, л. 22].

Реализация дополнительных мер была отражена в приказе по 287-му сп от 9.06.1942. Предписывалось к 15 июня всем командирам подразделений изучить прилегающую местность в указанных направлениях и связаться с частями Красной Армии, постами ВНОС, райотделами милиции и НКВД. Были созданы 4 рекогносцировочные группы по направлениям: Воронеж-Касторная (майор Злобин), Воронеж – Усмань (капитан Нифонтов), Воронеж – Хлевное (ст. политрук Степанов), Воронеж- Землянск (л-нт Митрюков). Разрабатывались детальные планы рекогносцировок и взаимодействия [42, л. 117, 118].

Приказом начальника Воронежского гарнизона полковника И. Е. Глаголенкова от 14.05.1942 № 2/оп об организации обороны г. Воронежа, согласованным с начальником УНКВД ВО Н. А. Голубевым, 41-й и 287-й полки НКВД объявлялись оперативным резервом гарнизона, им предписывалось взять под постоянное наблюдение и охрану «юго-восточную зону Воронежа в границах Монастырщенька, Никольское, Масловка», одну роту выставить постоянным гарнизоном в н.п. Старые Семилуки для охраны моста через р. Дон [43, л. 72; 44, л. 9–10] (сам мост охраняла рота 26-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог) [44, л. 12]). С 17 мая 1942 г. командный состав 287-го сп был переведен на казарменное положение, а с 18 июня ему были запрещены «всякие увольнения в город» [48, л. 5; 43, л. 128].

Приказом И. Е. Глаголенкова от 27.05.1942 № 1/оп объявлялось о его вступлении в командование вновь созданным для «подготовки обороны Воронежского направления» воронежским боевым участком (военком участка – полковой комиссар П. П. Лисин). Границы участка – район г. Воронежа: «Губарево, Ендовище, Кр. Кут, Девица, Гремячье, Березовка, Н. Усмань, Чертовицкое, Ямное».

В оперативное подчинение начальнику участка, на основании приказа командующего войсками Брянского фронта от 19.05.1942 № 00192/оп, передавались 10-я запасная стрелковая бригада, 41-й, 287-й сп ВВ НКВД, 233-й и 229-й конвойные полки (кп) КВ НКВД, 125-й стрелковый полк войск НКВД по охране железных дорог НКВД, «гарнизон от 26-й дивизии НКВД по охране моста через р. Дон у с. Семилуки», а также войсковые части Красной Армии 25-й запасной зенитный артполк и части 3-ей дивизии ПВО, дислоцированные в Воронеже, 2-й запасной кавалерийский полк, ремонтные базы №№ 7 (филиал), 40, 42, отряд народного ополчения.

Им ставились задачи «упорно оборонять г. Воронеж, подступы к нему и указанный район от нападения наземных и воздушных сил противника», в т. ч.

- 1) создать на важнейших направлениях отдельные опорные пункты, соединив их в систему;
- 2) «при обнаружении уничтожить диверсионные авиадесантные группы противника»;
- 3) «определить и взять под охрану и оборону важнейшие объекты в городе и окрестностях»;

4) установить строжайший воинский порядок на территории города и на боевом участке [44, л. 74].

Конкретные задачи 287-го сп по обороне Воронежа уточнялись в приказах командира 13-й мсд от 24.05.1942 № 1/оп [44, л. 107] и № 2/оп [44, л. 108]. Отметим, что уже в частном боевом приказе по 13-й мсд от 29.05.1942 № 3/оп не исключалась возможность не только «внезапной высадки крупных авиадесантов», но и «и прорыва мотомеханизированных частей противника на подступы к г. Воронеж и его важнейшим объектам». Для оперативного отражения прорыва предусматривалось создание ударной группы во главе с командиром дивизии (41-й сп, 2-й запасной кавполк, артдивизион 3-й дивизии ПВО, взвод танков 7-й ремонтной базы). 287-й сп определялся как резерв ударной группы [44, л. 109].

В 20-х числах мая полку был выделен участок обороны в городе [43, л. 68–69; 44, л. 12], который уточнялся в ходе проводимых рекогносцировок [43, л. 77].

С начала июня 1942 г. 287-й полк во исполнение частных боевых распоряжений начальника войск НКВД по охране тыла Брянского фронта от 29.05.1942 № 001 и командира дивизии от 5.06.1942 № 00134 обеспечил службой заграждения рубеж Воскресенка – Хлевное – Конь- Колодезь – Муравлянка – Воронеж, выставив заградительный пост в составе роты в селе Хлевное. Рота прибыла на место 8 июня [43, л. 116]. Начало налаживаться взаимодействие с местными органами НКВД и комсомольскими бригадами содействия. Все задержанные отправлялись в особый отдел 13-й мсд в Воронеж [42, л. 88, 92, 92 об.].

Среди пишущих о боях за Воронеж встречается мнение, что «город совершенно не был подготовлен к обороне, на занятых рубежах личный состав подразделений в течение с 4 по 6 июля в спешном порядке возводил оборонительные сооружения» [57, с. 209]. Но рассекреченные архивные документы свидетельствуют об обратном. Так, в докладе Управления 13-й мсд «О боевых действиях 287-го стрелкового полка в г. Воронеже отмечалось: «Город по рубежу р. Дон был прикрыт мощной системой долговременных огневых точек и укреплениями полевого типа, все оборонительные сооружения были прикрыты противопехотными и противотанковыми препятствиями, окраины города и улицы внутри города имели хорошие противотанковые препятствия (надолбы, рельсовые ежи, эскарпы), были выстроены баррикады насыпного типа из мешков с песком с бойницами для действий из винтовок, пулеметов» [47, л. 1 об.]. Возможно, эта картина излишне оптимистична, но существует немало свидетельств о наличии соответствующих укреплений, исходящих, в том числе и от противника. Так, фельдмаршал М. фон Вейхс, возглавлявший армейскую группу, наступавшую на Воронеж, отметил в боевом отчете за 8 июля: «все еще не удалось уничтожить три огневых бетонированных точки, которые, по-видимому, заняты фанатичными и хорошо вооруженными людьми (НКВД)» [2].

Не следует забывать и о масштабных фортификационных усилиях, реализованных воронежцами под руководством Городского комитета обороны (ВГорКО) ещё в 1941 г. [12, с. 206, 208] и продолженных весной 1942 г. на основании постановления Государственного комитета обороны от 26.03.1942 № 1501 «О строительстве и восстановлении оборонительных рубежей» [38], конкретизированным постановлением ВГорКО от 15.05.1942 № 141.

287-й и 41-й стрелковые полки активно участвовали в починке старых и возведении новых укреплений с 10 по 28 июня, в частности, в районе Старых Семилук строили 2 батальонных района обороны [43, л. 128]

Масштабы выполненных работ представлены в таблице 5.

Таблица 5 [47, л. 1 об - 2.]

№	Наименование выполненной работы	287 сп		41 сп		Всего
		Объём выполнения				
		в штуках	В м ³	в штуках	В м ³	
1.	Вынуто грунта		7308		200	7508
2.	Переброшено земли		1250			1250
3.	Замаскировано огневых точек		369 м ²			369 м ²
4.	Отрыто котлованов в т.ч.	161		144		205
	для ДЗОТов.	3		2		5
5.	Для иных фортификац. сооруж.	148		68		216
6.	Заготовлено лесоматериалов	-	60	-	1457	1892
7.	Смонтировано огнев. точек	9				9
8.	Перевезено на автотрансп.					
	железобет. колпаков -2 тонн.	33				33
	лесоматериала		274			274
9.	Затрачено рабочих человеко-дней	4216		3380		7596
10.	Затрачено рабочих автомоб. дней	80		11		91

Недовыполнение в срок установки железобетонных колпаков обусловило письмо начальника гарнизона к командиру 13 мсд от 29.06.1942 № 018/оп [44, л. 111], повлекшее за собой решение о выделении 41-м и 287-м полками по 150 чел. на период с 30 июня по 2 июля [44, л. 110].

К началу июля 1942 г., по мнению полковника Глатоленкова, «оборонительный пояс вокруг города принял законченную форму». Гораздо более серьёзной проблемой стала «нехватка заранее выдвинутых для занятия оборонительных рубежей и сооружений и обороны ближайших подступов к Дону и Воронежу регулярных войск» [63, с. 30].

Изменения в составе гарнизона, в частности убитие 229-го сп НКВД и отъезд управления 13 мсд, повлекли за собой новые изменения в организации обороны. Частным боевым приказом начальника Воронежского боевого участка от 10.06.1942 № 5/оп «в связи с изменениями, произошедшими в составе частей гарнизона...» руководство ударной группой возлагалось на начальника учебного центра полковника Афанасьева (в состав группы включался сводный полк курсантов центра). 287-й сп объявлялся резервом начальника боевого участка [44, л. 105 об.]. Дальнейшее уточнение задач

содержалось в приказе начальника Воронежского боевого участка от 28.6.1942 № 6/оп.

287-му полку отводился рубеж на второй оборонительной позиции в юго-западном секторе Воронежа, начиная «от оврага юго-западнее завода им. Коминтерна» (современный район ул. 9 января и вокзала Воронеж-Курский), вдоль юго-западной окраины города вплоть до современной ул. Моисеева, с тыловой границей по р. Воронеж от Чернавского моста до впадения в нее р. Песчанка (полк фактически располагался в центре боевой группировки сил гарнизона). Перед собой по р. Дон полк имел части 232-й сд Красной Армии, которые занимали фронт, объективно значительно превышающий их оборонительные возможности. Справа должны были размещаться подразделения 233 конвойного полка НКВД, имевшего задачей оборонять северо-западный сектор города. Левый фланг по берегу р. Воронеж и тыл должны были прикрываться 41-м сп НКВД, имевшим задачей оборону юго-восточного сектора города [47, л. 1 об - 2.].

При этом сам полк, в соответствии с приказом 13-й мсд от 29.06.1942. № 0031, остался единственным из дивизии, продолжавшим дислоцироваться в г. Воронеже. Исключение по-прежнему составляла одна рота, которая несла службу заграждения в с. Хлевное [45, л. 119]. Важные сведения о численности и оснащении полка представлены в таблице 6.

Таблица 6 [49, л. 193–193 об.]

Сведения о составе 287 полка по состоянию на 25 июня 1942 г.

Наименование	Положено по штату	Состоит по списку	Состоит на лицо
Личный состав			
Комсостав	92	67	41
Политсостав	25	23	19
Технический состав	5	5	5
Административно-хозяйственный состав	14	11	11
Медицинский состав	16	15	11
Ветеринарный состав	1	1	1
Итого начсостав	154	122	88
Младший начсостав	369	217	153
Рядовой состав	1127	727	390
Всего военнослужащих:	1650	1066	631
Конский состав			
Верховых	37	23	23
Артиллерийских и обозных	99	-	-
Итого:	136	23	23
Автомобильный и мотоциклетный состав			
ГАЗ-АА грузовых	38	13	13
ЗИС-5 грузовых	8	7	7
«Пикап»	1	-	-
специализированных	9	5	5
Легковых	6	1 «ГАЗ» А	1
Итого:	63	26	26
Мотоциклы	6	-	-

Наименование	Положено по штату	Состоит по списку	Состоит на лицо	
Вооружение				
Всего винтовок и карабинов	1173	1025	743	
Из них: автоматических	764	127	79	
Станковых пулеметов	12	12	8	13 ¹
Ручных пулеметов	81	12	-	13
Пистолетов-пулеметов Дегтярева	112	13	13	
45 мм пушек	4	-	-	
82 мм минометов	4	-	-	
50 мм минометов РМ-50	8	8	8	
Радиостанций	4	3	3	

Как мы видим, полк к концу июня не успел получить даже положенного по списку, имея вместо «положенных трех только два батальона, оформленных в апреле-мае месяцах, а также спецподразделения полка: роты автоматчиков, пулеметную и минометную». При этом, как указывалось выше, одна рота оставалась в районе Хлевно (60 км. севернее Воронежа). Штаб полка полностью сформирован не был: не было штатного начальника штаба и ряда других работников [47, л. 2 об.]. Удручающей была степень оснащения противотанковыми средствами, хотя командир 13-й мсд ещё 18 мая в боевом донесении № 1/оп ходатайствовал об обеспечении 41-го и 287-го полков противотанковыми ружьями [44, л. 12]. В свою очередь, по воспоминаниям ветеранов, определенное количество автоматов было изъято в ходе заградительных мероприятий у отступавших бойцов Красной Армии [2].

По мнению руководства 13-й мсд, «фактически полк представлял еще незаконченную формированием часть, со слабым штабом, вооруженную только винтовками с крайне незначительным количеством автоматики, не имел совершенно противотанковой обороны. Но начальствующий и рядовой состав были дисциплинированные, преданные Родине и товарищу Сталину люди, готовые драться с врагом в любую минуту, любым оружием, в любом месте, где прикажет Партия и Правительство» [47, л. 2 об.].

Стойкость и готовность к самопожертвованию проявились уже в ходе отражения воздушных налетов, число которых выросло: если в апреле 1942 г. в зоне Воронежа было замечено 229 самолетов противника, то только в первой декаде июля – 4508 [3; 14]. Именно авианалеты принесли первые записи в полковой «Список военнослужащих, погибших в боях за город Воронеж в июле 1942 г.»: 28 июня фугасной бомбой были убиты 2 бойца [51, л. 1,2]. Но 287-й сп активно боролся с последствиями авиаударов. В приказе по полку от 30.07.1942 № 136 была объявлена благодарность мл. лейтенанту С. Сабирзянову и четверым бойцам полка, при бомбежке в ночь на 28 июня самоотверженно тушившим десятки зажигательных бомб, сброшенных на расположение части и штаб дивизии и не допустившим распространения пожаров. При этом благодаря стойкости часового Кириченко удалось предотвратить возгорание цистерны с топливом [54, л. 11-11 об.].

¹ По сведениям из отчета 13 мсд [47, л. 2 об.].

Однако стойкость, мужество и высокая идейность, к сожалению, далеко не всегда могли полноценно компенсировать недостаток технического оснащения и надлежащей тактической подготовленности. Увы, это и было наглядно продемонстрировано в ходе июльских боев за Воронеж.

По данным руководства 13-й мсд, начиная со 2 июля полк в условиях регулярных бомбежек начал выдвигаться на рубеж обороны. На правом фланге расположился 1-й стрелковый батальон (1 сб) без одной роты, а на левом – 2-й сб, минометная рота и рота автоматчиков, перехватывая от железной дороги ул. Кольцовскую (современная ул. Ворошилова) и ул. Кирова, переходящую в шоссе на Малышево (современные ул. Моисеева и 121-й стр. дивизии). При этом учитывалось, «что в южной части улицы Кирова сосредоточены танки ТБР, а юго-восточную часть города прикрывает один из сильнейших полков гарнизона (41-й сп НКВД 10-й СД)» [47, л. 2 об.].

Одновременно, для восстановления правопорядка в охваченном пожарами и начавшимся в условиях ускоренной эвакуации разграблением богатых городских складов, в помощь поредевшей воронежской милиции стали высылаться 19 пар патрулей от 287-го сп. Уже к 3 июля «значительно сократились грабежи после того, как наряды полка расстреляли на месте нескольких грабителей» [47, л. 2 об.]. В этот же день полк выделил три взвода в боевое охранение 1) по семилукскому шоссе в 5 км. западнее Воронежа, 2) по малышевскому шоссе в 2.5 км юго-западнее Воронежа; 3) «к Вогрэсовскому мосту на западном берегу р. Воронеж с задачей наблюдать за подходом противника и вести охрану дорог» [47, л. 3.].

Непосредственные боевые действия полк начал 5 июля с активного ведения разведки, подвергаясь регулярным авиаударам. Так, разведгруппа во главе с помощником начальника штаба лейтенантом Листопадовым, отправленная «на трёх танкетках», выявила большое скопление мотопехоты и танков противника в лесу северо-восточнее н.п. Малышево и вернулась, «уничтожив одну бронемашину и группу пехоты противника». Лейтенант Листопадов позже возглавил взвод боевого охранения на Вогрэсовском мосту и 6 июля, после гибели всех бойцов взвода при обороне моста, «не желая попасть в руки врага, покончил с собой» [47, л. 3 об.].

Сам ход июльских боев в Воронеже неоднократно рассматривался небольшим числом исследователей, но по-прежнему остается объектом дискуссий. Укажем лишь на два из множества проблемных вопросов.

Первый – общая оценка роли полков НКВД в обороне города. Крайними являются, с одной стороны, её признание в целом не слишком значимой, в частности, в силу как минимум малочисленности этих полков, хотя и составлявших «костяк обороны Воронежа», но слабо вооруженных и имевших специфическую подготовку, мало связанную с масштабными уличными боями. Это, по мнению, В. А. Шамрая, объективно не позволяло им противостоять насыщенным бронетехникой, артиллерией (вплоть до реактивных минометов) и автоматическим оружием элитным подразделениям

вермахта [64, с. 253]. С другой, выделение их особой роли (А. И. Гринько, Е. А. Шендриков, А. В. Сапронов, М. В. Вольский), вплоть до высказанного О. В. Грищенко тезиса «Спасение Воронежа стрелковыми полками НКВД» [17].

Н. Н. Стариков предложил показавшуюся ему взвешенной трактовку: «Находившиеся в Воронеже части войск НКВД оказались, по существу, единственной боевой силой, способной сдержать наступление противника до подхода войск Красной Армии», однако ведомственная разобщенность и несогласованность привели к самовольному покиданию ими позиций и оставлению правобережной части города, которую потом пришлось штурмовать с огромными потерями [57, с. 209, 212]. Но такой подход лишь усиливает остроту второй выделяемой нами дискуссионной проблемы – о степени ответственности командиров полков НКВД за неудачи в ходе боев в городе.

Одной из причин, породивших дискуссии, стала длительная ограниченность используемой авторами эмпирической базы, часто сводимой к уже упомянутым «докладу Дюльдина», «рапорту Злобина» [5], (только теперь непосредственно из РГВА и без купюр), дополненным ставшими доступными докладом А. М. Дюльдина «О боевых действиях 233-го конвойного полка НКВД при обороне г. Воронежа с 3 по 31 июля 1942 г.» [40, л. 29–37], «Боевой характеристикой 41-го полка по охране тыла Воронежского фронта» [52, л. 1–12] и воспоминаниями командира 125-го полка НКВД по охране железных дорог подполковника П. Н. Беломытцева [13]. Эти документы, безусловно, информативны, но отличаются высокой степенью субъективности, в том числе порожденной реально существовавшими конфликтами внутри гарнизона, не только межведомственными, с армейским руководством [43, л. 128], но и между командирами разных полков НКВД. Последние усилились с 5 июля, после назначения командира 233-го кп подполковника Дюльдина начальником Воронежского боевого участка (из-за ранения полковника Глаголенкова, кстати, тоже бывшего офицера пограничных войск НКВД СССР).

Поэтому в большинстве источников просматривается субъективистско-обвинительный уклон по отношению к другим «соратникам по боям». Изначально он замечен у А. М. Дюльдина, но со временем стал предельно очевидным у командира 41-го сп М. И. Васильченко, особенно после отыскания его предсмертного письма от 9 июля 1942 г. М. И. Васильченко, перед тем как совершить самоубийство, прямо обвинил всё руководство боевого участка в отдаче «преступного» приказа о неподготовленном наступлении через р. Воронеж, повлекшем за собой большие жертвы среди бойцов полка [7; 62].

Опираясь преимущественно на какой-либо один из подобных документов, и недооценивая субъективизм его авторов, отдельные современные исследователи начинали делать не всегда объективные выводы, в ряде случаев доходя до крайностей. Так, тот же Н. Н. Стариков писал: «Уход полков

с оборонительных позиций и оставление города врагу без боя – преступление, а получилось так, что виновных не оказалось» [57, с.212].

Беспристрастный анализ особенностей боевых действий полков НКВД в г. Воронеже в июле 1942 г. – предмет уже подготовленной к печати одним из нас отдельной публикации, основанной как на вновь вводимых в научный оборот документальных источниках, так и на компаративном анализе достижений уже имеющейся историографии. В данной статье, в силу ограниченности её объема, рискнем лишь набросать несколько общих тезисов.

Несогласованность действий и отсутствие их четкого плана в ходе летних сражений в районе Воронежа были присущи даже командованию более высокого ранга, причем как советскому (смена точек зрения командующим Брянским фронтом генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым), так и немецкому (острые дискуссии о том, стоит ли втягиваться в бои за Воронеж, повлекшие за собой задержки с ротацией соединений вермахта).

В нашем же случае исходным пунктом, как представляется, было распоряжение начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР генерал-майора И. С. Шередеги от 17.05.1942 № 19/2-00298, согласно которому «части внутренних войск НКВД не могут быть подчинены командующим фронтам и армий без ведома начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР, а потому и не могут быть включены в состав боевых участков». Имелась частичная оговорка «за исключением случаев обороны пунктов дислокации последних и для оказания помощи в оборонительных работах по укреплению отдельных районов». Однако значимость данного уточнения снижалась с учетом следующего положения: «но не в ущерб выполнению основных задач и в соответствии с приказом НКВД СССР № 021» [42, л. 98, 102]. Напомним, что сам А. М. Дюльдин и начальник УНКВД ВО Н. А. Голубев ещё 4 июля пытались добиться от Ф. И. Голикова разрешения на полный вывод 233-го кп для выполнения его прямой задачи – конвоирования заключенных и военнопленных [40, л. 29].

Бытует мнение, что начавшийся в 1:00 6 июля выход 41-го сп из Воронежа был осуществлен по устному приказу начальника штаба 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (в составе которой этот полк и находился) подполковника В. И. Зайцева [65, с. 254]. Однако в РГВА нами найден конкретный документ на имя командира 13-й мсд полковника В. А. Горишнего от 3.07.1942 № 198/3, подписанный В. И. Зайцевым и имеющий угловой штамп 41-го сп. Содержание его не позволяет двояких толкований: «По приказанию Начальника ВВ НКВД генерал-майора тов. Шередега 41-й полк выступает в гор. Сталинград. Задача 41-го полка по плану обороны гор. Воронеж передается на части Вашей дивизии. Генерал-майор передал по ВЧ распоряжение о Вашем сношении с начальником гарнизона и о выделении, при необходимости, взамен 41-го полка подразделения или части для выполнения задачи по обороне гор. Воронеж. Ориентировочный срок выступления 41-го полка из Воронежа 5.7.1942 года» [43, л. 131].

Таким образом, отход 41-го сп из Воронежа, резко ослабивший оборону города на самом, в тот момент, опасном фланге, был предписан нормативно. Более того, рукописная резолюция самого В. А. Горишнего о возложении соответствующего задания на 287-ю сп свидетельствует о попытках командира 13-й мсд хотя бы формально принять какие-то меры.

Сам полковник Горишний, совсем недавно находившийся в Воронеже, объективно должен был понимать, что ставит перед 287-м полком невыполнимую задачу. В боевом приказе 13-й мсд от 7.07.1942 № 5/оп указывалось: «противник овладел Воронежем, его передовые танковые отряды 7.07 появились на рубеже Лиски – Каменка. Дивизия форсированным маршем 7-8.07 переходит в район Новохоперск за реку Хопер» [44, л. 118]. А вот от 287-го полка требовалось совсем иное. Приказ на имя командира 287-го сп от 9.07.1942 № 00881, изначально гласил: «на основании приказа Начальника войск за № 1101 от 9.7.1942 командир дивизии приказал вверенный Вам полк оставить в обороне г. Воронеж. Разъясняю, что на основании приказа НКВД СССР № 0021 Вы обязаны покинуть гарнизон города только совместно с убитием КА [Красной Армии – *Авт.*] и не раньше их на основе принятого командованием КА решения, не оставаясь прикрытием частям КА, а отходить вместе с ними для организации в дальнейшем службы заграждения по рубежам. На случай отхода маршрут: Рождественская Хава, Панино, Архангельское, Верх. Корочан, Борисоглебск [44, л. 119].

Какие решения должен был принять командир 287-го сп в условиях, когда немецкие автоматчики, усиленные бронетехникой, обошли позиции полка с левого фланга, захватив Вогрэсовский мост, подходя к Чернавскому мосту и ворвавшись на Придачу? В докладе 13-й мсд указывалось, что в условиях резкого падения эффективности централизованного управления обороной, вызванного ранением полковника Глаголенкова, выхода на позиции 2-го сб 287-го полка большого количества отступающих из частей 232-й сд, потенциально способных закрепиться на данном рубеже, майор Злобин решил планомерно отвести этот батальон в район перекрестка улиц Кирова и 20-летия Октября с целью прикрытия от возможного удара просочившихся по берегу реки гитлеровцев в тыл, а сам организовал разведку положения дел на Вогрэсовском мосту. Но изложенная как подвиг история с обманом немцев, захвативших мост, лично подъехавшим туда на грузовике майором Злобиным вызывает некоторую настороженность: нахождение в кузове вместе с командиром офицеров штаба [47, л. 20] больше напоминает не разведку, а попытку срочной эвакуации. Отход 2-го сб в конечном счете повлек за собой выполненное в гораздо более сложных условиях боев в окружении отступление за реку 1-го сб 287-го сп и батальона 233-го полка [47, л. 3-4].

Тем не менее, дальнейшие действия майора Злобина свидетельствуют о его личном мужестве и организаторских способностях.

Ему удалось:

1) совершить днем 7 июля успешный прорыв в город от дамбы Чернавского моста и последующие продвижение вплоть до современной площади Ленина и железнодорожного вокзала (лишь провал плохо организованной подполковником Дюльдиным атаки через реку вынудил бойцов 287-го полка вновь с боями отступить);

2) активно поучаствовать с 10 июля в совершении нового прорыва от Отроженских мостов в районы СХИ, кирпичного завода и стадиона «Динамо» к северным окраинам города.

Личный состав 287-го полка с 11 июля продолжал сражаться как батальон уже в составе сводного полка НКВД. 17 июля под командованием врид. начальника штаба полка старшего лейтенанта Митрюкова была совершена попытка очередного дерзкого прорыва в город, вновь в итоге сорвавшаяся из-за отсутствия артиллерийской поддержки и взаимодействия с «соседями» [47, л. 6 об.]. Сам же майор Злобин, первоначально назначенный заместителем командира сводного полка (сводный батальон возглавил майор Нифонтов), вскоре был, к своему недовольству, заменен на этом посту представителем 233-го полка майором Якубенко и впоследствии занимался организацией заградзастав, хозяйственными вопросами, готовя постепенный вывод до 31 июля личного состава полка к месту новой дислокации за пределы города [47, л. 19].

Учтем, что на основании «устного приказа заместителя командира 13-й мсд тов. Моковецкого» второй эшелон полка с 5 июля был переведен «из совхоза Отрадное в село Рождественская Хава [54, л. 15 об.]. На 20 июля, в соответствии со сведениями о дислокации полка, в Воронеже оставалось 398 чел., а рота под командованием старшего лейтенанта Дронина в Рождественской Хаве насчитывала 112 чел. [45, л. 12].

Далеко не столь однозначна была и реакция подполковника Дюльдина. В «горячке событий» в донесении Ф. И. Голикову от 7 июля он писал: «Критическое положение, создавшееся 6.7.1942 на участке обороны города, произошло из-за неустойчивости и панического настроения командования 287-го и 41-го оперативных полков НКВД, над которыми довели неоднократные приказы командиров дивизий о выводе этих частей из города на место новой дислокации <...> 287-ой полк в течение 6.7.1942 несмотря на мой категорический приказ держаться в обороне до последнего человека, три раза снимался и, тем самым, оголял наиболее ответственный участок обороны – юго-западную окраину гор. Воронеж» [53, л. 5 об.-6 об.]. А в «Отчете о боевых действиях частей НКВД, входящих в боевой участок по обороне Воронежа с 3 по 31 июля 1942 г.» Дюльдин несколько раз подчеркивал, что, начиная с 7 июля, «287-й полк упорно дрался на улицах города» [40, л.6, 16]. Сопrotивление 287-го полка в южной части Воронежа отмечено и противником, к примеру, в отчете 24-й танковой дивизии за 6 июля [66, с. 170].

Личный состав 287-го сп проявлял не только мужество, но и смекалку, в частности активно используя в ходе боев вооружение, подобранное на поле боя. Известна история о том, как, применив ранее брошенную красноармейцами на нейтральной территории пушку, бойцы полка подбили 2 танка, заставив гитлеровцев прекратить атаку.

Сопоставление наличествующих в отчетах данных о нанесенных гитлеровцам потерях, представлено в таблице 7.

Таблица 7 [42, л.17; 18]

Потери гитлеровцев	По частям НКВД боевого участка	287 сп
Солдат и офицеров	Свыше 6 тыс	До 2 тыс
ДЗОТов	До 40	
Минометных батарей	До 15	36 минометов
танков	14	7
Орудий	44	6
Пулеметов	46	40
Автомашин	12	

Соответствие этих цифр объективным реалиям спорно, но, отвечая на вопрос о вкладе полков НКВД в бои за Воронеж, в данный момент достаточно привести слова из обращения заместителя Народного комиссара обороны генерал-лейтенанта М. С. Громадина к «отважным бесстрашным воинам частей НКВД» 11 июля 1942 г.: «В трудный, напряженный боевой период для Воронежа по уничтожению фашистских захватчиков, Вы <...> сдерживали натиск фашистов. <...> всем бойцам, командирам и политработникам частей НКВД Военный совет выносит благодарность» [5, с. 359]. 5 октября 1942 г. 287-му полку было вручено Революционное Красное Знамя [29].

Бои за Воронеж дались полкам НКВД дорогой ценой. «Потери полка большие, – докладывал майор Злобин. – Но они оправдываются тем, что полк уничтожил гораздо больше захватчиков, нежели потерял сам» [18]. Оставив для будущей публикации анализ данных о потерях, приводимых различными авторами, пока обобщим в двух таблицах сведения, содержащихся как в официальных отчетах, так и в поименных списках потерь. Таблица 8 дает возможность провести компаративный анализ потерь за июль 1942 г. как полков 13-й мсд, так и полков НКВД, оборонявших Воронеж.

Ещё более красноречива таблица 9, демонстрирующая динамику численности личного состава 287-го сп с 25 июня по 25 июля 1942 г.

Для частичного возмещения потерь полка 30 июля 1942 г. в селе Рождественская Хава в его состав вошёл 3-й линейный батальон 307-го стрелкового полка внутренних войск НКВД СССР численностью 396 военнослужащих [59, л. 200; 55, л. 4 об.]

Таблица 8 [46, л. 7; 47, л. 7.об.; 40, л. 36; 52, л. 7]

Полки	Убито			Ранено			Без вести пропало		
	Категории личного состава								
	Нач..	Мл. нач.	Рядов.	Нач..	Мл. нач.	Рядов.	Нач.	Мл. нач.	Рядов.
287 вар 1	20	21	50	21	61	168	4	30	147
287 вар2	21	22	49	26	67	170	3	37	138
% л.с.	16,6	10,1	6,8	20,6	30,8	23,5	2,4	17	17,8
274			3			6		3	46
266		1	4			1		5	60
289			3			6	3	3	61
4 ксп			7		1	19	3	8	28
Ди-виз.	21	23	66	26	68	203	9	56	329
233 к.	5	9	47	9	26	182	-	4	66
41 пп	217			391			108		

Таблица 9 [46, л. 194, 208]

	Ср. нач. состав	Мл. нач. состав	Рядовые.	Всего	
<i>До вступления в бой на 25.06.1942.</i>					
По списку	126	217	721	1064	
На оборонных раб.	18	37	213	268	
В командировке	10	11	80	101	
В заградотряде	6	13	36	55	
Больных	-	3	7	10	
Под арестом	-		1	1	
Всего вне части	34	64	337	435	
На лицо	92	153	384	631	
<i>Потери</i>					
Убито ¹	21	22	49	92	
Ранено	26	67	170	269	
Без вести пропало	3	37	138	179	
Итого	50	126	357	534	
<i>На лицо 25.07.1942</i>					
На передовой	4	4	21	29	
Заград заставы и тыл	72	87	342	501	
Итого на лицо	76	91	363	530	

Говоря о дальнейших организационных изменениях, укажем, что на основании приказа Командующего войсками Воронежского фронта от 24.07.1942 № 055 полк с 21 июля 1942 г. был включен в состав войск этого

¹ По непроверенным данным шесть бойцов 287-го сп противником в городе были повешены.

фронта. [60, л. 30; 61, л. 31]. В свою очередь, на основании боевого распоряжения штаба Воронежского фронта от 25.07.1942 № 0056, 31 июля полк был выведен из Воронежа и из оперативного подчинения 121-й стрелковой дивизии Красной Армии и включен в состав Управления войск НКВД Воронежского фронта. Приказом НКВД СССР от 28.7.1942 № 001547 полк был выведен из состава 13-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. [60, л. 28; 61, л. 34].

Рассматривая изменения в дислокации и задачах полка, укажем, что вплоть до 12 ноября 1942 г. он размещался на территории Воронежской области, занимаясь с 1 августа охраной тылов 40-й армии Воронежского фронта: с 7 по 29 июля – в селе Рождественская Хава, с 30 июля по 11 августа – в совхозе им. Кирова, с 19 августа по 12 ноября 1942 г. – в селе Красный Лиман (на 21.08.1942: «штаб полка – Кривуша, резерв полка – Красный Лиман, батальоны – Рождественская Хава, Усманские Выселки, Запрудское, Б. Мартин»). [18; 54, л. 28,41 об. 45; 56, с. 228].

Вывод полка из боевых действий ещё не означал прекращения участия в них отдельных военнослужащих. Речь идет, в первую очередь, о созданных на основании приказа Народного комиссара обороны от 1.05.1942 № 130 снайперских курсах «из числа лучших и опытных стрелков с 15-20-дневным сроком обучения и последующей их стажировкой на фронте в составе специальных команд [44, л. 86]. Так, 23 октября 1942 г. с участка обороны 141-й стрелковой дивизии возвратилась такая команда из 11 человек во главе с младшим лейтенантом Шинкоренко. За трое суток ими было уничтожено 34 военнослужащих противника, потерь команда не имела. Результат мог бы быть и более высоким, если бы командование дивизии вопреки договоренности не использовало бы снайперов в обороне, не давая им возможности личного поиска.

Вторая команда из 16 снайперов, вернувшаяся 9 ноября, за такой же срок уничтожила «33 немца» [53, л. 26.48 об.]. С 17 октября 1942 г. по 11 июня 1943 г. снайперы из 5-й, 7-й и 8-й рот 287-го сп общей численностью в 58 чел. с боевых позиций 19-й Воронежской, 303-й стрелковых дивизий 57-й армии и 141-й стрелковой дивизии 40-й армии вывели из строя 156 гитлеровцев.

Важной составляющей оперативно-служебной деятельности полка было несение службы заграждения, организация заградительных застав. О несении этой службы определенной категорией публицистов написано немало, мягко скажем, спорного. Поэтому дадим возможность читателю непосредственно ознакомиться с результатами служебной деятельности заградзастав 287-го полка в его «зоне ответственности» на территории Воронежской области в относительно «спокойном» октябре 1942 г. (табл. 10).

Обратим внимание и на дальнейшие траектории задержанных. Военнослужащие отправлялись в особый отдел 40-й армии. Гражданские правонарушители частично передавались в местные органы милиции, а уклонявшиеся от призыва - в районные военные комиссариаты по месту жительства.

Таблица 10 [53, л. 1-37 об.]

	1942, октябрь,														
Дни месяца	1	2	3	4	5	7	8	9	10	11	12	13	14	16	17
Военнослужащих	5	13	7	17	2	10	6	4	7	7	1	14	13	13	10
отставших от части	5	6	3	6				2					10		8
дезертиров		1		1	1		3		2	2	1	1		3	2
мародеров		2			1	1		2						3	
без надлежащих док-тов		4	4	10		9	3		5	5		13	3	7	
вышедших из плена															
Гражданских	15	3	10	9	8	4	7	17	2	26	24	6	2	29	16
уклонивш. от призыва	7	1	9	5	4	4	7	17			2		1	29	12
без надлежащих док-тов	5	2	1	4	4				2		23	4	1		4
Бежавш. из-под стражи										1		2			
Итого	17	16	17	36	10	14	13	34	9	33	25	20	15	43	26

Дни месяца	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	итог
Военнослужащих	10	10	-	8	-	5	12	3	5	6	4	7	9	10	218
отставших от части							1						1		41
Дезертиров	1	1				1	4	3	2	5	4	1	6		45
Мародеров				2			6								17
без надлежащих док-тов	10	8		4		2	1		2	1		6	2	10	109
вышедших из плена		1		2		2			1						6
Гражданских	11	1	6	-	3	4	2	2	17	8	4	6	9	4	255
Уклонивш. от призыва	4		4		3	4		1	3	6	4	5	9	4	145
без надлежащих док-тов	7	1	2				2	1	14	2		1			80
Бежавш. из-под стражи															3
Итого	21	11	6	8	3	9	14	5	22	14	8	13	18	14	494

Практически ежедневно осуществлялась высылка разведывательно-поисковых групп (РПГ) на участки местности, требовавшие особого контроля. Так, только 30 октября были отправлены: от 1-й роты – 2 РПГ, задержан 1 человек, от 2-й – 4 РПГ и 5 задержанных; от 4-й – 2 и 4; от 5-й – 2 и 5, от 6-й – 1 и 0, соответственно [53, л. 35].

В ходе оперативно-служебной деятельности подразделениям полка приходилось решать самые разнообразные задачи. Регулярно приходилось пресекать случаи мародерства. Так, 9 октября 1942 г. расследовался факт хищения красноармейцами 113-го кавалерийского полка 70 снопов сена в

районе Красный Лиман. Еще одним типичным случаем стало хищение и попытки обмена на продукты бочки керосина, совершенные 23 октября тремя бойцами команды 59 района авиаобеспечения в колхозе «Борьба» (н.п. Александровка) [53, л. 9 об., 25 об.].

Активно велась борьба с дезертирством. Так, 10 октября 1942 г., проверялись агентурные данные о том, что в камышах у с. Тамлык Новоусманского района скрывается группа вооруженных дезертиров. Высланной РПГ под командованием мл. лейтенанта Дурынина при прочесывании местности были задержаны с применением оружия 2 дезертира из «саратовской зенитной школы». 22 октября РПГ от 4 роты 2 батальона численностью в 20 бойцов задержала в н.п. Отрожка 5 человек [53, л. 17, 24].

Личный состав полка противодействовал диверсионно-разведывательной деятельности агентов противника. 9 октября на КПП 2-й заставы 1-го батальона в н.п. Мосальское был задержан красноармеец В.А. Бурылев, на допросе которого было выяснено, что после сдачи в плен в районе Умань он был завербован, с 10 апреля по 30 мая 1942 г. обучался в разведшколе г. Харькова в общем потоке из 29 человек. После обучения был переброшен «в тыл Красной Армии в районе Коротояк в направлении Давыдовка с задачей – диверсии и сбора сведений о расположении частей Красной Армии и баз». В этот же день был разоблачен задержанный ещё 2 октября на том же КПП Косых П. Т., завербованный немецкой разведкой в Воронеже и переброшенный 21 июля 200 метров южнее Чернавского моста с задачей сбора сведений о пополнениях Красной Армии. 1 ноября самостоятельно сдался Гасонов И. Т., сутками ранее выброшенный с парашютом. Плененный под Киевом в сентябре 1941 г., он после окончания разведшколы получил задание проводить диверсии на железных дорогах области [53, л. 9 об., 10 об, 40].

Оперативно-служебные мероприятия осуществлялись в тесном взаимодействии с местными активистами, объединявшимися в бригады содействия и райотделами НКВД, органами милиции. Так, 15–16 октября 1942 г. производилась облава в н.п. Красный Лиман. Участвовавшие в ней 49 красноармейцев от автоматной роты и 30 человек от бригады содействия задержали 22 человека из числа «подозрительных элементов». 8 ноября 17 нарушителей прифронтового режима были переданы в местные органы милиции [53, л. 10, 47 об.].

В рамках реализации постановлений Военного Совета Воронежского Фронта от 16.10.1942 г. № 017, Военного совета 40-й армии от 18.10.1942 № 0594, бюро Воронежского обкома ВКП/б № 158/с и исполкома областного совета депутатов трудящихся от 18.10.1942. полк принял участие в отселении гражданского населения из прифронтовой полосы в «районах обслуживания»: Рождественско-Хавском, Новоусманском, Каширском, Лео-Россошанском. Отмечалось, что отселение проходило с большими трудностями.

Это обуславливалось следующими причинами:

1) позднее поступление постановлений, повлекшее за собой начало отселения лишь с 23 октября;

2) не во всех отселяемых населенных пунктах присутствовали представители местных властей, не была проведена соответствующая разъяснительная работа среди местного населения, что приводило к конфликтам, вплоть до забрасывания бойцов камнями (н.п. Горки);

3) недостаточная помощь со стороны расквартированных частей Красной Армии;

4) нехватка тягловой силы и др.

Тем не менее, уже к 25 октября было отселено 726 хозяйств общей численностью 2962 человека. К 9 ноября было отселено: по Новоусманскому району 9444 хозяйства – 39046 человек, по Лево-Россошанскому – 2519 и 11321, Каширскому – 383 и 1502, Гремяченскому – 446 и 1347, Рождественско-Хавскому – 4147 и 17100, соответственно [53, л. 28–29, 48 об.].

С 12 ноября 1942 г. во исполнение приказа НКВД СССР от 3.11.1942 № 002414 полк был выведен из состава войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта и до 24 ноября нес гарнизонную службу в г. Серафимовичи [29]. Выполняя приказ начальника войск по охране тыла от 18 ноября 1942 г. № 001, подразделения полка вышли на новый рубеж на территории Сталинградской и Ростовской областей. 1-й стрелковый батальон двумя ротами организовал КПП на 9 переправах через р. Дон. Из состава школы младшего начсостава полка выделялась команда для несения службы заграждения на дорогах Серафимовичи – Затонский, Беляево [53, л. 52, 52 об.].

С 25 ноября по 7 декабря 1942 г. на основании боевого приказа Управления войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта от 22.11.1942 № 001 полк охранял войсковой тыл 5-й танковой армии [29].

В период с 25 ноября по 25 декабря 1942 г. на новых рубежах полком было задержано 3588 военнослужащих и 59 изменников Родины. 30 ноября командиром 2-го стрелкового батальона старшим лейтенантом Левченко были задержаны беспорядочно отходившие 540 красноармейцев и 5 танков КВ. Задержанные были переформированы и отправлены на передовую. В процессе продвижения подразделения полка часто сталкивались с группами не успевших отступить гитлеровцев, вступая с ними в боестолкновения. Так, 6 декабря наряд 9-й роты уничтожил обстрелявших его 2 немецких солдат [53, л. 58].

Активно велось конвоирование военнопленных. В частности, 3-я рота в количестве 37 чел. к 25 ноября прибыла в н.п. Нижне-Затонский для организации временного лагеря военнопленных.

Осуществлялась помощь в восстановлении местных советов, организованы команды подростков по сбору трофеев. Начальником штаба полка майором Мордвиновым в брошенной штабной машине были найдены документы румынской армии [53, л. 58].

С 8 декабря 1942 г. по 3 января 1943 г. на основании боевого приказа Управления войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта от 28.11.1942 № 008 полк охранял войсковой тыл 5-й танковой и 21-й армий [29].

В феврале 1943 г. в полк был назначен новый командир – подполковник Андрей Иванович Кузнецов [18].

В июне 1943 г. полк был вновь включен в состав Управления войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта, а Приказом ГУВВ НКВД СССР от 8.09.1943 № 0038 287-й полк был снова отнесен к частям Действующей Красной Армии [18].

28–31 декабря 1943 г., руководствуясь Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 28.12.1943 №1432/425сс, полк принял участие в депортации калмыков из Калмыцкой АССР в Сибирь и Северный Казахстан.

Приказом НКВД СССР от 5.04.1944 № 00390 полк был включен в состав Управления внутренних войск НКВД Белорусского округа. Во второй половине 1944 года полк передислоцирован в Белоруссию, где получил новый условный номер – в/ч 3412, сохраненный за воинской частью до настоящего времени. Управление части, спецподразделения, 9-я рота полка располагались в г. Минске (охраняя, в том числе, правительственные объекты), 1-й батальон – в Пинске, 2-й батальон – в Кобрине, 3-й батальон – в городе Новогрудок.

Приказом МВД СССР от 18.06.1946 № 00568 полк был выведен из состава Управления ВВ МВД Белорусского округа и включен в состав 7-й отдельной мотострелковой дивизии внутренних войск МВД СССР [29].

На завершающем этапе войны, равно как и в первое послевоенное десятилетие, полк активно боролся с националистическим подпольем, противостоял бандитизму, обеспечивал правопорядок, выполнял ряд важнейших государственных задач. В 1944–1954 гг. личным составом полка было задержано 40 шпионов, 1539 бандитов, 37461 дезертир, вор и т.д. Только с 1 января по 15 июля 1945 г. оперативно-разведывательными группами полка было выявлено и задержано 24 изменника Родины [56, с. 236].

В январе 1945 г. воины 287-го полка охраняли заседание военного трибунала над нацистскими преступниками в зале Дома офицеров Белорусского военного округа. Перед судом предстали десять генералов и четыре старших офицера вермахта и СС [10].

28 января 1945 г. третьим батальоном полка у деревни Антонево Мирского района был дан четырехчасовой бой, в ходе которого было уничтожено свыше 80 и пленено 35 боевиков польского националистического отряда, захвачены миномет, 5 пулеметов, 6 автоматов, 75 винтовок [56, с. 237].

В феврале 1945 г. полк участвовал в чекистско-войсковой операции «Пальма» по дезинформации германских и польских (лондонских) спецслужб, заинтересованных в срыве якобы предполагавшейся в Минске конференции руководителей трех великих держав антигитлеровской коалиции [29].

В июле-августе 1945 г. подразделения 287-го сп, вместе с иными частями Белорусского военного округа общей численностью 3496 чел. обеспечивали охрану железнодорожного полотна на участке Минск – Брест – Варшава во время прохождения состава с советской делегацией на Потсдамскую конференцию глав антигитлеровской коалиции [26, с. 67].

10 сентября 1945 г. 287-м сп совместно с 136-м, 139-м полками 6-й стрелковой дивизии в Молодечненской области в ходе 20-дневной операции были ликвидированы 4 бандгруппы, уничтожено 29 и арестовано 72 бандита, задержаны 63 их пособника и 72 уклонявшихся от призыва [32, л. 117–118].

В 1947 году полком были ликвидированы и пленены 475 бандитов, изъято 503 единицы огнестрельного оружия. Летом 1949 г. подразделениями полка был ликвидирован польский националистический отряд «Волка» [29].

Летом 1947 г. 2-й батальон полка был направлен на Украину, где совместно с другими подразделениями участвовал в операции по ликвидации бандформирований в Ровенской области. Только за 1947 г. военнослужащими полка были захвачены и уничтожены в боях 475 бандитов и грабителей, изъято 503 единицы огнестрельного оружия. Приказом МГБ СССР от 12.08.48 №0101 заместитель командира отделения пулеметного взвода ефрейтор Н. С. Захаров, погибший при выполнении боевого задания 9 июля 1948 г. был навечно зачислен в списки 7-й роты 3-го батальона полка [28; 41, л. 67].

13 сентября 1951 г. на основании приказа МГБ СССР от 12.08.1951 г., изданного во исполнение Постановления Совета Министров СССР от 6.05.1951 № 1482-748сс полк был переформирован в 21-й отряд внутренней охраны МГБ СССР в составе 6-го отдела внутренней охраны МГБ СССР.

В сентябре 1951 г. подразделения отряда в Большом Козьянском лесу Видзевского района Полоцкой области обезвредили 32 участников польского националистического подполья. В феврале 1952 г. отрядом в урочище Урбаны Пинской области был ликвидирован подпольный польский националистический отряд «Сикоры» [31].

В 1954 г. произошло очередное переформирование – в 45-й отдельный мотострелковый дивизион, который претерпев 3 переименования, в 1964 г. после объединения с дислоцированным в г. Минске учебным дивизионом по подготовке командиров стрелковых отделений, именовался как 267-й мотострелковый отряд внутренней охраны МООП БССР, а в 1964 г. на основании приказа МВД СССР от 28.11.1968 № 0055 г. – 362-й оперативный полк МВД СССР [29].

За послевоенные годы полк дважды выполнял служебно-боевые задачи за рубежом: с 9 ноября 1956 г. по 10 января 1957 г. в составе советских войск участвовал в подавлении мятежа в Венгрии, а 7 августа по 10 октября 1968 г в Чехословакии во время операции «Дунай» охранял правительственные здания ЧССР [28].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1975 года полк награжден орденом Красного Знамени, а 5 декабря 1988 г. – переходящим Красным Знаменем Военного совета ВВ МВД СССР [56, с. 239,240].

Полк участвовал в охране зоны отчуждения после аварии на Чернобыльской АЭС (1986 год). Затем с 1988 по 1991 гг. были многочисленные командировки в Сумгаит, Ереван, Нагорный Карабах, Душанбе, Молдавию. 6 июня по 6 декабря 1990 г. личным составом полка, выполнявшим оперативно-служебные задачи в г. Степанакерт Нагорно-Карабахской АО Азербайджанской ССР у местных радикалов было изъято 11 радиостанций, 51 граната, 32 единицы огнестрельного и 91 холодного оружия, 1562 патрона.

Приказом МВД СССР от 28.11.1991 № 084 полк в составе 43-й дивизии ВВ МВД СССР был передан в подчинение МВД Республики Беларусь.

На основании приказа МВД Республики Беларусь от 20.01.1993 № 01 полк был преобразован в 5-й отдельный батальон специального назначения. Впоследствии, претерпев еще несколько преобразований, в настоящее время он функционирует как 3-я отдельная Краснознаменная бригада специального назначения внутренних войск МВД Республики Беларусь, одна из самых элитных частей в составе МВД Республики Беларусь, единственная в МВД Беларуси, имеющая в своем названии формулировку «специального назначения». В составе бригады – батальоны специального назначения, специальный отряд быстрого реагирования (СОБР) и подразделения обеспечения [19].

Личный состав бригады хранит память о её исторических традициях и боевом пути, по-прежнему ведя свою летопись от 287-го стрелкового полка НКВД [20], который формировался и воевал в нашем городе.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, поздравляя бригаду с 80-летием, обратил особое внимание на пройденный «большой славный путь», указав, что «за плечами нескольких поколений воинов-спецназовцев – боевые действия на фронтах войны, выполнение задач на Чернобыльской АЭС и во время межнациональных конфликтов в Закавказье, Средней Азии и Молдавии. При этом неизменными остаются победные традиции части, верность присяге и готовность самоотверженно защищать Родину» [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Е. С., Бобринев К. С., Богачев С. В. Боевые действия полков внутренних войск НКВД в правобережной части Воронежа 6–8 июля 1942 года // *International scientific discoveries* 2018. – Москва, 2018. – С. 61–63.
2. Архив Великой Отечественной войны ВОКМ. – Д. 287-го полка НКВД.
3. Архив Великой Отечественной войны Воронежского областного краеведческого музея. (ВОКМ). – Д. МПВО.
4. Баранов В. П. Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению обороноспособности и внутренней безопасности в период Великой

Отечественной войны // На службе Отечеству: история органов внутренних дел. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – С. 38-53.

5. В боях на Воронежском направлении // Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Док–ты и материалы. – Москва, 1975. – С. 346–360.

6. Владимиров Е. Ради жизни... // Коммуна. – 1985. –12.05.

7. Внеочередное донесение. – URL <https://www.pogranec.ru/attachment.php?attachmentid=369996&d=1401628207> (дата обращения: 15.05.2024).

8. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) : Военно–исторический труд / Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов, А. А. Климов. – В 3 т. – Т. 2. – Москва : Ред. журн. «На боевом посту» ВВ МВД РФ, 2015. – 328 с.

9. Военно-исторический форум 2. – URL <https://vif2ne.org/rkka/forum/arhprint/31416> (дата обращения: 15.05.2024).

10. Войсковой календарь // Беларусь сегодня. – URL <https://www.sb.by/articles/voyskovoy-kalendar-17.html>. (дата обращения: 15.05.2024).

11. Вольский М. В. Боевая летопись 233-го полка конвойных войск НКВД СССР // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж : Фортуна, 2020. – С. 51–58.

12. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). – Ф. 3. – Оп. 1 – Д. 3638.

13. ГАОПИ ВО. – Ф. 5297. – Оп. 4 – Д. 488, 489.

14. Гринько А. И. Линия Ратной Славы : Памятные места боев за Воронеж в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. –174 с.

15. Гринько А. И. Когда горели кварталы: части НКВД в уличных боях за Воронеж. – Москва : Воениздат, 1987. – 91 с.

16. Гринько А. И. Линия Ратной Славы : Памятные места боев за Воронеж в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. –174 с.

17. Грищенко О. В. Спасение Воронежа стрелковыми полками НКВД. «Неизвестная» Воронежская битва 1942-43 гг. – URL: <https://argumenti.ru/history/2021/11/745250> (дата обращения: 15.05.2024).

18. 287-й стрелковый полк ВВ НКВД СССР // Память одного пленного солдата из более чем 5 миллионов. – URL : https://sivokozkuzma.narod.ru/287_sp.html (дата обращения: 15.05.2024).

19. Дементьевский А. 3-я отдельная Краснознаменная бригада специального назначения внутренних войск МВД Беларуси: один день из 70 лет // Спецназ : журнал специального назначения. – 2012. – № 9. – С. 2 –5

20. Дементьевский А., Капуза Я. Создана побеждать. 3-я отдельная Краснознаменная бригада специального назначения внутренних войск МВД Беларуси отметила 80-летие // Спецназ : журнал специального назначения / под

эгидой Белорусской ассоциации ветеранов подразделений специального назначения войск МВД «Честь». – 2022. – № 5. – С. 1–4.

21. Дерешко Б., Невский С. Войска и органы НКВД СССР в битве за Воронеж // Профессионал : Научно–практический альманах МВД России. – 2022. – № 5 (169). – С. 39–41

22. Из описания боевых действий 41-го пограничного полка по обороне Воронежа с 4 по 10 июля 1942 г. // Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942-1945 гг.: Сб. док. и материалов. – Москва : Наука, 1976. – С. 261–262.

23. Климов А. А. Участие войск НКВД СССР в обороне Воронежа в июле 1942 г. // Воронежская область в Великой Отечественной войне: вклад в общую Победу / Под ред. С. И. Филоненко. – Воронеж : ФГБОУ ВО ВГПУ, 2023. – С. 39–43.

24. Ковыршин Е. В. Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования: 1934 - 1947 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2011. – 216 с.

25. Котюх В. Бои на левом берегу р. Воронеж в июле 1942 г. – URL <https://proza.ru/2016/03/27/2290>. (дата обращения: 15.05.2024) (дата обращения: 15.05.2024)..

26. Литвин А. Война после освобождения события 1945 года на территории Беларуси в документах внутренних войск НКВД СССР // Беларуская Думка. – 2015. – № 2. – С. 59- 67:

27. Лукашенко А. Г. Поздравление с юбилеем 3-й отдельной Краснознаменной бригады специального назначения 4 сентября 2022 г. – URL <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-s-yubileem-3-y-otdelnoy-krasnoznamennoy-brigady-specialnogo-naznacheniya>

28. Махин И. Н. Славный боевой путь войсковой части 3214 (послевоенный период) // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 31.

29. МВД Республики Беларусь. Главное управление командующего внутренними войсками. Центральный архив. Архивная выписка из исторического формуляра в/ч 3214 (287 стрелковый полк). – URL : https://sivokozkuzma.narod.ru/287_sp.html(дата обращения: 15.05.2024).

30. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Органы и войска НКВД СССР на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны в контексте эволюции отечественной исторической и историко-правовой науки: некоторые аспекты историографии часть 1 // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 1. – С. 10–19

31. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Органы и войска НКВД СССР на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны в контексте эволюции отечественной исторической и историко-правовой науки: некоторые аспекты историографии часть 2 // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 9–21.

32. Национальный архив республики Беларусь. – Ф. 4. – Оп. 51 – Д. 30.
33. Описание боевых действий засад от 2 дивизиона 21 отряда внутренней охраны МГБ при ликвидации бандгруппы в Пружанском районе Брестской области 24 декабря 1951 г. – URL <https://berezakartuska.livejournal.com/40775.html>.
34. Пермяков И. А. Бои за Воронеж в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции 1942 г. / под общ. ред. проф. С. И. Филоненко. – Воронеж : ФГБОУ ВПО Воронежск. ГАУ, 2012. – 232 с.
35. Потемкин И. А. Войска НКВД СССР, истребительные батальоны органов УНКВД и милиция в обороне Воронежа в 1942 – январе 1943 г. // Вопросы истории. – 2023. – № 11–2. – С. 74–83.
36. Прошедшие огонь... Балашова Зинаида Егоровна. – URL <https://rodnaaya-vyatka.ru/blog/2804/122291> (дата обращения: 15.05.2024).
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 149
38. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 116–118
39. РГВА представляет: войска НКВД в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Документальные материалы внутренних войск НКВД СССР. – URL : <https://forum.vgd.ru/post/3299/132177/p4842766.htm> (дата обращения: 15.05.2024).
40. РГВА. – Ф. 38095. – Оп. 1 – Д.3а.
41. РГВА. – Ф. 38651. – Оп. 1 – Д. 331.
42. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 2.
43. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 4.
44. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 6.
45. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 7.
46. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 8.
47. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 11.
48. РГВА. - Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 18 а.
49. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 24.
50. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 48.
51. РГВА. – Ф. 38676. – Оп. 1 – Д. 53.
52. РГВА. – Ф. 38757. – Оп. 1 – Д.4.
53. РГВА. – Ф. 38797. – Оп. 1 – Д. 7.
54. РГВА. – Ф. 38797. – Оп. 1 – Д. 49.
55. РГВА. – Ф. 39026. – Оп. 1. – Д. 78.
56. Сапронов А. В. Полки ушли... в бессмертие... / А. В. Сапронов. – Кн. 1. Изд. 2-е. – Воронеж : Изд-во «Цифровая полиграфия», 2020. – 565 с.
57. Стариков Н. Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. – Москва : Алгоритм, 2014. – 317 с.
- 58 Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). – Ф.203. – Оп. 2843. – Д.14

59. ЦАМО. – Ф. 203. – Оп. 2843. – Д. 3.
60. ЦАМО. – Ф. 203. – Оп. 2843. – Д. 13.
61. ЦАМО. – Ф. 203. – Оп. 2843. – Д. 116.
62. Чернобоева Т. Н. К биографии М. И. Васильченко – командира 41-го пограничного полка НКВД // «Этот день мы приближали как могли...». – Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2015. – С.300–321.
63. Шамрай В. А. Воронежская область в годы Великой Отечественной войны: Очерки военной, политической и экономической истории. – Воронеж, 2011. – 292 с.
64. Шамрай В. А. Сражение за Воронеж. Оборонительный период (28 июня – 11 июля 1942г.). – Воронеж, 2013. – 440 с.
65. Шендриков Е. А. 41-й пограничный полк войск НКВД в боях за Воронеж в июле 1942 года // Истоки и уроки Великой Победы. – Курск, 2020. – С. 252–262.
66. Шендриков Е. А. Полки НКВД в боях за Воронеж в июле 1942 г. // Боевые действия в районе Воронежа в июле 1942–январе 1943 гг. : сборник научных статей. – Воронеж, 2012. – С. 170–176.
67. Штутман С. М. Войска НКВД в боях за Воронеж // Сражения на Дону : от Воронежа до Сталинграда. – Воронеж, 2014. – С. 372–377.

УДК 351.74

А. А. Козлова¹

ПОНЯТИЕ «ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА»: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Анализируя различные подходы к определению понятия «правовая защита», автор обосновывает, что правовая защита представляет собой совокупность совершаемых на основе правовых норм и с использованием правового инструментария действий, направленных на устранение угроз, существующих для объекта, который имеет для субъектов права позитивный смысл и выступает объектом регулируемых правом отношений. Особое внимание в статье уделяется обоснованию синонимичности понятий «правовая защита» и «правовая охрана».

Ключевые слова: правовая защита; меры правовой защиты; защита прав; правовая охрана; юридическая ответственность.

¹ Анастасия Александровна Козлова, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

THE CONCEPT OF «LEGAL PROTECTION»: THE EXPERIENCE OF THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Analyzing various approaches to the definition of the concept of «legal protection», the author substantiates that legal protection is a set of actions performed on the basis of legal norms and using legal tools aimed at eliminating threats existing for an object that has a positive meaning for subjects of law and acts as an object of relations regulated by law. Special attention is paid to the substantiation of the synonymy of the concepts of «legal protection» and «legal security».

Key words: legal protection; legal protection measures; protection of rights; legal security; legal responsibility.

Вопрос о том, каково содержание понятия «правовая защита», в отечественной юридической науке на протяжении многих десятилетий остается дискуссионным. В этой связи представляется важным уточнить, в чем состоит суть основных, наиболее широко распространенных подходов к интерпретации названного понятия, и на основе анализа существующих мнений определить, что все же представляет собой правовая защита.

Довольно часто ученые исходят из того, что понятие «правовая защита» имеет очень узкое содержание.

В частности, иногда правовая защита отождествляется с защитой прав [8]. Вместе с тем такое ее понимание представляется не вполне верным, в действительности круг объектов, защита которых осуществляется при помощи правовых средств, чрезвычайно широк. К объектам правовой защиты в юридической науке, например, относят частную жизнь [7], тайну [22], информацию [13] и другие блага. И если, например, понятия «защита частной жизни» и «защита права на частую жизнь» иногда используются в качестве синонимичных, что позволяет отдельным ученым говорить о защите частной жизни как о защите субъективного права, то защита тайны, защита различных видов информации – это именно защита признаваемых и охраняемых правом благ.

Другие необоснованно узкие интерпретации правовой защиты возникают там, где ученые стремятся обосновать, что «правовая защита» и «правовая охрана» – не синонимы. Например, по этому пути идет А. А. Баукен. По его мнению, понятие правовой охраны является более широким, чем понятие правовой защиты и «включает в себя помимо правовой защиты иные меры правового, экономического, политического, организационного характера. Эти меры направлены на обеспечение беспрепятственной реализации субъектами своих прав и законных интересов, предупреждение посягательств на охраняемые обществом на конкретном историческом этапе его развития ценности» [2, с. 12]. Однако с приведенным доводом сложно со-

гласиться: применение мер экономического, политического и организационного характера нелогично рассматривать в качестве правовой охраны, так как названные меры по своей природе носят внеправовой характер.

А. А. Баукен также указывает, что «характерной чертой правовой защиты является четкая регламентация порядка ее осуществления действующим законодательством» [2, с. 13]. Однако с данным суждением также сложно согласиться, так как оно не согласуется с логикой регламентации правозащитной деятельности, характерной для действующего российского права. Например, в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации закреплено, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Даже с технической точки зрения посредством права невозможно осуществлять «четкую регламентацию» действий, о которых говорится как о не запрещенных законом. Таким образом, сама приведенная формулировка конституционно закрепленной нормы делает невозможным четкое определение круга действий, в отношении которых будет устанавливаться порядок их осуществления, что является необходимым условием формализации такого порядка.

Р. Б. Головкин пишет о том, что «понятие «охрана» охватывает своим объемом лишь систему мер, направленных на предотвращение нарушений прав человека. Иными словами, «охрана» сориентирована, главным образом, на недопущение возможных нарушений, а «защита» – на нейтрализацию уже существующих» [7, с. 38]. Однако, во-первых, в применении к правонарушениям о «нейтрализации» скорее уместнее говорить не о них самих, а об их последствиях. При этом последствия нарушений, нуждающиеся в «нейтрализации» правовыми средствами, могут сохраняться и после того, как нарушение прекратилось или было устранено. Во-вторых, разграничить охрану и защиту по указанным признакам затруднительно потому, что недопущение возможных нарушений, о котором Р. Б. Головкин пишет как об охране, в сущности есть защита от них. В этой связи показательным является то, что в число функций мер защиты включаются превентивная (предупредительная), пресекательная функции, а нередко также и функция обеспечения безопасности [4, с. 9, 11; 12, с. 20; 20, с. 192]. Примечательно и то, что охранительные нормы права определяются в юридической науке как нормы, обеспечивающие защиту правопорядка и устанавливающие меры защиты субъективных прав [11, с. 96; 21, с. 136], а там, где термин «защита» не используется, описания охранительных норм права нередко оказываются тавтологичными: «в классификациях правовых норм выделяются нормы охранительные, назначение которых – охрана наиболее значимых общественных отношений» [3, с. 86], «правоохранительные нормы нацелены на охрану регулятивных норм» [15, с. 132].

Приведенные аргументы не позволяют согласиться и с тем подходом к разграничению правовой охраны и правовой защиты, которые предлагает Н. В. Витрук. Он высказывает мнение о том, что «защита правового статуса,

его элементов составляет часть его охраны» [6, с. 363] и определяет правовую защиту как «принудительный в отношении обязанного лица способ воздействия, применяемый прежде всего потерпевшим и иными компетентными органами в установленном законом порядке в целях восстановления нарушенного права и правопорядка и применения наказания за виновное правонарушение» [6, с. 365].

Вместе с тем Н. В. Витрук, предлагая разграничивать правовую охрану и правовую защиту там, где речь идет о правовом статусе личности, одновременно признает, что отождествление понятий «правовая охрана» и «правовая защита» «во многих случаях допустимо и оправданно» [6, с. 358].

Рассмотрим еще один подход к интерпретации правовой защиты, в рамках которого обосновывается ее нетождественность правовой охране. Сторонником данного подхода является М. Ю. Осипов, который пишет: «В объективном смысле под правовой охраной можно понимать систему охранительных норм права, устанавливающих меры защиты и меры ответственности в случае совершения противоправных деяний. В субъективном смысле под правовой охраной можно понимать процесс установления и реализации мер защиты и мер ответственности в случае совершения противоправных деяний» [18]. Такой же подход используют для различения охраны и защиты и некоторые другие исследователи. Например, А. И. Хабилов, который высказывает мнение, что инструменты охраны гражданских прав представлены мерами защиты и мерами ответственности [20, с. 192].

Несмотря на то, что у рассмотренного подхода имеется довольно много сторонников, оно представляется несколько искусственным. По крайней мере, суждение о том, что меры защиты и меры ответственности – это два разных вида средств правовой охраны, не подтверждается анализом действующего российского законодательства. Кроме того, он не вполне согласуется со сложившимися в юридической науке представлениями о юридической ответственности.

Например, А. И. Хабилов, предлагая разграничивать меры защиты и меры ответственности, в то же время констатирует, что в действующем законодательстве такое разграничение «прослеживается далеко не всегда» [20, с. 192].

На некоторую искусственность разграничения защиты и ответственности указывает и то, что, рассматривая различные виды защиты гражданских прав, к одному из видов мер А. И. Хабилов относит «требование привлечь недобросовестного заемщика к уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), либо вследствие мошенничества в сфере кредитования, то есть хищения денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (ст. 159.1 УК РФ), либо к административной ответственности в случае получения кредита, либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или

иному кредитору заведомо ложных сведений о своем хозяйственном положении, либо финансовом состоянии (ст. 14.11 КоАП РФ)» [20, с. 193]. Не понятно, чем руководствуется А. И. Хабиров, относя требование привлечь к юридической ответственности к мерам защиты, а сами меры юридической ответственности не включая в число таковых.

Что касается сложившихся в юридической науке представлений о юридической ответственности, то уместным будет вспомнить, что в число целей юридической ответственности нередко включают защиту правопорядка [5, с. 11]. Кроме того, некоторые исследователи в той или иной постановке рассматривают вопрос о защитной функции как о самостоятельной функции юридической ответственности [16]. Исследователи, которые названную функцию в качестве самостоятельной не выделяют, но в числе функций юридической ответственности называют охранительную функцию, указывают на защиту прав как на один из аспектов в содержании последней [14, с. 16, 18].

Рассмотрение подходов к пониманию правовой защиты, основанных на представлении о ее несовпадении с правовой охраной, можно продолжить. Однако уже проведенный анализ дает возможность понять, что в действительности убедительных оснований для того, чтобы говорить о несовпадении правовой защиты и правовой охраны нет. Кроме того, не дает оснований для подобного разграничения и анализ действующего российского права.

Видится очень точным наблюдение А. В. Амагырова, который пишет: «законодатель не разграничивает между собой понятия «охрана» и «защита». Использование того или иного термина связано, как правило, не со строгой смысловой привязанностью понятия к определенному явлению, а лишь его логической связанностью в тексте» [1, с. 167].

Особое внимание следует обратить на то, что синонимизация терминов «правовая защита» и «правовая охрана» становится возможной в силу самой этимологии слов «защищать» и «охранять»: «защищать» означает «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности...» [17, с. 196], «оберегать, охранять, оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду закрывать, загоразивать, охраняя» [9, с. 668]; слово «охранять» имеет значение «стеречь, беречь, оберегать, сторожить, караулить, защищать, безопасить, крыть, отстаивать...» [10, с. 774].

Представляется, что для установления сущности и содержания правовой защиты как специфического вида деятельности невозможно исходить только из её назначения. Такой подход, если он не связан с попытками искусственного разграничения правовой защиты и правовой охраны, неизбежно приводит к появлению тавтологических определений, например, именно такое формулирует А. Г. Сологуб, определяя правовую защиту человека в качестве деятельности, осуществляемой «с целью достижения состояния его полной правовой защищенности» [19].

Важно учитывать временные рамки, в которых осуществляется правовая защита. Такая деятельность осуществляется с момента появления угрозы (причем вне зависимости от того, повлекло ли уже ее существование наступление неблагоприятных последствий для взятого под защиту объекта) и вплоть до того момента, как угроза будет устранена, исчезнет в силу других обстоятельств и/или будут исчерпаны возможные средства. При этом не имеет принципиальной значимости, идет ли речь о реально существующей или о гипотетической угрозе, которая лишь может возникнуть при определенных условиях.

Проведенный анализ различных подходов к интерпретации понятия «правовая защита», существующих в отечественной юридической литературе, дает возможность сформулировать следующее определение: правовая защита – это совокупность совершаемых на основе правовых норм и с использованием правового инструментария действий, направленных на устранение угроз, существующих для объекта, который имеет для субъектов права позитивный смысл и выступает объектом регулируемых правом отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амагыров А. В. К вопросу о соотношении понятий «правовая защита» и «правовая охрана» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 166–168.
2. Баукен А. А. Правовая защита собственности в Российской Федерации (вопросы теории) : автореферат дисс. ... канд. юрид наук. – Челябинск, 2006. – 23 с.
3. Безверхов А. Г., Никищенкова М. А. О структуре охранительных норм права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 3(71). – С. 86–93.
4. Бессолицын А. Г. Цели и функции мер защиты : дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2008. – 177 с.
5. Бобылев А. И. Юридическая ответственность за правонарушение // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 2 (62). – С. 6–12.
6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности : монография. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 448 с.
7. Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России : автореферат дис. ... докт. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 57 с.
8. Груздев В. В. Гражданско-правовая защита, защита гражданских прав, гражданско-правовая охрана: соотношение понятий // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции : в 3 т. Т. II / под ред. М. Н. Рахваловой. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – С. 63–68.

9. Даль В. Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. – Москва : Эксмо, 1998. – Т. 1. – 700 с.
10. Даль В. Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. – Москва : Эксмо, 1998. – Т. 2. – С. 780 с.
11. Демин А. В. Регулятивные и охранительные нормы налогового права: проблемные вопросы соотношения и взаимодействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4(10). – С. 95–101.
12. Дюк К. И. Подсистема целей и функций процессуальных мер защиты // Вектор науки ТГУ. Серия : Юридические науки. – 2018. – № 1(32). С. 18–21.
13. Костяная Ю. С. Информация как объект международно-правовой защиты // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 3 (61). – С. 215–227.
14. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 4–24.
15. Мартынова С. В. Нормы права: структура и классификации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 8. – С. 130–133.
16. Матвеев С. П. Социально-защитная функция юридической ответственности государственных служащих // Научный портал МВД России. – 2012. – № 3. – С. 49–55.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Русский язык, 1987. – 797 с.
18. Осипов М. Ю. К вопросу о понимании феномена «правовая охрана» // Advances in Law Studies. – 2023. – № 1. – С. 11–15.
19. Сологуб А. Ю. Понятие «правовая защита» // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 354.
20. Хабиров А. И. Меры защиты и меры ответственности по договору займа // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 192–195.
21. Хритин Р. Д. Классификация охранительных норм права // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11(179). – С. 135–137.
22. Яковец Е. Н. Основные направления организационной и правовой защиты государственной тайны в Советской России // История государства и права. – 2013. – № 6. – С. 18–23.

УДК 34.01

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье исследуется механизм публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в отдельных его аспектах, в частности рассматриваются отдельные вопросы прекращения гражданства. На основе анализа делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования указанного механизма с целью укрепления основ российской государственности и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: гражданство; лишение гражданства; отмена гражданства; прекращение гражданства; публично-правовое регулирование.

PUBLIC LAW REGULATION OF THE INSTITUTION OF CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION: SELECTED ASPECTS OF MODERN MODERNIZATION

The article examines the public law regulation of the institution of citizenship of the Russian Federation in its individual aspects, in particular, the issues of termination of citizenship are considered. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to further improve this mechanism in order to strengthen the foundations of Russian statehood and ensure national security.

Key words: citizenship; deprivation of citizenship; revocation of citizenship; termination of citizenship; public law regulation.

Гражданство является важнейшим признаком современного государства, и представляет собой устойчивую правовую связь лица с государством, которая выражается в совокупности взаимных прав и обязанностей. В современных геополитических условиях очевидным становится необходимость модернизации публично-правового регулирования института гражданства, от которого напрямую зависит укрепление российской государственности и обеспечение национальной безопасности.

Основополагающие принципы института гражданства Российской Федерации закреплены в Конституции [1] и находятся в тесной взаимосвязи. Однако, в контексте обеспечения национальной безопасности особую значимость приобретают принципы открытости российского гражданства,

¹ Дарья Викторовна Климова, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

недопустимости лишения гражданства или права его изменить, а также принцип равного гражданства [7, с. 57].

Анализ законодательства показал, что большая часть изменений современного законодательства о гражданстве коснулась именно содержания указанных основ института российского гражданства.

Нами будут рассмотрены отдельные аспекты модернизации публично-правового регулирования института гражданства в частности, касающейся его прекращения. Актуальность указанного вопроса подтверждается статистическими данными. Так, за 6 месяцев 2024 года в отношении 937 лиц было принято решение о прекращении гражданства Российской Федерации.

Из них:

22 – на основании добровольного волеизъявления;

899 – на основании приговора суда;

5 – на основании решения суда об установлении факта представления поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заведомо ложных сведений;

11 – на основании заключения о факте совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности России [8].

В законе отсутствует легальная дефиниция «прекращение гражданства», однако мы можем рассмотреть сформулированные в учебной и научной литературе определения.

В частности, А. М. Кокотов и М. С. Саликов определяют прекращение гражданства как утрату лицом гражданства Российской Федерации с одновременным обретением (сохранением) им статуса иностранца или лица без гражданства [5, с.184]. В свою очередь, доктор юридических наук, профессор С. А. Авакьян под прекращением гражданства понимает такое изменение статуса физического лица, в результате которого утрачивается его связь с государством [3].

Новый закон о гражданстве (Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации») был принят в 2023 году, и зафиксировал широкий перечень оснований для прекращения гражданства, которые условно можно разделить на две группы, а именно добровольный и принудительный порядок:

– добровольный выход из гражданства (на основании волеизъявления гражданина);

– совершение преступления или действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации;

– неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет;

– представление поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения лицом заведомо ложных сведений (на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или решение о признании гражданином РФ), а также иные основания, предусмотренные международными договорами Российской Федерации [2, ст.22].

При этом в литературе зачастую происходит подмена понятий, и отдельные авторы ставят знак равенства между понятиями «прекращение гражданства» и «лишение гражданства». Стоит упомянуть тот факт, что ранее, до 1991 года в нашей стране использовался такой институт, как лишение гражданства, который применялся в качестве конституционно-правовой санкции. В последующем лишение гражданства было прямо запрещено Конституцией [1].

В связи с этим, согласимся с О. В. Ворониной, которая справедливо отмечает, что вопрос о взаимосвязи указанных нами выше понятий по-прежнему имеет важное значение и может стать еще более острым, учитывая, что законодательство, касающееся прекращения гражданства, претерпевает активные изменения [4, с.80].

В частности, постоянно расширяется перечень уголовно наказуемых деяний, которые могут стать основанием для процедуры прекращения гражданства, расширяется и сам перечень оснований прекращения гражданства. В частности, в августе 2024 г. было добавлено еще одно основание «о неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет» [2, ст. 22]. Эта мера была вызвана многочисленными фактами, когда после получения гражданства Российской Федерации иностранные граждане уклоняются от исполнения воинской обязанности. Указанные факты несомненно подрывают авторитет института гражданства, способствуют проявлению неуважения к закону и его нарушению, негативно влияют в целом на обстановку в обществе, как следствие приводят к различным социальным конфликтам.

Считаем, что модернизация публично-правового регулирования института гражданства направлено, в первую очередь, на сохранение государства. Она является необходимой мерой, особенно сейчас, когда наблюдается всплеск незаконной миграции, увеличение числа натурализованных граждан и вовлечение их в противозаконную деятельность, направленную на дестабилизацию общественно – политической обстановки. В связи с чем, убеждены, что работа в этом направлении должна быть продолжена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // СПС «Гарант». – URL: <http://internet.garant.ru/#/document/10103000/>.
2. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // СПС «Гарант». – URL: <http://internet.garant.ru/#/document/406811055/>.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 1. 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 864 с.
4. Воронина О. В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – № 3. – С. 79–84.

5. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 494 с.

6. Катаева О. В. Модернизация публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в современных геополитических условиях // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 36–39.

7. Расулова Д. Д. Ужесточение законодательства о гражданстве Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2024. – № 1(109). – С. 57– 60.

8. Сервис обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России. – URL: [http: it/mvd.ru](http://it/mvd.ru)

УДК 34.01

Г. М. Лановая¹

БУДУЩЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются наиболее значимые тенденции изменения юридической профессии в условиях информатизации и цифровизации общественных отношений. Анализируются преимущества и риски широкого применения информационных технологий в юридической деятельности. Обосновывается, что существующие тенденции будут сохраняться, так как они поддерживаются переменами, происходящими, с одной стороны, в юридической практике, с другой стороны, в юридическом образовании.

Ключевые слова: юридическая профессия; информатизация юридической деятельности; информационное общество; юридическая практика; юридическое образование.

THE FUTURE OF THE LEGAL PROFESSION IN THE INFORMATION SOCIETY

The article examines the most significant trends in the legal profession in the context of informatization and digitalization of public relations. The advantages and risks of the widespread use of information technology in legal activities are analyzed. It is proved that the existing trends will continue, as they are supported by the changes taking place, on the one hand, in legal practice, on the other hand, in legal education.

Key words: legal profession; informatization of legal activity; information society; legal practice; legal education.

¹ Галина Михайловна Лановая, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнение тот факт, что в условиях информационного общества юридическая профессия существенным образом меняется и что в дальнейшем она, вероятно, будет претерпевать еще большие изменения. В этой связи важно объективно оценивать существующие тенденции и понимать вероятные последствия происходящих сегодня перемен.

Самой очевидной причиной изменений юридической профессии является то, что во всех сферах юридической деятельности широкое применение находят информационные технологии. При этом речь идет как об универсальных технологиях поиска, сбора, хранения, обработки и трансляции информации, так и о программных продуктах, созданных специально для того, чтобы обеспечивать более эффективное решение профессиональных задач, стоящих перед современным юристом. Широко используются текстовые и графические редакторы, программные средства подготовки электронных таблиц и презентаций, оптические системы распознавания символов и изображений, системы создания баз данных и управления ими, технологии связи, системы поддержки принятия решений, компьютерные информационные сети, создаваемые на разных уровнях управления, а также специализированные системы, предназначенные для хранения и обработки правовой информации (АСОД, АИПС, АИСС, АРМ и другие).

Повсеместная компьютеризация позволяет оптимизировать и ускорить процессы, типичные для профессиональной деятельности юриста:

- поиск и обнаружение правозначимой информации;
- ее обработку, проверку и оценку;
- коммуникацию с другими лицами;
- подготовку и оформление юридических документов;
- принятие правовых решений и др.

Использование современных коммуникационных технологий дает юристам возможность работать удаленно. Например, первое слушание дел в Верховном Суде Российской Федерации в режиме удаленного присутствия осужденных было проведено 19 апреля 2000 года. С этого времени в Российской Федерации началось формирование системы видео-конференц-связи федерального уровня для проведения судебных процессов, которая в настоящее время объединяет более трех с половиной тысяч судов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний России [6].

Коммерческим компаниям, предоставляющим услуги юридического профиля, применение новейших цифровых технологий позволяет собирать информацию о потенциальных и реальных клиентах, привлекать и удерживать их при помощи тех же стратегий, которые используются, например в маркетинге. В частности, применение в юридическом бизнесе технологии CRM (Customer Relationship Management – Управление взаимоотношениями с клиентами), предполагающей использование набора приложений, связанных единой бизнес-логикой и интегрированных в корпоративную информационную среду, позволяет компаниям, предоставляющим юридические

услуги, делать предоставляемые услуги «клиентоориентированными» и тем самым повышать свою конкурентоспособность.

В описываемых условиях возникает тенденция постепенного замещения юристов «человеко-машинными системами», интегрирующими функции технических средств, обеспечивающих процессы получения, преобразования, обработки и передачи информации, и операторов таких технических средств.

Усилению названной тенденции способствует то, каким образом меняются сознание и мышление человека, живущего в эпоху цифровизации:

– на людей, всегда живших в условиях «информационного голодания», обрушивается «информационное цунами» [1, с. 15–16], и в ситуации переизбытка информации человеческий мозг оказывается объективно не способен обрабатывать и хранить необходимую информацию;

– кардинальным образом меняются методы сбора информации, ее больше не ищут, а «гуглят» [11, с. 80];

– понятийное сознание замещается клиповым [5, с. 13, 18–19; 9, с. 90–91];

– человек утрачивает способность объективно осмысливать происходящее и рефлексировать по отношению к собственным действиям [2, с. 38].

Специфика «человеко-машинных систем», постепенно замещающих человека в юридической деятельности, заключается в том, что в них «операторы», помимо навыков управления и эксплуатации технических средств, должны обладать юридическими знаниями и умениями, поскольку юридическая деятельность связана не только с решением формализованных задач, но и с интерпретацией правовых норм, принятием решений в условиях правовой неопределенности, формулированием ценностных суждений о должном, а также совершением других мыслительных операций, автоматизировать которые современные технологические решения не позволяют. Вместе с тем, очевидно, что речь в данном случае идет уже именно об «операторах», поскольку люди, имеющие диплом о юридическом образовании, нередко оказываются неспособными решать стоящие перед ними профессиональные задачи без использования как универсальных, так и специализированных программных продуктов.

К сожалению, в описываемых обстоятельствах неизбежным оказывается снижение квалификации юристов. Чем шире и успешнее используются современные информационные технологии, тем больше человек полагается на них. Чем крепче вера в их надежность, тем ниже потребность в накоплении практического опыта и в совершенствовании собственных профессиональных компетенций и навыков, в том числе таких, которые оказываются невостребованными в силу использования специализированных программных продуктов (например, систем поддержки принятия решений).

Важным изменением следует считать то, что эпоха информатизации оказывается эрой юридических фирм, которые приходят на смену частно-

практикующим профессионалам. В них юрист – наемный работник, отвечающий за выполнение определенной работы или отдельных функций [3]. При таком подходе к организации деятельности юрист несет ответственность лишь за выполнение своих профессиональных обязанностей (но не за достижение того правозначимого результата, для получения которого лицо обращается в юридическую фирму). Кроме того, для самой фирмы привлечение новых клиентов и экономическая эффективность оказываются не менее значимыми, чем собственно юридическая сторона их деятельности, а сам факт задействования в решении задачи большого числа оплачиваемых специалистов обуславливает увеличение стоимости предоставляемых юридической фирмой услуг.

Еще одной тенденцией, определяющей будущее юридической профессии, является повышение степени специализации юридического труда и существенное увеличение количества юридических специальностей и профилей. В списке востребованных юридических специализаций, требующих узкоспециальных знаний и навыков, уже привычными выглядят «патентовед», «налоговый консультант», «юрист-медиатор», «юрист по банкротству физических лиц». В то же время в «атлас новых профессий» наряду с ними сегодня также включают: «сетового юриста», деятельность которого предполагает обеспечение нормативно-правового взаимодействия в сети, разработку системы правовой защиты человека и собственности в интернете; «модератора платформы общения с госорганами», осуществляющего онлайн- и офлайн-диалог с целью выработки совместных решений между общественными активистами и государственными служащими, отвечающими за конкретные сферы (образование, ЖКХ, строительство, пенсионное обеспечение и др.); «виртуального адвоката», специализирующегося на удаленном юридическом сопровождении дел своих клиентов через сеть [8, с. 164].

Перечисленные узкие специалисты в условиях постепенного замещения юристов «человеко-машинными системами» часто не имеют высокой квалификации и в условиях большой конкуренции не претендуют на высокий уровень оплаты своих услуг (что зачастую оказывается принципиально значимым для работодателей). Такие специалисты все чаще выступают прежде всего опытными пользователями, а не опытными юристами и способны выполнять свои профессиональные задачи лишь в условиях стабильного эффективного функционирования систем поддержки решений даже там, где речь идет о выполнении довольно простых операций. При этом у «юристов-операторов», как правило, нет ни потребности, ни возможности повышать уровень своих юридических знаний.

Говоря о специализации юридического труда, следует помнить о том, что в условиях постоянного изменения права и правовой практики, перечень востребованных специализаций будет меняться. Юристы, имеющие узкую специализацию, сегодня зачастую выполняют в том числе и такие функции,

которые со временем могут утратить свою актуальность. Например, в условиях повсеместного внедрения электронного документооборота со временем невостребованными могут стать нотариусы, поскольку выполнять функцию проверки подлинности документов и фиксировать факт совершения сделки в условиях электронного документооборота могут специальные программы.

О том, что описанные тенденции будут сохраняться, свидетельствуют те изменения, которые происходят в условиях информатизации и компьютеризации, с одной стороны, в самой юридической практике, с другой – в юридическом образовании.

Прежде всего, в условиях повсеместной информатизации существенно увеличивается «пропускная способность» правотворческих и правоприменительных органов государства. Как следствие, неизбежно увеличивается массив правовых норм, ускоряются темпы изменения системы источников права, а также усложняется правореализационная практика. В этой ситуации юрист оказывается физически не способным работать, не прибегая к современным информационным технологиям. Однако, по мере того как программное обеспечение для юриста превращается в своеобразный «костыль», без которого он не в состоянии обходиться, происходит уменьшение его значимости в той «человеко-машинной системе», «оператором» которой он является. Активно пользуясь предоставляемыми современными информационными технологиями возможностями, юрист постепенно утрачивает способность анализировать и прогнозировать, лишается возможности накапливать профессиональный опыт, необходимый для правильной оценки собственных и чужих решений, в том числе и решений, сформулированных машинным способом.

Вследствие снижения профессиональной квалификации повышается вероятность того, что, столкнувшись с необходимостью функционировать вне «человеко-машинной системы», юрист окажется неспособным успешно решить стоящие перед ним задачи. При этом его беспомощность как специалиста в области права может обнаружиться лишь тогда, когда в условиях серьезного технологического сбоя он продемонстрирует неспособность управлять развитием событий.

Изменения в юридической практике сопряжены с изменениями, происходящими в системе юридического образования.

Высокая конкуренция среди дипломированных юристов во многом объясняется популярностью юридического образования, причем его востребованность как в России, так и в других странах объясняется прозаическими причинами. Считается, что юридические науки, относящиеся к гуманитарным, для изучения проще точных. То, что профессию юриста освоить легче, чем физико-математическую или инженерную специальность, побуждает поступать в юридические вузы и на юридические факультеты выпускников

школ, не имеющих высокого уровня знаний, но стремящихся непременно получить диплом о высшем образовании.

Значимым фактором, способствующим сохранению юридическим образованием популярности, является и то, что современные государства характеризуются развитым бюрократическим аппаратом, в число требований к кандидатам на многие должности в органах государственной власти и управления включается наличие высшего юридического образования. Таким образом, востребованность в публично-правовой сфере лиц, имеющих диплом юриста, постоянно растет.

Кроме того, юридические услуги неизменно пользуются спросом и в частноправовой сфере, где юридическое сопровождение оказывается значимым и в организации деятельности хозяйствующих субъектов, и выстраивании их взаимоотношений с органами государственной власти и управления, и в защите интересов и притязаний в коммерческих спорах, и в решении многих других задач.

В описанных обстоятельствах, несмотря на перенасыщенность рынка труда юристами, их профессия оказывается одной из самых востребованных гуманитарных профессий. Как следствие, большим остается число юридических вузов и факультетов, в деятельности которых, однако, происходят серьезные перемены, находящиеся в русле тех изменений, которые в условиях информатизации общественных отношений претерпевает система образования в целом.

В условиях, когда современные гуманитарные и общественные науки поражает «посттеоретическая болезнь» и широкое распространение получает антиинтеллектуализм [4, с. 13], а университет превращается в бюрократическую корпорацию, деятельность которой в значительной мере определяется запросами потребителей и начинает походить на деятельность коммерческих предприятий [10, с. 12, 39–57, 69–71], господствующей тенденцией является повышение практической ориентированности процесса подготовки юристов. Примечательно, что оно характерно и для тех стран, в которых существующая модель юридического образования не включает наряду с теоретическим обучением длительной практической стажировки. Например, в Англии в программы юридического образования включаются дополнительные и факультативные курсы практического содержания, внедряются ролевые игры и юридические клиники [7, с. 2136]. В США также получает распространение практика юридических клиник (под эгидой юридических школ открываются консультации, где студенты под надзором преподавателей могут попробовать свои силы в качестве адвокатов), а молодым специалистам предоставляется возможность пройти дополнительную послевузовскую подготовку, облегчающую переход к практической деятельности [3, с. 252].

В условиях высокой специализации юридического труда реализация практикоориентированного подхода к подготовке юристов, предполагающего перенесение акцента на изучение прикладных юридических дисциплин, позволяет юридическим вузам и факультетам выпускать юристов узкой специализации с более высоким уровнем развитости профессиональных умений и навыков. Однако в то же время в условиях перманентного обновления законодательства и правореализационной практики полученные узкоспециальные умения и навыки оказываются актуальными и востребованными лишь в краткосрочной перспективе, в то время как перечень востребованных специализаций юридического труда меняется и в будущем также будет постоянно меняться.

Приобретать умения и навыки, востребованные в новых условиях, менять специализацию юристу позволяют дополнительное образование и самообразование. Однако, они дают желаемые результаты лишь тогда, когда человек обладает глубокими и разносторонними теоретическими знаниями, а также надпредметными и метапредметными умениями и навыками, обеспечивающими способность личности к саморазвитию и самообучению. К сожалению, уровень таких знаний, умений и навыков у выпускников юридических вузов снижается вследствие того, что перенесение акцента на освоение прикладных юридических дисциплин приводит к уменьшению внимания к изучению фундаментальных дисциплин.

В условиях реализации практикоориентированного подхода к подготовке юристов и уменьшения внимания к изучению фундаментальных дисциплин возникают сложности с формированием тех профессиональных умений и навыков, которые отличают высококвалифицированного юриста и позволяют ему действовать в нестандартных ситуациях, требующих выхода за рамки функций, выполняемых им в качестве «оператора человеко-машинной системы».

Самостоятельной проблемой является то, что и выпускники юридических вузов и факультетов на старте своей профессиональной карьеры лишаются возможности развить и закрепить на практике умения и навыки, позволяющие им в дальнейшем стать высококвалифицированными юристами, способными творчески решать сложные профессиональные задачи. В условиях цифровой революции «уделом» искусственного интеллекта становится совершение тех операций, которые раньше традиционно составляли профессиональные обязанности недавних выпускников юридических вузов и факультетов (например, сбор документов, составление проектов типовых договоров и т. д.). Если раньше, занимая должности, связанные с осуществлением таких операций, начинающие юристы могли приобрести необходимый практический опыт, то сегодня они чаще всего оказываются лишены такой возможности.

Итак, юридическую профессию нельзя отнести к числу «исчезающих», так как сегодня ни одна интеллектуальная платформа не в состоянии заменить собой юриста, и уровень развития искусственного интеллекта не

позволяет прогнозировать возможность такой замены в ближайшем будущем. Вместе с тем в условиях информационного общества юридическая профессия существенно меняется, при этом есть все основания утверждать, что в будущем ее ждут еще большие изменения.

Вызывает озабоченность то, что многие происходящие в юридической профессии изменения не являются позитивными, не сопряжены с повышением квалификации, совершенствованием составляющих неотъемлемую часть юридической профессии умениями и навыками. В этой связи очевидную актуальность приобретает поиск эффективных решений как возникающих уже сегодня, так и прогнозируемых проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскар М. Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 360 с.
2. Бенин В. Л., Кирьякова А. В., Ольховская Т. А., Фролова О. В. Социокультурная коммуникация в контексте образовательного диалога. – Москва : ФЛИНТА, 2017. – 312 с.
3. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / Науч. ред. В. А. Власихин. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
4. Брайдотти Р. Постчеловек. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
5. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. – Москва : Проспект, 2018. – 256 с.
6. Дистанционное судопроизводство. – URL: <https://www.vsrif.ru/files/28650/?ysclid=14y6198lsh734185226> (дата обращения: 13.09.2024).
7. Захаров В. В. Современные модели юридического образования: традиции и новации // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2130–2141.
8. Киселева Л. С., Семенова А. А. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4 (34). – С. 157–169.
9. Перетятыкин Г. Ф. Клиповое бытие и клиповое сознание // Наука. Искусство. Культура. – 2021. – № 2(30). – С. 89–111.
10. Ридингс Б. Университет в руинах. – МОСКВА : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
11. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. – Москва : Синдбад, 2019. – 416 с.

УДК 342.713

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ»
ИНОСТРАННЫМ СЛУШАТЕЛЯМ, ПРОХОДЯЩИМ ОБУЧЕНИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

В настоящей работе проводится анализ передового опыта преподавания государственно-правовых дисциплин сотрудникам правоохранительных органов иностранных государств в образовательных организациях системы МВД России.

Ключевые слова: иностранные слушатели; курсанты; история государства и права России; методика преподавания; правоохранительные органы.

**FEATURES OF TEACHING THE DISCIPLINE
«HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA»
FOREIGN STUDENTS UNDERGOING TRAINING
IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM
OF THE MIA OF RUSSIA**

This paper analyzes the best practices in teaching state and legal disciplines to law enforcement officers of foreign states in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Key words: foreign students; cadets; history of state and law of Russia; teaching methods; law enforcement agencies.

В настоящее время страны Запада во главе с США не оставляют попыток изолировать Россию от международных контактов. На наш взгляд такая стратегия губительна для самих инициаторов и имеет противоположный эффект. Интерес к российскому государству, культуре, науке, искусству и образованию только растет. Прямым свидетельством провала попытки коллективного Запада изолировать нашу страну, является растущее число иностранных граждан, которые стремятся проходить обучение в Российской Федерации и считают российское образование отвечающим современным международным стандартам.

Образовательные организации МВД России также принимают участие в подготовке полицейских и сотрудников правоохранительных органов иностранных государств. Стоит отметить, что география государств с каждым годом только растет, а их число множится. Особое место, конечно, занимает

¹ Иван Сергеевич Маслов, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России.

подготовка специалистов в области противодействия цифровой преступности, так как данное направление является наиболее актуальным для правоохранителей всего мира, но не стоит забывать о подготовке и специалистов в области юриспруденции. Для качественной подготовки будущего управленческого ядра правоохранительных органов дружественных иностранных государств требуется индивидуальный и творческий подход. Поэтому важное значение приобретает изучение государственно-правовых дисциплин и в частности «Истории государства и права России».

Целью изучения дисциплины является подготовка обучающихся к профессиональной (нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной) деятельности и формирование у них комплекса компетенций, предусматривающих приобретение теоретических знаний о становлении и трансформации государства и права России на различных исторических этапах развития, о роли и месте в обществе и государственном механизме органов полиции; выработка умений сравнительно-правового анализа важнейших институтов государства и права России, их сопоставления с государственно-правовым развитием других стран.

При подготовке сотрудников правоохранительных органов иностранных государств перед дисциплиной стоит ряд задач:

- ознакомление обучающихся с предпосылками возникновения и закономерностями развития государства и права России в их хронологической последовательности;
- выработка понимания взаимосвязи общества, государства и права на основных исторических этапах (в том числе и через анализ характерных черт правового статуса основных социальных групп);
- формирование представлений о государственном механизме и правовой системе России;
- выработка ключевых владений основными историко-правовыми и общими юридическими категориями и понятиями, сформировавшимися в ходе эволюции государства и права России;
- формирование основ умения использовать формально-юридический и структурно-функциональный методы при сравнительном анализе эволюции институтов государства и права России в ходе изучения историко-правовых документов;
- формирование у обучающихся высокого уровня правосознания и правовой культуры, чувства гражданственности и преданности избранной профессии, уважительного отношения к российскому государству, его опыту государственно-правового развития и традиционным духовно-нравственным ценностям.

Акцент на анализ исторического опыта применения традиционных духовно-нравственных ценностей в развитие российского государства при подготовке слушателей делается для того, чтобы объяснить их важную роль в формировании государства и общества России на различных исторических

этапах. Стоит отметить складывающуюся в мировом пространстве тенденцию существенного влияния деструктивных экономических, политических и социальных факторов на трансформацию имеющихся и формирующихся общечеловеческих ценностей.

Наибольшему негативному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные традиции, религиозные нормы, институт семьи и семейные ценности. Современные поколения активно навязываются деструктивные идеалы: чувство вседозволенности, безнравственность, эгоизм, нигилизм. Через СМИ, киноиндустрию и социальные сети навязывается культ насилия и потребления. Все больше стран принимают решение о легализации употребления наркотиков. Тревогу вызывает спекулятивный подход к проблеме межнациональных и межконфессиональных отношений, со стороны правящих кругов Глобального Запада. В геополитических играх они используют многонациональный и многоконфессиональный состав государств, как основу для создания внутреннего напряжения с последующим оказанием давления на руководство страны и легальные институты власти для их отстранения от управления государством и установления марionеточных политических режимов.

Поэтому особое значение приобретает вопрос противодействия насаждению чуждых идеалов и ценностей, которые наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека и формируют условия для саморазрушения общества. Ведь предлагаемые извне ценностные установки не учитывают исторического опыта предшествующих поколений и приводят к проявлению агрессивного национализма, ксенофобии, экстремизма и терроризма, разрушая культурный и национальный суверенитет государства.

Коллективный Запад осуществляет свою политику по подрыву духовно-нравственных ценностей не только российского общества, но и во всех странах, готовых бороться за сохранение своей идентичности, исторической правды и суверенитета. Создаются и спонсируются негосударственные образования, которые осуществляют подрывную работу, направленную на индивидуальное и общественное сознание, с целью разложения социальных и моральных представлений, традиций и верований народов, фальсификации исторических событий прошлого и вымарывание их из исторической памяти народов.

Поэтому важное значение придается сохранению исторической правды при подготовке сотрудников правоохранительных органов иностранных государств, которые проходят обучение в образовательных организациях системы МВД России.

В. Л. Михайликов, И. В. Тищенко и В. Д. Сенкевич анализируют в своей работе опыт подготовки сотрудников правоохранительных органов иностранных государств на базе Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. Они считают, что особенностью обуче-

ния иностранных слушателей является отсутствие в учебных планах и рабочих программах учебных дисциплин (модулей), практик, государственной итоговой аттестации сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну. Также важную роль играет учебно-методическое сопровождение их обучения, и подготовка указанных материалов структурными подразделениями института должна быть ориентирована на специфику их адаптации и исключение при изучении тех или иных дисциплин проблематики, не актуальной для их будущей профессиональной деятельности. При разработке программ учебных дисциплин (модулей), практик, государственной итоговой аттестации учитываются особенности национального законодательства государства, направившего иностранного обучающегося [6, С. 67]. На наш взгляд, стоит учитывать передовой опыт коллег и использовать указанные рекомендации в своей практической деятельности, особое внимание уделяя сравнительному анализу государственно-правового развития России и государства представителем которого является иностранный слушатель.

Ю. П. Доронин, анализируя подготовку иностранцев в высших учебных заведениях, считает все-таки основной проблемой успешного вхождения данной категории обучающихся в учебный процесс противоречия между уровнем готовности (коммуникативной компетенции) иностранного обучающегося к восприятию учебной информации и требованиями высшей школы.

По его мнению, концептуальная модель готовности иностранных слушателей к учебно-профессиональной деятельности в высшей школе должна включать в себя следующие компоненты:

- мотивационный (стремление к самостоятельности, проявление устойчивого интереса к предметной области и желания полностью овладеть языком специальности);
- когнитивный (понимание связи обучения с будущей профессиональной деятельностью, знание структуры и содержания предметной области знаний);
- операциональный (владение лингвистическим аппаратом для усвоения профессионально значимой информации, владение навыками самостоятельной учебной деятельности);
- эмоционально-волевой (уверенность в успехе, стремление преодолеть трудности на пути достижения поставленной цели, высокая степень самоорганизации, удовлетворение от самостоятельного получения профессионально значимой информации);
- информационный (речевая, прагматическая и предметная компетентность) [2, С. 140].

Э. В. Богмацера, В. А. Лысенко, Н. А. Рязанова в своей работе анализируют особенности преподавания государственно-правовых дисциплин иностранным слушателям и отмечают, что в ходе преподавания государственно-правовых дисциплин целесообразно шире использовать сравнительно-правовой метод, что

позволит подчеркнуть своеобразие и самобытность многих российских государственно-правовых институтов, норм и явлений и сравнивать их с государственно-правовой действительностью других государств (особенно тех, из которых прибыли иностранные слушатели). Но наравне с использованием сравнительного метода в изучении государственно-правовых дисциплин исследователи отводят важную роль поведению и позиции преподавателя, который должен помнить о недопустимости давления, полностью исключить навязчивую пропаганду иной культуры. Главным является соотнесение различных культур и утверждение мысли, что культура сближает народы. В процессе общения с иностранными слушателями важно учитывать их ценностные ориентации и специфику национального менталитета.

В процессе преподавания должна формироваться не только общая культура, но и правовое сознание, а также правовая культура. Это обстоятельство предполагает повышенное внимание воспитательной функции, которая всячески должна подчеркиваться при проведении различных видов занятий. Преподаватель должен создавать не только профессиональное правосознание будущих юристов, но и передавать знания, которые должны стать элементом правовой культуры обучающихся [1, С. 152].

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что процесс изучения дисциплины «Истории государства и права России» имеет важное значение для подготовки кадров правоохранительных органов иностранных государств.

Особенностями преподавания данной дисциплины, на наш взгляд, является:

- уровень владения иностранным слушателем русского языка;
- его адаптация к образовательному процессу в России;
- качество подготовки организационно-правовых и учебно-методических материалов;
- гибкость и вариативность методики преподавания государственно-правовых дисциплин;
- готовность преподавателя, работающего с иностранными слушателями, к поиску творческих решений и оперативному изменению учебно-методической базы при анализе состава учебных групп;
- более широкое применение цифровых технологий в учебном процессе.

Используя передовой опыт образовательных организаций системы МВД России при преподавании дисциплины «История государства и права России», нам не только удастся достичь поставленных целей и задач по подготовке сотрудников правоохранительных органов иностранных государств, но качественно укрепить престиж российского образования на мировом уровне, а также выстроить дружественные межгосударственные связи по линии органов обеспечения правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богмацера Э. В., Лысенко В. А., Рязанова Н. А. Об особенностях преподавания государственно-правовых дисциплин иностранным слушателям // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 149–154.
2. Доронин Ю. П. Влияние педагогической деятельности преподавателя на социальную адаптацию иностранных курсантов и слушателей // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 4(27). – С. 140–144.
3. Исследование региональной специфики истории отечественных органов внутренних дел как фактор повышения эффективности профессионального и патриотического воспитания (на примере Воронежского института МВД России) : учебно-методическое пособие / А. В. Кирнос, В. А. Колесников, Г. В. Горбатенко, К. А. Ситников. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021. – 62 с.
4. История государства и права России (для иностранных слушателей юридического факультета, обучающихся по специальности – 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности) : учебно-методическое пособие / А. В. Кирнос, В. А. Колесников, Г. В. Горбатенко, В. В. Кузнецов. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. – 118 с.
5. Кирнос А. В. Колесников В. А. Горбатенко Г. В. История государства и права России (для иностранных слушателей юридического факультета, направление подготовки – 40.03.01 Юриспруденция (бакалавриат)) : учебно-методическое пособие. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2019. – 108 с.
6. Михайликов В. Л., Тищенко И. В., Сенкевич В. Д. Возникают вопросы с системой подготовки иностранных слушателей, обучающихся в белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина // Проблемы сопутствующей деятельности. – 2021. – № 3. – С. 65–70.

УДК 34.09

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматривается концепция государственного суверенитета и ее трансформация в условиях глобализации и развития современного международного права. Анализируются основные вызовы и угрозы суверенитету, с которыми сталкиваются государства в XXI веке. Исследуются вопросы соотношения государственного суверенитета с принципами невмешательства во внутренние дела и правом наций на самоопределение. Делается вывод о сохраняющейся ключевой роли суверенного государства в международных отношениях, несмотря на объективные ограничения суверенитета.

Ключевые слова: государственный суверенитет; международное право; глобализация; интеграция; ограничение суверенитета.

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF MODERN INTERNATIONAL LAW

The article examines the concept of state sovereignty and its transformation in the context of globalization and the development of modern international law. It analyzes the main challenges and threats to sovereignty faced by states in the XXI century. The article explores the relationship between state sovereignty and the principles of non-interference in internal affairs and the right of nations to self-determination. It concludes that the sovereign state continues to play a key role in international relations, despite the objective limitations on sovereignty.

Key words: state sovereignty; international law; globalization; integration; limitation of sovereignty.

Государственный суверенитет традиционно рассматривается как неотъемлемый признак и основа государственности, предполагающие верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти. Это качество государства самостоятельно решать вопросы внутренней и внешней политики без вмешательства извне. По определению профессора С. В. Черниченко, суверенитет означает «верховенство государства на своей территории и его независимость от других государств». Вместе с тем в условиях глобализации и интенсивного развития международного права концепция абсолютного суверенитета подвергается пересмотру.

¹ М. В. Молдавский, преподаватель кафедры специальных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Современные процессы интернационализации, интеграции и взаимозависимости государств объективно ведут к добровольному ограничению суверенитета через заключение международных договоров и участие в межгосударственных объединениях. Государства передают часть полномочий наднациональным органам, связывают себя международными обязательствами в различных сферах. Однако такое ограничение не означает потерю суверенитета, а является формой его реализации, когда государство сознательно идет на такой шаг для продвижения своих интересов.

Участие в международных организациях и союзах позволяет государствам более эффективно отстаивать свои интересы и решать глобальные проблемы. Делегирование части полномочий наднациональным органам, безусловно, ведет к ограничению суверенитета, но одновременно усиливает возможности государств в продвижении своих целей. Например, членство в ООН налагает на государства обязательства соблюдать Устав организации, но вместе с тем дает им право участвовать в принятии решений по ключевым вопросам мировой политики. Таким образом, происходит не утрата, а трансформация суверенитета в новых условиях.

Существенным вызовом государственному суверенитету становится деятельность международных организаций, прежде всего ООН и ее структур. Решения Совета Безопасности, принятые на основании главы VII Устава ООН, могут предусматривать меры принуждения в отношении государств, представляющих угрозу миру [1]. Это серьезно ограничивает их суверенитет, хотя и считается легитимным с точки зрения международного права. Вместе с тем, в последние годы наблюдаются попытки расширительного толкования и применения этих положений в интересах отдельных государств.

Проблема соотношения государственного суверенитета и наднациональных структур приобретает особую остроту в современных условиях. С одной стороны, участие в международных организациях и союзах позволяет государствам более эффективно отстаивать свои интересы и решать глобальные проблемы. С другой стороны, передача части полномочий наднациональным органам неизбежно ведет к ограничению суверенитета. Необходимо найти оптимальный баланс между преимуществами интеграции и сохранением самостоятельности государств в ключевых вопросах.

Другой проблемой является соотношение государственного суверенитета и права наций на самоопределение. Как подчеркивается в Декларации о принципах международного права 1970 г., «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса» являются формами реализации права на самоопределение [2]. При этом осуществление этого права «не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или нарушению территориальной целостности суверенных государств».

Серьезную угрозу международной безопасности представляет проблема «несостоявшихся государств» (failed states), которые утрачивают эффективный суверенитет и не способны контролировать свою территорию, обеспечивать правопорядок и реализацию функций управления. Несостоявшиеся государства становятся источниками угроз, прибежищем для преступных сообществ, очагами гуманитарных катастроф. Международное сообщество сталкивается с дилеммой: уважать их формальный суверенитет или предпринимать активные действия по восстановлению дееспособности.

Серьезной угрозой суверенитету являются попытки вмешательства во внутренние дела государств под предлогом защиты прав человека, продвижения демократии и т. п. Концепции «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите» используются для оправдания военных акций в обход Совета Безопасности ООН [3]. Это подрывает основы миропорядка и ведет к произволу сильных держав. Принцип невмешательства должен неукоснительно соблюдаться как гарантия суверенного равенства государств.

В условиях информационной революции и развития коммуникационных технологий государства в значительной мере утрачивают контроль над информационными потоками, циркулирующими идеями и ценностями. Это создает новые риски для суверенитета, связанные с возможностью манипулирования общественным мнением, дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации извне. Государства вынуждены адаптироваться к этим вызовам, совершенствуя систему информационной безопасности и развивая сотрудничество для противодействия общим угрозам в этой сфере.

В условиях глобальных вызовов и кризисов государства стремятся защитить свой суверенитет, укрепить свои политические институты и системы управления. Для многих стран, особенно развивающихся, суверенитет остается залогом самостоятельного развития и возможности отстаивать национальные интересы на международной арене [4]. Без эффективного суверенного государства невозможно обеспечить безопасность, стабильность и благополучие общества.

Наконец, серьезным испытанием для государственного суверенитета становятся глобальные экологические проблемы, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, утрата биоразнообразия. Они носят трансграничный характер и требуют скоординированных усилий всего мирового сообщества. Государства должны находить баланс между защитой суверенитета и участием в коллективных действиях по преодолению экологических угроз.

Анализ современных тенденций позволяет прогнозировать дальнейшую трансформацию концепции государственного суверенитета под влиянием процессов глобализации и развития международного права. С одной стороны, будет усиливаться взаимозависимость государств, их вовлеченность в деятельность международных организаций и интеграционных объединений. Это потребует новых форм реализации суверенитета через участие в коллективном принятии решений и делегирование части полномочий наднациональным структурам.

С другой стороны, нарастание глобальных вызовов и кризисов может стимулировать стремление государств к укреплению своей самостоятельности, обеспечению большей независимости в ключевых вопросах внутренней и внешней политики. Особенно это касается развивающихся стран, стремящихся защитить свой суверенитет от внешнего давления и диктата. Вероятно усиление тенденции к регионализации, формированию альтернативных центров силы и влияния.

Наиболее вероятным сценарием представляется сохранение ключевой роли суверенного государства как основного субъекта международных отношений при одновременной адаптации концепции суверенитета к новым реалиям. Государства будут стремиться найти баланс между участием в решении общих проблем человечества и защитой своих фундаментальных интересов, между преимуществами интеграции и сохранением самостоятельности в принципиальных вопросах. Это потребует укрепления международного права, строгого соблюдения его базовых принципов, отказа от применения двойных стандартов и произвольного толкования норм в угоду конъюнктурным интересам.

Менее вероятным, но не исключенным является сценарий фрагментации системы международных отношений, формирования новых разделительных линий и противостояния между различными центрами силы. Реализация такого сценария возможна в случае неспособности мирового сообщества найти адекватные ответы на глобальные вызовы, обеспечить учет интересов всех государств, преодолеть практику силового давления и вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Это может привести к существенному ослаблению роли международного права и глобальных институтов.

Таким образом, дальнейшая эволюция концепции государственного суверенитета будет определяться сложным балансом разнонаправленных тенденций. Ключевое значение будет иметь способность мирового сообщества укреплять международное право, находить баланс между интеграцией и сохранением самостоятельности государств, совместно противостоять общим угрозам при уважении суверенитета и учете интересов всех участников международных отношений. От этого во многом будет зависеть стабильность и устойчивость миропорядка в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков П. Н. Международное право : учебник для вузов. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2024. – 672 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/545081> (дата обращения: 11.10.2024).
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года.

3. Галушко Д. В. Развитие концепции суверенитета государств в условиях членства в международных организациях // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 1. – С. 39–44.

4. Вавилин А. Д. Глобальные вызовы в области международного экологического права // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире : сборник трудов конференции (Москва, 04–06 июня 2019 г.). – Москва, 2019. – С. 77–81.

УДК 341.211

И. М. Напольских¹

КОМПЕНСИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ДОВЕРИЯ В ПРАВЕ

В статье рассмотрено одно из функциональных проявлений доверия – компенсирующая функция. Отмечается возрастание значимости изучения феномена доверия в праве, что во многом продиктовано условиями современной социальной действительности, в частности, направлением государственной политики Российской Федерации на сохранение и развитие традиционных ценностных установок российского общества. Обозначается, что ценностное проявление доверия в праве отражено в научных трудах достаточно подробно, при этом его функциональная характеристика изучена слабо. Автор приходит к выводу о том, что компенсирующая функция доверия имеет системообразующий характер, по отношению к которой иные проявления доверия в праве – форма ее реализации.

Ключевые слова: доверие; право; доверие в праве; компенсирующая функция; ценности; правовые ценности; ценности российского общества.

THE COMPENSATING FUNCTION OF TRUST IN LAW

The article considers one of the functional manifestations of trust – the compensating function. There is an increasing importance of studying the phenomenon of trust in law, which is largely dictated by the conditions of modern social reality, in particular, the direction of the state policy of the Russian Federation on the preservation and development of traditional values of Russian society. It is indicated that the value manifestation of trust in law is reflected in scientific works in sufficient detail, while its functional characteristics have been poorly studied. The author comes to the conclusion that the compensating function of trust has a system-forming character, in relation to which other manifestations of trust in law are a form of its implementation.

Key words: trust; law; trust in law; compensating function; values; legal values; values of Russian society.

¹ Инна Михайловна Напольских, преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

На сегодняшний день вопросы доверия к праву актуализировались, что объясняется повышением значимости ценностных оснований жизни современного общества. Особое внимание уделяется сохранению и развитию традиционных ценностных установок российского общества, о чем свидетельствует направление государственной политики.

Указом Президента Российской Федерации были закреплены цели, задачи и инструменты реализации такого стратегического национального приоритета как защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1]. Особое внимание акцентируется на том, что в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса необходимы усилия, направленные на повышение сплоченности российского общества. Реализация обозначенной целевой установки сопряжена с вопросом повышения доверия к праву и публичной власти, что в свою очередь приводит к рассмотрению функционального проявления доверия в общественной жизни.

В. В. Денисенко отмечает, что роль доверия особо значима в условиях современного российского общества, так как легитимация в нем не может быть реализована лишь посредством религиозных и традиционных норм» [2]. Легитимность не связана с навязыванием власти, поэтому предусматривает, чтобы люди доверяли власти, и чтобы она была закреплена в общественном сознании как воплощение законности [3]. А. Г. Репьев позиционирует доверие в качестве необходимого атрибута эффективного функционирования как устоявшихся государственно-правовых институтов, так и новых» [4].

В изучении проявлений доверия в праве, можно выделить два контекста – ценностный и функциональный. Если ценностное проявление доверия в праве отражено в научных трудах достаточно подробно, то его функциональная характеристика изучена слабо. В рамках данной статьи рассмотрим компенсирующую функцию доверия в праве и ее значение.

Компенсирующая функция доверия выражается в акценте внимания субъекта правоотношения на ценностно более важный аспект взаимодействия, чем на то, что в должной или ожидаемой степени не удастся реализовать в конкретном правоотношении. Ее значение существенно, когда приведение права в действие и его реализация в большей мере связаны с общими характеристиками общественной, групповой и индивидуальной жизни, чем с теми механизмами, которые предписаны самим правом [5]. В то же время компенсирующая функция направлена на мотивационную составляющую субъекта права, который вступая в правоотношение, принимает на себя риски, связанные с его неполноценной реализацией.

Необходимость в компенсирующей функции доверия возникает в следующих случаях.

1. При недостаточной регламентации отдельных сфер общественной жизни (как правило, подобное проявление компенсирующей функции свойственно сфере действия частного права, где в качестве отличительной черты выступает наличие большей свободы выбора моделей поведения участников правоотношений).

2. В реализации правоотношения в соответствии договоренностями.

3. Когда право в своей реализации дает сбой, т. е. должное не воплощается в действительном.

4. В правоотношениях публичного характера, когда возникает ситуация недостаточной осведомленности граждан в том или ином вопросе. Особенно ярко действие компенсирующей функции в данном аспекте проявляется, когда соответствующие преобразования влекут неоднозначную реакцию со стороны граждан. Доверие возникает по отношению к субъекту, от которого исходит инициатива законодательных изменений. В этом случае доверие выступает в качестве стабилизатора имеющихся негативных проявлений и позволяет образовать условия для конструктивного диалога с обществом, касательно целесообразности соответствующих преобразований.

Механизм компенсации, равно как и значимость самого доверия для того, чтобы право действовало эффективно, может отличаться в зависимости от типа, формы, отрасли права, сферы правового регулирования и особенностей конкретной ситуации.

На общесоциальном уровне доверие направлено на компенсацию негативных реакций, вызванных введением непопулярных мер; негативных реакций, связанных со сбоем в реализации отдельных правовых предписаний.

На групповом уровне доверие компенсирует сбой права в его действии, которые могут быть связаны, к примеру, с недостатками компетенции правоприменителя; недостаточной степенью гарантирования обоснованно ожидаемых результатов правового взаимодействия.

На индивидуальном уровне доверие компенсирует недостаток мотивационной составляющей для вступлений в правоотношения.

Понимание особенностей действия механизмов доверия в контексте компенсации недостатков права может иметь практическую пользу в прогнозировании отрицательных проявлений в обществе на соответствующие правовые преобразования с учетом актуальных данных о доверии к праву, в том числе к отдельным законодательным актам и субъектам права.

Безусловно, компенсирующей функцией не исчерпывается инструментальное проявление доверия в праве. Но она выступает в качестве системообразующей, по отношению к которой все другие функции доверия могут рассматриваться как формы ее осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.
2. Денисенко В. В. Доверие как фактор легитимации закона в условиях цифрового государства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 25–29.
3. Сигалов К. Е. Легитимация как идейное объяснение власти // История государства и права. – 2016. – № 16. – С. 33–37.
4. Репьев А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации // Вестник СГЮА. – 2022. – № 2 (145). – С. 15–25.
5. Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. – Москва : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – С. 25.

УДК 340

К. С. Панченко¹

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА)

В статье рассматриваются особенности организации самостоятельной работы обучающихся в высших учебных заведениях, с учетом современных образовательных тенденций. Предлагаются рекомендации по повышению ее эффективности.

Ключевые слова: теория государства и права; самостоятельная работа; теоретико-правовые дисциплины; инновационные технологии в обучении; эффективность образовательного процесса.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE STUDY OF THEORETICAL AND LEGAL DISCIPLINES (USING THE EXAMPLE OF THE THEORY OF STATE AND LAW)

The article examines the specifics of the organization of independent work of students in higher education institutions, taking into account modern educational trends. Recommendations for improving its effectiveness are offered.

¹ Кирилл Сергеевич Панченко, доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук.

Key words: theory of state and law; independent work, theoretical and legal disciplines, innovative technologies in teaching, effectiveness of the educational process.

Самостоятельная работа является необходимой частью образовательного процесса в рамках становления специалиста. Данный вид учебной деятельности способствует усвоению профессиональных компетенций, развитию способности к самообразованию на протяжении всей жизни. Самостоятельная работа представляется особенно актуальной в условиях стремительного развития технологий, оказывающих влияние на все сферы современного общества и профессиональных требований.

Для ее успешной реализации обучающийся должен обладать навыками целеполагания, планирования, самоуправления, самоконтроля и самооценки.

В то же время роль преподавателя заключается в постановке дидактических целей и в опосредованном управлении познавательной деятельностью обучающихся.

Самостоятельная работа может быть определена как познавательная деятельность обучающихся, «осуществляемая под косвенным управлением преподавателей в аудиторные часы самостоятельной подготовки и во внеучебное время, направленная на приобретение знаний, формирование и совершенствование умений и навыков профессиональной деятельности, развитие самостоятельности как профессионально значимого качества личности, при активной рефлексии всех этапов учебно-познавательной деятельности» [1].

К дидактическим целям самостоятельной работы в общем виде можно отнести приобретение знаний, формирование умений и навыков, их закрепление, применение, контроль.

Самостоятельное изучение материала позволяет обучающимся глубже осмыслить содержание дисциплины. Как показывает практика, знания усваиваются эффективнее, если обучающийся прилагает личные усилия для их поиска, обработки и систематизации.

Учебная дисциплина «Теория государства и права» является базовой в системе юридических дисциплин. Ее предназначение – познакомить обучающихся с основными государственно-правовыми понятиями и явлениями, сформировать у них целостное представление о закономерностях возникновения, функционирования и развития государства и права, юридическое мышление, правовую культуру, жизненно необходимые в повседневной профессиональной деятельности [2].

Освоение материала данной дисциплины часто сопряжено с рядом трудностей, обусловленных её объёмом, абстрактностью государственно-

правовых явлений, разнообразием существующих научных подходов и мнений, а также необходимостью оперировать сложным понятийно-категориальным аппаратом.

В связи с этим думается, что повышению эффективности обучения способствует не только увеличение часов самостоятельной работы, но и организация системы самостоятельных занятий в целом.

Принимая во внимание перечисленные аспекты и то, что данная дисциплина преподается на первом курсе, когда еще идет адаптация обучающихся к системе высшего образования, самостоятельная работа должна носить поэтапно нарастающий характер.

Преподавателю следует на начальном этапе сосредоточиться на формировании базовых навыков работы обучающихся с учебной литературой, правовыми актами.

Это может быть связано с выполнением простых заданий:

- конспектирование материала;
- составление глоссариев;
- подготовка ответов на вопросы по пройденному материалу;
- составление схем, таблиц и т. д.

Далее, по мере адаптации, следует включать работу с первоисточниками, анализ научных публикаций, участие в дебатах, подготовку презентаций, эссе, рефератов, научно-исследовательских работ.

При этом важно обеспечивать преемственность между аудиторными занятиями и самостоятельной работой.

Современные технологии оказывают значительное влияние на процесс обучения. В условиях информационной перегрузки ключевой задачей становится не просто поиск информации, а умение фильтровать ее, выделяя достоверные и значимые источники.

В рамках поддержки самостоятельной работы обучающихся могут использоваться тематические телеграм-каналы (например «Азбука права»), подкасты, видеоматериалы и т. д., рекомендованные или подготовленные преподавателем. Тем самым у обучающихся будет формироваться на практике «насмотренность» качественного материала.

Важным аспектом является и мотивационная составляющая обучающихся при занятии самостоятельной подготовкой, так как последняя подразумевает активную деятельность. До тех пор пока у обучающихся не сформируется на должном уровне осознание причинности и необходимости изучения дисциплины, интерес можно поддерживать с помощью геймификации заданий (деловые, ролевые игры, настольные игры [3], интерактивные задания [4] и т. д.).

Вышеуказанное подчеркивает значимость роли преподавателя в организации самостоятельной работы, хотя она предполагает активность обуча-

ющихся. Способы мотивации, рекомендации, условия для формирования самостоятельности обучающихся, контроль являются элементами предметной информационной образовательной среды [5].

Самостоятельная работа остаётся важным элементом образовательного процесса, позволяющим обучающимся не только усваивать знания, но и развивать критическое мышление и исследовательские навыки. В современных условиях она требует адаптации к цифровой среде и более активного взаимодействия с обучающимися с помощью современных технологий. Ключевая задача преподавателя – создать такую систему организации самостоятельной работы, которая позволит обучающимся с разным уровнем подготовки успешно осваивать необходимый материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шангутов А. О. Организация самостоятельной работы курсантов вузов внутренних войск МВД России с применением информационных технологий : диссертация ... кандидата педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 170 с.

2. Теория государства и права / А. В. Кирнос, В. А. Колесников, Ю. В. Сорокина [и др.]. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021. – 307 с.

3. Панченко К. С., Ситников К. А. Настольные игры кафедры теории и истории государства и права : справочник. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2024. – 53 с.

4. Панченко К. С. Интерактивные задания (упражнения) в образовательном процессе: опыт применения learningapps в дисциплине «Теория государства и права» // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 167–173.

5. Панченко К. С. Организация предметной информационной образовательной среды на примере теоретико-правовых дисциплин // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 59–66.

УДК 378.147:34

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК «ЗОНТИЧНАЯ» КАТЕГОРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Анализируется использование категории «правовой плюрализм» в современных юридических исследованиях. Выделяется два уровня исследований: эмпирические и теоретико-фундаментальные, отмечается, что первые количественно преобладают над вторыми. В исследованиях теоретико-фундаментального типа фиксируется большое количество контекстов использования категории «правовой плюрализм». Делается попытка их упорядочения через выделения двух подходов к правовому плюрализму – широкого (абстрактного, гносеологически-ориентированного) и узкого (конкретного, модельно-онтологического), каждый из которых кратко характеризуется.

Ключевые слова: плюрализм; социологический подход к праву; суверенитет; правовая антропология; правовая свобода.

LEGAL PLURALISM AS AN «UMBRELLA TERM» IN MODERN LEGAL RESEARCH: PRIVATE ASPECTS

The use of the category of «legal pluralism» in modern legal studies is analyzed. Two levels of research of the «legal pluralism» are distinguished: empirical (the most popular) and theoretical-fundamental ones. A wide scale of contexts of the use of the category of «pluralism» are identified in studies of the theoretical-fundamental type. An attempt is made to organize them by identifying two approaches to legal pluralism - broad (abstract, epistemologically oriented) and narrow (concrete, model-ontological), each of which is given a brief description.

Key words: pluralism; sociological approach to law; sovereignty; legal anthropology; legal freedom

Вопрос, поставленный Дж. Гриффитсом 50 лет назад в названии статьи «Что такое правовой плюрализм?» все еще актуален, несмотря на классический ответ (ситуация, при которой поведение субъекта следует более чем одному правопорядку [18, с. 2]). Эта концепция оказалась востребована учеными как по всему миру, так и в России. Однако даже беглый анализ литературы по вопросам правового плюрализма показывает, что общепризнанных исследовательских конвенций относительно него не сложилось, что в принципе характерно

¹ Андрей Владимирович Путинцев, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук.

для относительно новых направлений в науке, с одной стороны, и делает актуальной задачу систематизации подходов к правовому плюрализму, с другой.

Все множество исследований, затрагивающих проблематику правового плюрализма, можно разделить на два уровня: фундаментально-теоретический и эмпирико-социологический, «полевой». Исследования второго типа доминируют как в российской, так и в мировой литературе. Нужно отметить, что некоторые из публикаций данной группы имеют достаточно серьезную теоретическую глубину, что проявляется в развернутом описании методологической части [13, 14]. Это говорит не только о серьезной подготовке авторов таких исследований, но и об отсутствии готовых фундаментальных методологических решений, на которые ученые могли бы опереться, ввиду чего вынуждены разрабатывать методологию *ad hoc*. Иногда решить эту задачу в полной мере успешно не получается. Так, М. А. Беляев рецензирует три иностранных исследования правового плюрализма, каждое из которых посвящено конкретным аспектам проблемы правового плюрализма в конкретных странах. По мнению рецензента, их авторы превратили правовой плюрализм из своего предмета в свой метод, в этих текстах «проработана юридическая эпистемология, но осталась забытой юридическая метафизика» [4, с. 221]. Делается такой вывод на том основании, что ученые не объясняют ту конкретную конфигурацию правового плюрализма, которую они положили в основу своего методологического подхода. Тезис «это правовой плюрализм» является (насколько мы можем судить из интерпретации рецензента) для этих ученых самодостаточной методологической платформой. В отечественной литературе исследования эмпирического уровня представлены антропологическим анализом обычного, местного, религиозного права в современной или исторической перспективе (см. лишь некоторые примеры [3, 11, 12, 17]). Что касается исследований фундаментально-теоретического уровня, то их систематизация позволяет прийти к выводу, что правовой плюрализм является «зонтичной» категорией, используемой в самых различных исследовательских контекстах.

Из обзоров С. В. Бирюкова [7] (один из самых часто публикуемых по теме правового плюрализма русскоязычных авторов, ввиду чего он будет и далее цитироваться достаточно часто) и И. Б. Ломакиной [16] становится ясно, что правовой плюрализм трактуется как множественность типов правовопонимания, как плюрализм государственного и так называемого социального права, как свойство определенных правовых систем, как социолого-правовая ситуация, в которой поведение одного и того же лица одновременно соответствует нескольким правовым порядкам. Интерес представляют также указания на проявления правового плюрализма как свободы выбора при осуществлении правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и иной юридически значимой деятельности [см. 8, с. 22–23]; и как основы существования феномена правового обычая в современном праве, а также корпоративного права [5, с. 10–11].

Интересно, что в более узких областях юридической науки под правовым плюрализмом понимают более конкретные явления, рассматривая его как свойство правовых систем, возникших на стыке традиций разных правовых семей (сравнительное правоведение) [10, с. 30, 36]; как конкретно-историческую ситуацию в развитии европейского или имперского права (история государства и права) [7, с. 6–7]; как современную ситуацию в отношении международного и национального права (международное и европейское право) [1, с. 9; 9, с. 144]; как принцип позитивного (конституционного) права в части правового статуса коренных (малочисленных) народов (конституционное право зарубежных стран) [15, с. 105-107]; как возможность децентрализованного регулирования в трудовом праве [9, с. 142] и т. д.

Условно (поскольку эти подходы могут смешиваться даже в рамках одной статьи) можно выделить широкое (абстрактное, гносеологически- и философско-ориентированное) и узкое (конкретное, онтологически- и модельно-ориентированное) понимание исследуемого феномена. С точки зрения широкого понимания, правовой плюрализм – достаточно абстрактная философско-правовая методологически значимая категория. Она позволяет описать не сводящееся к взаимному уничтожению взаимодействие двух близких, но не идентичных друг другу, обладающих юридической природой компонентов единого целого. Если такого типа правовой плюрализм становится предметом исследования, то изучается своего рода абстракция, принцип, ее место в системе других абстракций. Если же он провозглашается методологической идеей – то представляет всего лишь модификацию традиционной диалектической исследовательской программы при оценке правовых явлений. Так, у С. В. Бирюкова, рассуждающего о соотношении государственного и иных видов социального права, можно найти, что «данные (*т. е. находящиеся в состоянии правового плюрализма - прим. А. П.*) виды права либо являются подсистемами единой системы, либо определяются как право в социальном, а не в юридическом смысле» [6, с. 19]. Тем самым использование плюралистического подхода позволяет подвести под разнорядковые социальные регуляторы общую методологическую основу, рассматривая их либо как «иное» сосуществующее право, либо расширяя объем исходного понятия права. Воспринимая правовой плюрализм как методологический подход (прием), его можно применить к описанию взаимодействия разных по типу организации правовых систем; соотношения государственного права и обычая, международного права и национальной правовой системы и даже сочетания методологических подходов в самой юридической науке.

В то же время в своих радикальных прочтениях таким образом понятий правовой плюрализм теряет свой эвристический потенциал. Думается, что лишено смысла рассматривать в качестве правового плюрализма свободу усмотрения в юридической деятельности. Такой «плюрализм», поскольку адресаты правовых норм обладают сознанием и автономной волей, внутренне присущ большинству правовых явлений и скорее отражает нейтральные особенности

любого механизма социального регулирования. Ссылка на правовой плюрализм в этих случаях ничего не добавляет к концептуализации указанных явлений, с точки зрения принципа «бритвы Оккама» она явно избыточна. Однако, если рассматривать два разных, но близких вида юридической деятельности, например, нормотворчество, осуществляемое разными субъектами, такой подход оправдан.

При более узком прочтении правовой плюрализм выступает сочетанием конкретного правового явления и знания (или пред-знания) о нем как об относящемся к проблематике правового плюрализма. При таком подходе правовой плюрализм – это средство интерпретации аномалии в правовом регулировании, обнаруживаемой на эмпирическом уровне и плохо объяснимой с точки зрения позитивистского правопонимания. Также правовой плюрализм может выступать как политико-правовой идеал или антиидеал. Так или иначе, акценты по сравнению с широким подходом смещаются, первичными и исходными являются эмпирические факты, а правовой плюрализм играет роль модели предмета исследования, полученной при помощи социологических и антропологических средств познания. С высот философско-правовой абстракции правовой плюрализм перемещается на «средний» уровень познания. В этой версии правовой плюрализм более конкретен, его методологическая составляющая неотделима от онтологической.

В качестве примера приведем лишь некоторые работы, затрагивающие проблему разграничения социального и государственного права.

С. В. Бирюков пишет, говоря о состоянии распада или неразвитости государства, что «в подобных ситуациях юристу остается сделать один из двух выводов: либо юридического права в отсутствие единого суверена не появилось (оно исчезло), существует лишь множество видов социального права, либо юридическое право неоднородно и гарантируется несколькими суверенами» [6, с. 19]. Именно суверен, которым в норме является государство, с этой точки зрения продуцирует ведущий правопорядок, что является естественным и желанным. «Право государства, – пишет С. В. Бирюков, – может для общего блага или в интересах господствующей элиты не только признавать, оформлять социальный плюрализм, но и блокировать его, трансформировать социальную действительность в направлении большего единообразия, в том числе предотвращать существование своего правового регулирования у тех или иных групп или даже видоизменять социальную структуру как таковую» [9, с. 144]. При таком прочтении правовой плюрализм предстает комплексом типичных и уникальных социальных отношений и одновременно теоретической моделью этого комплекса. Это позволяет объяснить функционирование государства и его дисфункцию, пределы государственного суверенитета и конкуренцию в социальном регулировании. Категория «правового плюрализма» становится пригодна для объяснения конкретной эмпирической реальности: под предложенную автором модель легко привести конкретные исторические примеры. Одновременно с этим С. В. Бирюков имплицитно

указывает на допустимость слабого правового плюрализма как возможной модели правовой политики, что свойственно представителям позитивистского типа правопонимания.

М. В. Антонов, напротив, рассматривает суверенитет как исторически обусловленную конструкцию, появившуюся для конкретных целей в конкретный период времени [2, с. 36]. С этой точки зрения проект европейского Просвещения, доверивший упорядочивающую роль государству, носил конкретно-исторический характер, и разбился в начале XX века об осознание того, «какие опасности таит в себе аккумуляция власти, включая и правовую власть, в руках государства и что такое аккумуляция имеет свои прагматические пределы, заходить за которые не нужно в целях гарантирования свободы человека и развития общества» [2, с. 38]. Противовесом стали идеи гражданского общества, прав человека и множества правопорядков, в том числе в контексте международно-правового регулирования.

П. А. Костокрызов, исследующий опыт правового плюрализма в мультикультурных странах Латинской Америки, высказывается на этот счет даже более категорично: правовой плюрализм «оппонирует не государству вообще, а лишь одной его определенной модели – государству-нации Нового и Новейшего времени» [15, с. 104]. При таком подходе и правовой позитивистский монизм, и правовой плюрализм рассматриваются как конкретные, исторически обусловленные модели организации регулирования отношений, однако одновременно и базовой, и идеологически более предпочтительной моделью правовой политики кажется уже сильный правовой плюрализм. С точки зрения аргументации приведенные примеры исследований насыщены исторической конкретикой: это не рассуждения о правовом плюрализме вообще, а о правовом плюрализме в конкретных исторических условиях.

Подведем итоги. Правовой плюрализм получил распространение в современной российской юриспруденции. Его популярность можно объяснить тем, что, с одной стороны, эта категория генетически связана с культурно-антропологическим и социологическим типами правопонимания, с другой – относительно автономна от них, имеет собственную традицию исследований, при этом обладает явной методологической новизной. Благодаря этим особенностям она позволяет объяснять большое количество правовых явлений, которые построены на принципах децентрализации. Однако по указанным выше причинам консенсус вокруг категории «правовой плюрализм» пока не сложился, она представляет собой «зонтичный» термин (вроде того, которым до сего дня является понятие «правовой режим»). С одной точки зрения, правовой плюрализм – это сугубо эмпирическая проблематика, объект исследования. С другой точки зрения – вариация диалектического метода или философско-правовая абстракция, использующаяся как элемент в концепциях философско-правового уровня. Однако при радикальной реализации такого подхода теряется предметно-содержательная специфика правового плюрализма. Согласно последней точке зрения, правовой плюрализм – это

модель определенных состояний в системе правового регулирования. Он представляет собой «теорию среднего уровня», модель описания и «онтологизации», верную для одних ситуаций и неверную для других. Думается, что предлагаемый в статье подход к систематизации материала будет способствовать лучшему уяснению специфики правового плюрализма и упорядочению научных дискуссий по его поводу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгезалова Г. Э. О правовом плюрализме как конституционном принципе // Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 4. – С. 7–10.
2. Антонов М. В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 35–7.
3. Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2000. – 30 с.
4. Беляев М. А. Новые немецкие исследования о правовом плюрализме: критический обзор // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 5. – С. 209–223.
5. Бирюков С. В. Внутригосударственное право и правовой плюрализм // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 5–14.
6. Бирюков С. В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 16–26.
7. Бирюков С. В. О традициях изучения правового плюрализма, его формах и значении (часть 1) // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 20. – № 2. – С. 5–15.
8. Бирюков С. В. Правовой плюрализм и юридическая деятельность // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 4. – С. 20–23.
9. Бирюков С. В. Санти Романо и концепция правового плюрализма // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76. – № 6. – С. 138–147.
10. Денисенко В. В., Трикоз Е. Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2. – С. 29–37.
11. Исогай М. Правовой плюрализм и мусульманский развод в Волго-Уральском регионе конца XIX века // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Оренбург, 12–13 марта 2020 года. – Оренбург, 2020. – Том 2. – С. 67–70.
12. Казенин К. И. Урегулирование конфликтов на Северном Кавказе: роль неформальных правовых механизмов // Общественные науки и современность. – 2016. – № 2. – С. 144–154.
13. Казенин К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. – 2014. – № 3. – С. 178–198.

14. Каневский А. А. Формы правового плюрализма в Российской империи (на примере расторжения брака между иудеями)// Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 38–68.

15. Костогрызов П. А. Юридический плюрализм как принцип позитивного права: опыт латиноамериканского неоконституционализма // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2015. – Том 15. – Вып. 2. – С. 99–111.

16. Ломакина И. Б. Правовой плюрализм как методологическое основание обычного права: социолого-коммуникативный ракурс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 2. – С. 22–33.

17. Тайгаров М. А. Полиюридизм на Северном Кавказе как фактор влияния на правосознание жителей региона // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5. – С. 31–32.

18. Griffiths, J. What is Legal Pluralism? / J. Griffiths // Journal of Legal Pluralism. – 1986. – № 84. – P. 1–55.

УДК 340.115.4

К. А. Раков¹

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье автор рассматривает место и роль Российской Федерации в актуальной международной обстановке в контексте организации европейской безопасности. Анализируются внешнеполитические предпосылки создавшейся сегодня международной напряженности. Определяется роль ключевых участников данных событий: НАТО, Европейского Союза, России. Предлагаются возможные сценарии развития событий и перспективы России в них.

Ключевые слова: европейская безопасность; Россия; НАТО; Евросоюз; Запад; внешняя политика; международные отношения

THE MAIN APPROACHES AND INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO THE ORGANIZATION OF EUROPEAN SECURITY

In the article, the author examines the place and role of the Russian Federation in the current international situation in the context of the organization of European security. The foreign policy prerequisites of the international tension that has arisen today are analyzed. The role of key participants in these events is determined: NATO, the European Union, and Russia. Possible scenarios for the development of events and the prospects of Russia in them are proposed.

¹ Кирилл Андреевич Раков, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Key words: European security, Russia, NATO, the European Union, the West, foreign policy, international relations

Говоря о подходах и интересах России в отношении организации европейской безопасности, следует отметить, что рассмотрение данного вопроса возможно в двух контекстах. Первый контекст – исторический, он подразумевает рассмотрение генезиса отношения и роли России в исследуемом процессе с момента распада СССР по сегодняшний день. В рамках второго контекста, конечно, следует детально охарактеризовать актуальную политику Российской Федерации в отношении организации евробезопасности [2, с. 15]. Правильным будет, на наш взгляд, затронуть оба этих контекста, тем более что они неразрывно связаны.

Итак, политика Российской Федерации в отношении организации европейской безопасности развивалась в несколько этапов, каждый из которых характеризовался сменой вектора интересов российского государства и способов ее (политики) осуществления. В 1990-е годы политическое руководство РФ двигалось в направлении интеграции в евроатлантическое сообщество государств. Интеграция в «политический» или «расширенный» Запад предполагала бы не просто выстраивание отношений равноправного сотрудничества, но и глубокую конвергенцию внутреннего политического и экономического устройства России по итогам посткоммунистической трансформации с внутренним политическим и экономическим устройством западных стран. Примерно под этим же знаком прошла первая половина первого президентского срока В. В. Путина до тех пор, пока не сформировалось окончательное понимание «сдержанного» отношения Запада к указанному курсу РФ. Тогда вектор переменялся в сторону стремления РФ к формированию так называемого «многополярного мира» и, что более важно, к открытому протесту расширения НАТО на восток. Усиливающаяся интеграция Евросоюза и НАТО, а также сближение с Западом ряда государств СНГ не могло не повлиять на усиление протестных настроений Москвы, а также принятия зеркальных мер: формирования евразийского сообщества государств, присоединения Крыма, принятия решения о проведении специальной военной операции на территории Украины. Именно с последними событиями связано начало нового этапа, о котором следует поговорить в контексте актуальной политики Российской Федерации в сфере европейской безопасности.

Стремительное и безапелляционное продвижение североатлантического альянса на восток, а также риск вступления Украины в НАТО и ЕС, а значит утрата последнего буфера между условной территорией НАТО и территорией России вынудили политическое руководство РФ признать полный суверенитет Луганской и Донецкой народных республик и принять решение о проведении специальной военной операции на Украине с целью демилитаризации.

таризации прозападно настроенного украинского государства. Начало военной операции стало поводом для введения беспрецедентных экономических и политических санкций со стороны Запада в отношении РФ, по сути, ставящих Россию в положение частичной экономической и политической блокады [1, с. 89]. Таким образом, новым этапом может стать изоляция или самоизоляция России от участия в организации европейской системы безопасности по аналогии с политикой Советского Союза между двумя мировыми войнами. На смену попыткам сохранить влияние на европейскую систему безопасности может прийти переориентация на формирование условно «евразийской системы безопасности» [3], сопровождающаяся созданием собственного военного альянса с привлечением вооруженных сил государств Азии и Африки. Именно ориентализация в вопросах глобальной безопасности видится наиболее удачным решением для России в сложившихся обстоятельствах.

В любом случае, многое зависит сегодня от результатов специальной военной операции РФ на территории Украины. В случае успешного выполнения поставленных задач и реализации задуманного плана, РФ сможет вернуться в исходное положение, несколько улучшив свои переговорные позиции и продолжит играть значительную роль в организации европейской системы безопасности.

Кроме того, следует отметить, что важнейшим фактором является наличие у РФ статуса ядерной державы, который не позволит полностью отстранить наше государство от решения вопросов по формированию глобальной и, в частности, европейской безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатова Н. К. Распад системы коллективной европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 6. – С. 82–92.

2. Организация международного полицейского сотрудничества НЦБ Интерпола МВД России : учебное пособие / А. Ю. Гарашко, С. В. Зыкова, А. И. Клименко [и др.]. – Москва : Граница, 2024. – 58 с.

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 29.02.2024 г. [Текстовая версия] / Опубликовано на официальном сайте Президента РФ. Дата публикации: 29 февраля 2024 года / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.

УДК 34.01

**ВОРОНЕЖСКАЯ УЧЕБНАЯ КОМАНДА-ШКОЛА
УЕЗДНОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ В ЛИЦАХ: Н. И. ВАСИЛЬЕВ**

В статье анализируется профессиональный и жизненный путь одного из офицеров полицейской стражи, заведующего учебной командой-школой уездной полицейской стражи Воронежской губернии Н. И. Васильева. Рассматривается личный вклад служащего в развитие региональной системы профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции.

Ключевые слова: полиция; уездная полиция; полицейская стража; профессиональная подготовка; Воронежская губерния; команда-школа; Воронежская учебная команда-школа; заведующий школой.

**VORONEZH TRAINING TEAM-SCHOOL OF THE DISTRICT
POLICE GUARD IN PERSONS: N.I. VASILIEV**

The article analyzes the professional and life path of one of the officers of the police guard, the head of the training team-the school of the district police guard of the Voronezh province, N.I. Vasiliev. The personal contribution of the employee to the development of the regional system of professional training of the lower ranks of the county police is considered.

Key words: police; district police; police guards; vocational training; Voronezh province; team-school; Voronezh educational team-schools; head of school.

В летопись отечественных органов внутренних дел вписано немало славных имен, пример которых является ориентиром для многих последующих поколений граждан нашего отечества, решивших связать свою судьбу с правоохранительной деятельностью: И. Д. Путилин, В. И. Лебедев, А. Ф. Кошко, В. П. Арапов и др.

Вместе с тем, несмотря на резко выросшее в последние десятилетия количество исследований, рассматривающих региональные компоненты полицейистики, личный вклад отдельных представителей полиции/милиции в развитие отмеченного компонента так и не получил должного освещения в научном дискурсе.

Одним из ярких примеров прогрессивного развития правоохранительной деятельности на уровне региона, ключевые вехи которого можно рассмотреть через призму вклада отдельных служащих Министерства внутренних дел (далее – МВД), является уездная полицейская стража Воронежской губернии Российской империи. Архивные документы свидетельствуют о

¹ Кирилл Алексеевич Ситников, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

том, что в данной губернии постепенно сложилась одна из наиболее «образцовых» систем профессиональной подготовки нижних чинов полиции, включавшая в себя как внешкольную, так и школьную форму обучения.

Последняя из них связана с открытием Воронежской учебной команды-школы с 20 октября 1909 года [16], первым «заведующим» которой приказом по Воронежскому губернскому жандармскому управлению (далее – ВГЖУ) от 10 октября 1909 года № 154 был назначен инициатор учреждения образовательной организации, «офицер полицейской стражи штабс-ротмистр Левандовский» [10]. Помимо него за недолгий период существования школы данную должность занимали еще несколько офицеров стражи, выделявшихся как грамотные наставники и опытные служащие, радевшие за дело подготовки новых кадров для правоохранительной системы в регионе. Среди них был и Николай Иванович Васильев.

Родился Николай Иванович в православной дворянской семье 3 мая 1887 года в Орловской губернии. Первое образование получил в Донском кадетском корпусе, учрежденном императором Александром III 15 февраля 1883 года. По всей видимости, в период обучения Н. И. Васильева осмотр корпуса проводил генерал А. Н. Макаров, по итогам проверки писавший: «Донской корпус оставил во мне приятное впечатление, что мне следовало бы закончить его осмотром мое путешествие, так как выдержать с ним сравнение другому корпусу очень трудно» [11]. Уже на основании такой оценки можно составить общее представление о качестве начального образования будущего офицера полицейской стражи.

По окончании курса, как и еще пятеро его товарищей, был назначен на службу в Елисаветградское кавалерийское училище, являвшееся к тому моменту уже несколько десятилетий одним из основных «поставщиков» квалифицированных кадров для кавалерии в стране. Среди известных выпускников училища были В. Д. Новицкий, И. Г. Барбович, В. Н. Выгран и др.

В 1908 г. учебное заведение по второму разряду с присвоением чина корнета окончил и Н. И. Васильев. Дальнейшим местом службы для молодого обер-офицера стал 17-й уланский Новомиргородский полк, где сразу же был направлен в полевую поездку разведчиков.

Служащий сумел достаточно быстро зарекомендовать себя с лучшей стороны и уже через два года он был направлен в командировку для изучения саперного, телеграфного и подрывного дела в 4-м железнодорожном батальоне. Очевидно, проведенная работа не прошла даром, поскольку вскоре, 27 сентября 1911 года Н. И. Васильеву было поручено временно возглавить саперную школу, а еще через месяц – непродолжительное время заведывать оружием в полку [7, л. 2].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что Николаю Ивановичу нередко приходилось брать отпуск в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья. Можно предположить, что это и стало причиной принятия решения по смене места несения службы: 3 ноября 1911 года им было

подано ходатайство о переводе офицером конно-полицейской стражи Воронежской губернии.

Каждое лицо, выступавшее в роли кандидата на службу в рядах постоянного состава полицейской стражи, проходило строгий отбор, направлялись запросы с целью сбора характеризующего материала как на предыдущее место работы, так и в региональное ГЖУ [17, с. 155–156; 19]. По итогам проведенной проверки приказом от 23 марта 1912 года Н. И. Васильев был переведен в МВД Российской империи с зачислением по армейской кавалерии [9, л. 5].

Приказом от 17 апреля 1912 года № 53 по Воронежскому губернскому жандармскому управлению служащему было поручено заведование обучением полицейской стражи в Богучарском и Павловском уездах с квартирой в г. Богучар вместо ротмистра М. К. Жолнеркевича [9, л. 7, 16].

Еще одна возможная причина перевода – семейные обстоятельства. Данное предположение обусловлено отношением Н. И. Васильева от 01.05.1912 № 1, в котором он сообщил начальнику ВГЖУ о вступлении в первый брак с Валентиной Григорьевной Хохлачевой 29 апреля 1912 года, то есть вскоре после прибытия к новому месту несения службы [6, л. 7]. Через год у семейной пары родилась дочь Ираида [6, л. 21–22].

Зимой 1912 года за выслугу лет Н. И. Васильев был произведен в чин поручика [6, л. 13]. Однако проблемы со здоровьем так и не покинули его. 12 августа 1912 года ему вновь пришлось просить отпуска «для совета с доктором... в виду расстроившегося за последнее время здоровья» [9, л. 26]. Служебная документация свидетельствует о том, что в течение 1913–1914 гг. офицер неоднократно обращался с просьбой об отпуске: ввиду упомянутого рождения ребенка, «крайних семейных» обстоятельств. Испытанием для семьи полицейского стала и тяжелая болезнь дочери, которую требовалось «лично везти... профессорам» [9, л. 30–45]. В 1915 году за неимением иных средств, поручик даже ходатайствовал о выдаче пособия на лечение ребенка.

Вместе с тем, нельзя сказать, что возникавшие на жизненном пути Николая Ивановича трудности существенно влияли на отправление его должностных обязанностей в негативном ключе. Об этом свидетельствует не только общее состояние системы профессиональной подготовки уездной полиции Воронежской губернии (характеризовавшейся в лучшую сторону как местным, так и общеимперским руководством) [17, с. 267], но и документы, подтверждающие личный вклад офицера в дело подготовки вверенных ему нижних чинов полиции.

Н. И. Васильев постарался максимально скоро и полно вникнуть в требования, предъявляемые к функционированию института офицеров полицейской стражи в условиях возникавшей правовой неопределенности. Так, им было уточнено, что «на обязанности офицеров стражи лежит общее руководство строевой частью и строевыми занятиями отрядов, а не инспекторский осмотр таковых» [4, л. 174].

Полученные в ходе прохождения курсов в кадетском корпусе и кавалерийском училище, а также приобретенные на войсковой службе знания позволили офицеру составить достаточно развернутое мнение относительно имевшихся в профессиональной подготовке чинов полицейской стражи Воронежской губернии недостатков, предложить свои пути их решения.

Так, в рапорте от 28.01.1914 № 8 губернскому инспектору полицейской стражи поручик Н.И. Васильев указывал на целый ряд выявленных проблем:

1. Возникающие затруднения со сбором стражников для «производства с ними занятий и осмотра оружия» из-за пространности территории и плохой инфраструктуры.

2. «Ввиду большой разбросанности отрядов стражи Богучарского уезда стрельба со стражниками производится в трех пунктах расположения стражи», что было сопряжено с массой организационных неудобств и опасностью стрельбы в связи с отсутствием в двух пунктах стрельбищ.

3. Нерациональный порядок хранения мишеней для стрельб, затрудняющий организацию занятий.

4. Недостаточная урегулированность вопроса финансирования круговых поездок офицеров [17, с. 180–183].

5. Отсутствие норм права, позволяющих или запрещающих организацию внеплановых проверок вверенных подразделений.

6. Проблемы с оснащением нижних чинов оружием и боеприпасами к нему [18].

Знания и педагогические навыки Н. И. Васильева были востребованы не только в МВД. Так, летом 1912 года им было получено предложение о преподавании гимнастики и военного строя от директора Богучарской гимназии [5, л. 196]. Примечательно, что одним из предшественников Николая Ивановича в данной должности был другой офицер полицейской стражи региона – К. В. Ермоленко [20]. Яркой характеристикой дополнительного места работы служащих является тот факт, что с 1915 по 1918 гг. в данной гимназии учился будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Михаил Александрович Шолохов [2].

25 сентября 1914 года губернатор Г. Б. Петкевич предложил Н. И. Васильеву принять заведывание Воронежской учебной-командой школой полицейской стражи [9, л. 41], что было обусловлено планировавшимся командированием действовавшего руководителя учреждения Л. И. Белевцова в распоряжение галицынского генерал-губернатора. Приказом губернского инспектора полицейской стражи полковника М. А. Конисского от 11.10.1914 № 10 Николай Иванович был назначен третьим по счету заведующим в истории команды-школы [8, л. 203] (таблица).

Вступив в исправление новых обязанностей, офицер продолжил работу своего предшественника по обновлению учебно-методической базы школы в условиях дефицита финансирования [17, с. 264].

Так, были приобретены:

- 1) книги для чтения Вахтерова (второй и третий годы обучения);
- 2) арифметические задачки Комарова (в двух частях) [3, л. 7–9].

Таблица

**Состав Воронежской учебной команды-школы
уездной полицейской стражи в 1915 г.
(по материалам Адрес-календаря за 1915 г.) [12]**

№ п/п	Чин (при наличии), ФИО	Должность	
1.	поручик Н. И. Васильев	заведующий учебной командой	
2.	священник Н. А. Немчинов	законоучитель	
3.	надворный советник П. А. Новиков	преподаватели	полицейских обязанностей
4.	С. Н. Комаров		законоведения
5.	коллежский ассессор А. И. Гаспль		отечественной истории
6.	статский советник И. М. Шаттенштейн		медицины
7.	титулярный советник Ф. М. Трояновский		ветеринарии
8.	М. А. Нескромный		русского языка и арифметики

18 марта 1915 года под председательством воронежского вице-губернатора состоялся выпускной экзамен десятого набора в учебной команде-школе.

Курс прошли 63 полицейских стражника, командированных из всех уездов Воронежской губернии. Из них к итоговым испытаниям были допущены лишь 22 стражника, которые «по своему развитию и способностям оказались успешными настолько усвоить требуемую программу и инструкцию курса, что в состоянии на экзамене проявить познания в объеме пройденного курса и удовлетворить требуемым испытаниям». Оставшиеся нижние чины были откомандированы обратно в уезды с предложением о повторном прохождении обучения в будущем.

Все 22 полицейских стражника на экзамене «в целом проявили хорошую подготовку и достаточно хорошо усвоили познания в объеме пройденного курса». Среди экзаменовавшихся как «выдающиеся» были оценены 5 выпускников, которые по определению всей комиссии за продемонстрированные знания были представлены к утверждению в должности урядника. Остальные были удостоены назначения старшими и младшими стражниками.

По оценке помощника начальника ВГЖУ подполковника П. А. Зякина весь состав учебной команды на строевом смотре как в конном, так и в пешем строю, показал вполне удовлетворительную строевую подготовку [3, л. 10–11 об.], что, по нашему мнению, вполне можно относить и к заслугам заведующего учреждением – Н. И. Васильева.

Очередной, одиннадцатый, набор команды-школы приступил к обучению под руководством Николая Ивановича уже в мае. Однако принять участие в их выпускных экзаменах офицеру не представилось возможным, как и завершить сам цикл подготовки.

Еще 14 марта 1915 года директор Воронежского Великого Князя Михаила Павловича кадетского корпуса генерал-майор М. И. Бородин выступил с секретным ходатайством перед губернатором о прикомандировании к корпусу в должность офицера-воспитателя поручика Н. И. Васильева, который изъявил на это свое согласие. Помимо общих служебных документов во исполнение приказа Главного Начальника военно-учебных заведений, отданного в секретном предписании Главного Управления, от 30.05.1903 № 175 запрашивалось конфиденциальное письмо, содержащее ответы на следующие вопросы:

- 1) состояние здоровья прикомандировываемого офицера;
- 2) «степень умственного развития»;
- 3) нравственные и служебные качества;
- 4) степень энергии и распорядительности;
- 5) служебный и житейский «такт»;
- 6) аккуратность в денежных делах;
- 7) «безукоризненная легальность семейной жизни».

Параллельно с этим, 4 мая, начальником 1-ой бригады кавалерийского запаса генерал-майором П. П. Апрелевым было направлено на имя губернатора отношение, в котором испрашивалась возможность перевода Н. И. Васильева в 6-й запасной кавалерийский полк в связи с изъявленным на то желанием офицера. Именно данное воинское формирование и стало следующим местом службы Николая Ивановича.

2 июля 1915 года им была передана Воронежская учебная команда-школа уездной полицейской стражи ротмистру И. Я. Хазбиевичу [6, л. 28–29], что нашло свое отражение в приказах губернского инспектора №№ 1 и 2 по части полицейской стражи от 04.07.1915 и 05.07.1915 соответственно [9, л. 64].

На новом месте Н. И. Васильев заведовал офицерскими собраниями во втором эскадроне [13]. Высочайшим приказом был произведен в штабс-ротмистры с 24 июня 1916 года [14]. По состоянию на 31 декабря 1916 года еще числился в составе полка [15]. Однако говорить однозначно о дальнейшем служебном и жизненном пути бывшего заведующего школой не представляется возможным.

Опираясь на работу С. В. Волкова, с высокой долей вероятности можно предположить, что 5 мая 1918 года Николай Иванович примкнул к рядам Донской Армии, после чего был прикомандирован цензором к военно-цензурному отделу штаба армии [1, с. 109]. Поскольку в списках осужденных участников Белого движения, находящихся в открытом доступе, обнаружить сведения об экс-офицере полицейской стражи в рамках настоящего исследования нам не удалось, осмелимся предположить, что он либо погиб в ходе событий Гражданской войны, либо эвакуировался после поражения белых сил на территории Юга России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. В. Офицеры русской кавалерии: Опыт мартиролога. – Москва, 2004. – 624 с.
2. Воронов В. А. Юность Шолохова : страницы биографии писателя. – Ростов-на-Дону, 1985. – 109 с.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1170.
4. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 927.
5. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3 – Д. 101.
6. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3. – Д. 257.
7. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 3. – Д. 354.
8. ГАВО. – Ф. И-2. – Оп. 9. – Д. 442.
9. ГАВО. – Ф. И-2. – Оп. 9. – Д. 543.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 110. – Оп. 21. – Д. 107. – Л. 58.
11. Донской кадетский корпус // Энциклопедия Руниверсалис. – URL: https://руни.рф/Донской_кадетский_корпус#cite_ref-12 (дата обращения: 03.10.2024).
12. Отдел III – Адрес-календарь // Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. – Воронеж, 1915. – С. 7.
13. Российский Государственный Военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 3514.
14. РГВИА. – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 9790.
15. РГВИА. – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 15207.
16. Ситников К. А. Совершенствование организационных форм обучения нижних чинов уездной полиции в Воронежской губернии: учреждение учебной команды-школы // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 16–24.
17. Ситников К. А. Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии) : монография. – Москва : Проспект, 2024. – 288 с.
18. Ситников К. А., Уланов Н. Д. Участие офицеров полицейской стражи Воронежской губернии в совершенствовании внешкольной подготовки нижних чинов уездной полиции // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 4. – С. 16–20.
19. Сорокина Ю. В., Ситников К. А. В. М. Левандовский как организатор профессиональной подготовки полицейской стражи Воронежской губернии // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 9–20.
20. Сорокина Ю. В., Ситников К. А. «Человек в высшей степени тактичный и порядочный»: офицер полицейской стражи Воронежской губернии К. В. Ермоленко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2(45). – С. 268–286.

УДК 351.74

МЕХАНИЗМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ИДЖТИХАДА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Статья посвящена анализу института иджтихада в исламском праве и его современных форм, в частности, коллективного иджтихада. Рассматривается роль иджтихада в адаптации исламского права к меняющимся социальным условиям. Особое внимание уделяется методологии коллективного иджтихада, включающей пять ключевых этапов: описание проблемы, правовую квалификацию, коллегиальное обсуждение, обоснование решения и его обнародование. Анализируется практика применения коллективного иджтихада на международном, национальном и институциональном уровнях. Подчеркивается значимость иджтихада как инструмента обновления исламского права в современном мире.

Ключевые слова: исламское право; иджтихад; коллективный иджтихад; фетва; шариат; исламская юриспруденция; правовая методология; религиозное обновление.

MECHANISMS OF COLLECTIVE IJTIHAD IN THE STRUCTURE OF MODERN ISLAMIC LAW-MAKING

The article analyzes the institution of ijthihad in Islamic law and its modern forms, particularly collective ijthihad. It examines the role of ijthihad in adapting Islamic law to changing social conditions. Special attention is given to the methodology of collective ijthihad, which includes five key stages: problem description, legal qualification, collegial discussion, justification of the decision, and its promulgation. The practice of applying collective ijthihad at international, national, and institutional levels is analyzed. The significance of ijthihad as a tool for renewing Islamic law in the modern world is emphasized.

Keywords: Islamic law; ijthihad; collective ijthihad; fatwa; Sharia; Islamic jurisprudence; legal methodology; religious renewal.

Иджтихад является одним из ключевых институтов исламского права, играющим важнейшую роль в его развитии и адаптации к меняющимся социальным условиям. Термин «иджтихад» происходит от арабского корня, означающего «усердствовать», «прилагать усилия». В правовом контексте иджтихад представляет собой интеллектуальное усилие квалифицированного правоведа (факиха, муджтахиды) по выведению правовых норм из первоисточников ислама – Корана и Сунны.

¹ Султан Таласович Хапчаев, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Сущность иджтихада заключается в том, что он позволяет исламскому праву развиваться и отвечать на новые вызовы времени, сохраняя при этом связь с фундаментальными источниками. Иджтихад не является произвольным правотворчеством, а осуществляется в рамках определенной методологии с опорой на авторитетные тексты. При этом муджтахид должен обладать глубокими знаниями Корана, хадисов, арабского языка, методов исламского права и других необходимых дисциплин.

Важно подчеркнуть, что иджтихад – это не только правовая техника, но и религиозно-интеллектуальная деятельность. Муджтахид стремится постичь божественный замысел и вывести нормы, соответствующие целям шариата. Поэтому иджтихад требует не только знаний, но и благочестия, богобоязненности. Результатом иджтихада является не абсолютная истина, а наиболее вероятное с точки зрения муджтахида решение. Отсюда проистекает возможность различных мнений по одному вопросу [3, с. 389–392].

Фетва, в свою очередь, представляет собой богословско-правовое заключение по какому-либо вопросу, вынесенное муфтием или другим авторитетным лицом. Фетва может основываться как на прямых указаниях Корана и Сунны, так и на иджтихаде. В отличие от судебного решения, фетва не имеет обязательной юридической силы, а носит рекомендательный характер. Тем не менее, авторитетные фетвы оказывают значительное влияние на правовую практику и общественное мнение в мусульманских обществах.

В современном мире все большую значимость в качестве механизма вынесения фетв приобретает коллективный иджтихад по причине возникновения сложных и многогранных проблем, решение которых требует комплексного подхода с привлечением экспертов из различных областей знания.

Данная тенденция обусловлена прежде всего эволюцией самого характера возникающих вопросов, ответы на которые необходимо давать сквозь призму шариатских предписаний. В период жизни Пророка Мухаммада (мир ему) и первых поколений мусульман формулируемые правоведами вопросы касались преимущественно сфер богослужения, семейных отношений и элементарных гражданско-правовых взаимодействий между членами мусульманской общины. Постепенно, по мере развития и расширения исламской цивилизации, распространения ислама на новые территории с присущими им культурными традициями и особенностями общественного устройства, проблемы стали приобретать более сложный и многоаспектный характер.

В современную эпоху научно-технического прогресса, глобализации и формирования новых общественных моделей, вопросы, выносимые на рассмотрение исламских правоведов и богословов, зачастую требуют не только тщательного изучения первоисточников и богатого наследия исламской правовой мысли, но и глубокого понимания принципов функционирования различных отраслей человеческой деятельности – экономики, финансов, медицины, биоинженерии и многих других сфер. Более того, нередко

возникают ситуации, когда адекватное осмысление проблемы возможно лишь при комплексном рассмотрении вопроса с привлечением специалистов из смежных областей знания [4, с. 158–162].

Так, например, исламская юриспруденция в отношении вопросов биоэтики и биомедицинских технологий требует не только досконального знания релевантных шариатских источников, но и глубокого погружения в предметную область современной медицины и биологии. Выработка соответствующих шариату решений в сфере исламских финансов и банковской деятельности невозможна без детального осмысления тонкостей функционирования различных финансовых инструментов, продуктов и операций. Аналогичным образом, рассмотрение новых информационно-коммуникационных технологий, криптовалют, робототехники и прочих современных явлений требует привлечения высококвалифицированных экспертов из соответствующих областей.

В подобных условиях практика индивидуального иджтихада, когда муджтахид единолично, опираясь лишь на собственные знания, выносит решение по тому или иному вопросу, становится малоэффективной. Внутренние ограничения на уровне компетенций отдельно взятого правоведа не позволяют обеспечить комплексный и всесторонний подход к рассмотрению сложных проблем, затрагивающих одновременно несколько предметных областей. Соответственно, единоличные решения зачастую могут быть неполными, упускающими важные нюансы и содержать определенные погрешности.

Институт коллективного иджтихада, предполагающий совместную работу группы высококвалифицированных экспертов как в области исламского богословия и правоведения, так и иных релевантных дисциплин, позволяет преодолеть данные ограничения и найти решения, наиболее полно отвечающие шариатским предписаниям и современным реалиям. Объединение различных компетенций и точек зрения в рамках коллегиального рассмотрения возникающих вопросов и проблем создает благоприятные условия для всестороннего анализа ситуации и выработки сбалансированных решений с учетом всех значимых факторов.

В современную эпоху практика коллективного иджтихада получила широкое распространение и институционализацию на различных уровнях – международном, национальном и институциональном – через создание специализированных органов, комитетов и советов, наделенных полномочиями коллегиального вынесения фетв и решений по актуальным проблемам.

На международном уровне данная практика реализуется через деятельность таких авторитетных органов, как Международная академия исламского правоведения в Джидде и Академия исламских исследований в Египте. Созданные под эгидой Организации исламского сотрудничества и Лиги арабских государств, эти структуры объединяют ведущих богословов и правоведов из различных стран исламского мира. В рамках регулярно проводимых конференций и ассамблей ученые ведут всесторонний дискурс по

наиболее актуальным вопросам современности с привлечением при необходимости экспертов из соответствующих областей знания. По итогам обсуждения выносятся резолюции и рекомендации, отражающие консолидированную позицию участников относительно рассматриваемых проблем.

На национальном уровне широкое распространение получили разного рода фетва-комитеты и советы по шариатским вопросам под патронажем центральных властей или исламских организаций. Примерами подобных структур являются Генеральное управление по вынесению фетв в Кувейте, Совет по шариатским фетвам в Судане, Консультативный совет и Совет исламской идеологии в Пакистане, советы Мухаммадии и Нахдатул Улама в Индонезии, Фетва-комитет Национального совета в Малайзии и другие.

Сфера деятельности национальных фетва-органов распространяется на решение наиболее значимых теологических, правовых и социальных вопросов, затрагивающих жизнь мусульманских общин в конкретных странах. Коллегиальный характер вынесения фетв с участием авторитетных богословов и экспертов из различных областей позволяет наиболее полно учитывать культурно-исторические, социально-политические и экономические особенности того или иного государства или региона [5, с. 62–66].

На институциональном уровне практика коллективного иджтихада находит свое воплощение в деятельности различного рода шариатских консультативных советов, создаваемых при банках, финансовых учреждениях, медицинских организациях и других структурах, столкновение с шариатскими аспектами деятельности которых требует привлечения высококвалифицированных экспертов для обеспечения соответствия операций и продуктов нормам исламского права.

В качестве примеров можно привести Шариатский наблюдательный совет Исламского банка развития, Совет по надзору за соответствием принципам шариата при Центральном банке Малайзии, Шариатский консультативный совет при Центральном банке Бахрейна, шариатские советы при различных коммерческих банках и финансовых компаниях в странах Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и других регионах. Основной функцией таких органов является рассмотрение продуктов, услуг и операций соответствующих организаций на предмет их соответствия нормам и принципам исламского права. Кроме того, коллективный иджтихад активно применяется в деятельности специализированных исследовательских и академических центров, таких как Международный шариатский совет по вопросам, связанным с закатом при кувейтском Доме закята, Исламская организация по медицинским исследованиям в Кувейте и других подобных структурах.

В процессе исследования феномена коллективного иджтихада и анализа существующей практики его применения в различных органах и институтах, нами было выделено пять ключевых этапов, образующих своего рода методологическую основу данного механизма коллективного правотворчества. Рассмотрим каждый из этих этапов более подробно.

Первым этапом является ат-тасвир (описание, изображение проблемы). Он заключается в максимально полном и всестороннем изучении сути рассматриваемой проблемы или вопроса, сборе исчерпывающей информации об их характеристиках, особенностях и деталях. Качественное проведение данного этапа является крайне важным, поскольку именно от степени полноты и точности понимания проблемы напрямую зависит корректность последующего правового регулирования.

На практике процесс ат-тасвир может включать консультации с соответствующими экспертами, анализ различных документов и материалов, изучение смежных аспектов проблемы и т. д. Необходимо выяснить все значимые нюансы рассматриваемой ситуации, уточнить используемую терминологию и убедиться в правильной трактовке предоставленной информации. Итогом данного этапа должно стать формирование у членов совета или комитета целостного и непротиворечивого представления о сути изучаемого вопроса.

Вторым этапом выступает ат-такйиф (квалификация), то есть соотнесение, увязка исследуемой проблемы с соответствующими шариатскими источниками и предписаниями. Данный этап предполагает анализ совместимости рассматриваемой ситуации с нормами, изложенными в Коране, Сунне, иджме и других признаваемых исламской правовой доктриной источниках. Параллельно осуществляется сопоставление с общими правовыми принципами и максимами исламской юриспруденции, а также имеющимися прецедентами в классическом и современном фикхе [2, с. 344–349].

Важным аспектом данного этапа является определение того, существуют ли конкретные шариатские нормы и постановления, прямо применимые к изучаемой проблеме, либо же речь идет о новой, ранее не рассматривавшейся ситуации, регулирование которой должно осуществляться посредством иджтихада на основе общих принципов и целей шариата. В последнем случае ключевую роль играют макасид-ориентированный подход (т.е. согласованный с базовыми целями шариата) и учет современных реалий общественной жизни.

Третий этап – аль-мушавара (консультация, совещание) – и является, по сути, ключевым звеном всего механизма коллективного иджтихада. Он представляет собой коллегиальное обсуждение рассматриваемого вопроса с изложением различных точек зрения и аргументов, процесс совместного поиска наиболее приемлемого решения в духе шариатских предписаний. Основной причиной необходимости такого коллективного дискурса является многогранность и комплексный характер современных проблем, для адекватного осмысления которых требуется консолидация научных знаний и практического опыта ученых из различных сфер.

Успешность данных действий во многом зависит от уровня знаний соответствующих ученых, которые могут быть специалистами по отдельным разделам исламского права (муамалят, мунакахат и т. д.), экспертами в области хадисоведения, тафсира, арабского языка и других исламских дисциплин, а также авторитетными светскими учеными и практиками из тех или иных отраслей

науки, техники, экономики, управления. Разумеется, ядро совещания составляют маститые богословы и правоведы, обладающие глубокими познаниями в области усуль аль-фикх и общей методологии исламской юриспруденции. Важнейшим принципом работы аль-мушавары является открытый и свободный обмен мнениями, когда каждый участник имеет возможность внести свой вклад в коллективное рассуждение.

Четвертым этапом является байан аль-хукм – разъяснение, обоснование принятого решения. Он предполагает формулирование и изложение полного, ясного и непротиворечивого обоснования вынесенного хукма (шариатского вердикта) по исследуемому вопросу. Здесь члены совета, достигнув согласованного мнения в ходе аль-мушавары, должны максимально полно отразить логику принятого ими решения со ссылками на соответствующие шариатские источники, юридические принципы и прецеденты исламской правовой мысли.

Байан аль-хукм играет крайне важную роль, поскольку обеспечивает легитимность и авторитетность вынесенного постановления в глазах мусульманской общины. Всесторонне аргументированное и выверенное обоснование является залогом доверия к иджтихаду со стороны простых верующих. Причем разъяснение должно быть доходчивым и понятным не только для специалистов в области исламского права, но и для широкой публики, что достигается посредством тщательного структурирования материала, доступного изложения ключевых моментов, использования наглядных примеров и иллюстраций.

Итоговый документ, содержащий разъяснение вынесенного хукма, призван стать полновесным источником знаний для всех заинтересованных сторон. Он будет содержать детальное описание проблемы, этапов ее рассмотрения, ключевых аргументов сторон, ссылки на релевантные шариатские источники и принципы, а также собственно окончательное решение совета по данному вопросу с обоснованием его преимуществ перед иными возможными вариантами [1, с. 69–74].

Наконец, пятым и заключительным этапом методологии коллективного иджтихада является аль-ифта – официальное обнародование и доведение до сведения общественности вынесенного шариатского постановления. Выполнение данного этапа имеет принципиальное значение, поскольку в противном случае вся предыдущая работа по тщательному изучению проблемы и выработке решения теряет всякий смысл. Способы и каналы распространения информации о новой фетве могут существенно варьироваться в зависимости от уровня и статуса издавшего его органа, специфики самой фетвы, степени ее общественной значимости и других факторов. Общепринятой практикой является публикация текстов резолюций и заключений в специализированных печатных и электронных изданиях, на официальных сайтах соответствующих органов. Отдельные наиболее важные и резонансные фетвы могут также объявляться посредством выступлений в СМИ, рассылки релизов информационным агентствам и т. п.

Ряд авторитетных фетва-структур, таких как Международная академия исламского правоведения в Джидде, выпускают периодические сборники, куда включаются материалы заседаний и конференций с резолюциями по рассмотренным вопросам. Данные сборники распространяются среди образовательных, научных и религиозных учреждений, переводятся на иностранные языки для наиболее широкого ознакомления мусульманских общин в разных странах.

Для фетва-органов национального и локального уровней часто практикуется направление принятых постановлений в соответствующие государственные структуры и организации по линии их непосредственной компетенции. Например, заключения шариатских советов при центральных банках и финансовых регуляторах рассылаются в коммерческие банки и другие кредитные учреждения в качестве руководства к действию. Аналогичным образом фетвы по богослужебным, семейным и иным вопросам бытовой сферы могут доводиться до сведения местных общин через мечети, медресе и другие религиозно-просветительские каналы.

В заключение можно сказать, что иджтихад остается жизненно важным институтом исламского права, обеспечивающим его жизнеспособность и релевантность в меняющемся мире. Современные формы иджтихада, особенно коллективного, позволяют исламскому праву развиваться, сохраняя при этом связь с его фундаментальными источниками и принципами. Иджтихад выступает как инструмент обновления (таджид) в исламе, позволяющий сочетать верность традиции с ответом на новые вызовы. При правильном применении он способствует гармоничному развитию мусульманских обществ в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиззатуллин Р. А. Коллективный иджтихад: теоретический и практический аспекты // I Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : материалы научно-практических конференций форума, Болгар, Республика Татарстан, 13–19 октября 2019 года / Составители: Д. М. Абдрахманов [и др.]. Том II. – Болгар, Республика Татарстан : Издательский дом «МеДДоК», 2020. – С. 69–74.

2. Нургалеев Р. М. Иджтихад в исламском праве: современные попытки переосмысления методов мусульманского правотворчества // II Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : сборник научных докладов конференций, Болгар, 25–30 октября 2020 года / Составители : Д. М. Абдрахманов [и др.]. Том I. – Казань : Издательский дом «МеДДоК», 2021. – С. 344–349.

3. Сафаров А. М. Иджтихад, фетвы и их основные понятия // II Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : сборник научных докладов конференций, Болгар, 25–30 октября 2020 года / Составители : Д. М. Абдрахманов [и др.]. Том I. – Казань : Издательский дом «МеДДоК», 2021. – С. 389–392.

4. Хапчаев С. Т. Трансформация регулятивных механизмов мусульманского права в цифровую эпоху: на примере фетв // Личность, общество, государство в условиях цифровизации : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 30 сентября 2022 года. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2022. – С. 158–162.

5. Япрынцева И. Е., Мусина А. Р. Роль иджтихада в развитии исламского права // Государственная власть и местное самоуправление в современный период : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 22 апреля 2022 года / Отв. редактор Н. Н. Бойко. Том Выпуск XII. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, 2022. – С. 62–66.

УДК 348.97

А. И. Черенкова¹

МНОГОУРОВНЕВАЯ СИММЕТРИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ УНИКАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА

В настоящей статье автором проведено исследование правового регулирования федеративного устройства России. Отмечено уникальное строительство российской модели федерализма. Выявлены различия между правовыми статусами субъектов Российской Федерации. Установлены пробелы в действующем законодательстве и предложены варианты их устранения. Сделан акцент на более расширенном каталоге прав республик относительно других субъектов. Выполнен ретроспективный анализ становления федеративного устройства России. Представлены пути преодоления асимметричности в правовых статусах субъектов.

Ключевые слова: федеративное устройство; территориальное устройство; конституционное право; Российская Федерация; субъект Российской Федерации; федерализм.

MULTI-LEVEL SYMMETRY OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF RUSSIA: FEATURES OF A UNIQUE MODEL OF FEDERALISM

In this article, the author conducted a study of the legal regulation of the federal structure of Russia. The unique construction of the Russian model of federalism is noted. The differences between the legal statuses of the subjects of the Russian Federation are revealed. Gaps in the current legislation are identified and options for their elimination are proposed. The emphasis is placed on a more

¹ Анна Игоревна Черенкова, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Луганского филиала Воронежского института МВД России.

extensive catalog of rights of the republics in relation to other subjects. A retrospective analysis of the formation of the federal structure of Russia is carried out. Options for overcoming the asymmetry in the legal statuses of the subjects are proposed.

Key words: federal structure; territorial structure; constitutional law; Russian Federation; subject of the Russian Federation; federalism.

В соответствии с национальной Конституцией Россия является федеративным государством [6]: данная форма территориального устройства законодателем была выбрана не случайно и обусловлена рядом факторов. Во-первых, обратим внимание, что Россия находится на первом месте по занимаемой территории в мире: площадь страны составляет более 17 млн км² и включает в себя 89 субъектов. Как известно, для федеративного устройства характерна относительная самостоятельность ее регионов, что значительно упрощает и систематизирует управление административно-территориальными единицами, а также стимулирует их экономическое и политическое развитие. Во-вторых, многие многонациональные страны, такие как Швейцария, Канада, Босния и Герцеговина, Бразилия также выбрали модель децентрализованного управления, поскольку автономия субъектов позволяет учесть интересы каждой народности. Обратим внимание, что на сегодняшний день в соответствии со Всероссийской переписью 2021 года в Российской Федерации проживает более 190 народов [1], большинство из которых являются весьма многочисленными, с собственными культурными особенностями, религией, историей.

Как видим, федеративное устройство, действительно, обладает неоспоримым преимуществом, которое может быть реализовано исключительно при грамотной юридической организации.

В настоящее время теория представляет нам две модели федерализма:

- симметричная – правовые положения субъектов равны между собой;
- ассиметричная – между правовыми положениями субъектов существует ряд различий [19, с. 142].

Какой же вариант избрала для себя Российская Федерация?

Начнем с того, что понятие «правовое положение» подразумевает объем прав и обязанностей каждого субъекта. Так, в соответствии со статьей 5 Конституции Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации [6]. Обратим внимание, что словосочетание «равноправные субъекты» подчеркивает тот факт, что Россия является симметричной федерацией. Однако последующая часть статьи 5, одновременно, противоречит данному утверждению и указывает, что «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство. [6]»

Итак, первое различие заключается в основном законе субъекта – конституции республик и уставе иных субъектов, которые достаточно часто воспринимаются как идентичные феномены. Однако между данными нормативными правовыми актами существует значительное различие: в соответствии с утратившим силу Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации принимает конституцию субъекта Российской Федерации и поправки к ней, если иное не установлено конституцией субъекта Российской Федерации, принимает устав субъекта Российской Федерации и поправки к нему [10]. Недавно принятый Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ в точности продублировал вышеупомянутые положения [11]. Таким образом, республики вправе устанавливать свой вариант алгоритма принятия регионального основного закона, в том числе и путем вынесения его на голосование. Сложно поспорить с тем фактом, что принятие нормативного правового акта путем голосования является более демократичным способом, нежели принятие его региональным парламентом, следовательно, федеральный законодатель предлагает больше народовластных ресурсов республикам, чем другим субъектам.

Ещё одним существенным различием нам видится следующее: республика (в отличие от иных видов субъектов) в тексте Конституции Российской Федерации отождествляется с понятием «государство», что порождало на практике множество споров. Дело в том, что такой подход законодателя неоднократно создавал определенные проблемы, поскольку региональные власти слишком часто забывали о главном – об отсутствии суверенитета. Например, Республика Алтай в собственной Конституции установила, что регион во внутренней жизни основывается на суверенитете как естественном, необходимом и законном условии существования своей государственности, истории, культуры, традиций, призванных обеспечить мирную жизнь народов республики [4]. В противовес данному утверждению Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» утвердил: «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. [7]».

Таким образом, в данном случае с юридической точки зрения отождествление республики с государством предстает не более чем красивой «игрой слов», однако всё-таки подчеркивает некий ее приоритет над остальными субъектами.

Еще одним существенным различием в положении является право республик устанавливать собственные «вторые» государственные языки. Согласно части 2 статьи 68: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации [6]». Причем, некоторые субъекты устанавливали обязательное изучение государственного языка республики в учебных заведениях (Республика Коми, Калмыкия, Северная Осетия — Алания, Чувашия). Однако в 2018 году в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ были внесены корректировки, устанавливающие факультативность изучения государственных языков республик [8]. Данное изменение существенно уменьшило «вес» государственных языков республик на официальном уровне.

Еще одним существенным различием в ретроспективе была возможность республик утверждать своё собственное «внутреннее» гражданство. В настоящее время в соответствии с действующей Конституции России и Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ [9] существование данной категории невозможно. Однако ранее в статье 21 утратившей силу Конституции Республики Татарстан провозглашалось: «Республика Татарстан имеет свое гражданство. Гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на территории Республики Татарстан, является гражданином Республики Татарстан. Гражданин Республики Татарстан одновременно является гражданином Российской Федерации» [5]. В соответствии с Законом Республики Татарстан от 26.01.2023 № 1-ЗРТ [2] упомянутая статья Конституции Татарстан была исключена, тем самым устранив действующие коллизии с федеральным законодательством.

В прошлом республикам также был свойственен институт президентства, а административный центр именовался столицей. В Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» уже был закреплен четкий запрет на наименование «не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти».

Как видим, республика в некоторых аспектах всё-таки имеет ряд преимуществ перед иными видами субъектов. Данный подход продиктован определенными историческими событиями: 1990 год ознаменовался «парадом суверенитетов» автономных республик и автономных областей РСФСР. Для того чтобы предотвратить развал государства, руководством России

было принято решение о подписании Федеративного договора, суть которого заключалась в следующем: было закреплено разграничение предметов ведения и полномочий внутри Федерации между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, объединённых в группы – республики, края, области, города Москва, Санкт-Петербург, автономная область и автономные округа [18]. Однако Республика Татарстан отказалась подписывать данный документ, ввиду чего федеральные власти приняли решение предоставить больше полномочий некоторым административно-территориальным единицам.

Также важно заметить, что большинство республик были образованы «по национальному принципу», а остальные субъекты – по административному. Это означает, что во многих республиках преобладает национальность, которая «задает тон» для создания необходимых условий в интересах коренного населения. Безусловно, такой индивидуальный подход транслирует готовность государства отстаивать интересы многонационального народа. С другой стороны, это порождает и существенные проблемы. Во-первых, таким образом возможно возрастание сил сепаратизма. Опыт показал, что наименование «государство» с практически со всеми признаками такого часто вводил в заблуждение региональные власти относительно пределов своей самостоятельности. Во-вторых, создается неравенство между субъектами России, которые согласно Конституции должны иметь идентичный набор прав и обязанностей. В связи с вышеперечисленным возникает вполне логичный вопрос: могут ли субъекты поменять свой статус?

Действующее законодательство дает положительный ответ и предлагает два варианта разрешения данного вопроса:

1. Путем преобразования одного вида субъекта Российской Федерации в другой.
2. Путем объединения (слияния) нескольких субъектов Российской Федерации [15].

Начнем со второго способа, который хорошо проработан российским законодателем и неоднократно был реализован на практике. Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» предусмотрена и четко регламентирована процедура слияния субъектов Российской Федерации [15]. В истории были успешно реализованы следующие объединения регионов: объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край [13], Объединение Красноярского края и входящих в его состав автономных округов [14], Объединение Камчатской области и Корякского автономного округа в Камчатский край [12], Объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа [16], Объединение Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа в Забайкальский край [16].

Относительно первого варианта хочется отметить следующее. Законодательство, действительно, содержит материальную норму о возможности субъекта сменить свой статус, но механизм её реализации на сегодняшний день не предусмотрен. Следовательно, изменить свой статус субъекты не могут, что является существенным пробелом для выстраивания симметричного федерализма, где субъекты должны иметь идентичные правовые статусы. Безусловно, асимметрия в федеративном устройстве России не является критичным, но всё же создает впечатление определенной иерархии не между субъектами, а их видами («многоуровневая симметрия»). При этом главная проблема заключается, повторимся, не только в нарушенной симметрии, а в невозможности получения регионами получит статус республики (государства) ввиду отсутствия должного правового регулирования. Следовательно, экономический рост и высокий уровень жизни в регионе не могут стать факторами для расширения их самостоятельности.

На основе вышеизложенного хотелось бы отметить следующее. Сложная модель российского федерализма вполне оправдана историческими, географическими и культурными особенностями государства, однако её нормативная правовая база вызывает множество вопросов. Закрепленное в Основном Законе России равенство субъектов фактически нарушается расширенными полномочиями республик, у которых есть привилегия на собственный второй государственный язык, конституцию и наименование «государство». Можно сделать вывод, что республики в составе Российской Федерации занимают более «высокое» положение в иерархии субъектов Федерации по сравнению с другими регионами России [3]. За последние годы законодатель сделал значительные шаги к искоренению существенных различий, но некоторые проблемы всё-таки остались. Правда, некоторая сложность в невозможности изменения содержания статьи 5 Конституции Российской Федерации, поскольку она расположена в первой главе. Внесение поправок в упомянутую главу возможно исключительно путем принятия новой Конституции, проект которой должен быть разработан Конституционным Собранием. Однако на сегодняшний день отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий его статус, что и делает изменение статьи 5 невозможным. Это также означает, что в составе России должна быть исключительно одна автономная область (перечислена в статье 5 в единичном числе) и, как минимум, по два субъекта каждого из перечисленных иных субъектов (упоминаются в статье 5 во множественном числе). Как видим, некоторые моменты невозможно изменить ввиду правовой природы отечественного Основного Закона, при этом данная проблема могла бы быть устранена в федеральном законодательстве: либо путем закрепления механизма изменения субъектов своего правового статуса, либо путем уравнивания в правах всех регионов России в федеральном законодательстве.

Таким образом, правовое регулирование федеративного устройства России содержит много весьма спорных и неоднозначных моментов, что

требует внесение соответствующих изменений в законодательство в целях обеспечения стабильного и эффективного функционирования масштабного и многонационального государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская перепись населения проведена по состоянию на 1 октября 2021 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 30.09.2024)

2. О внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан : Закон Республики Татарстан от 26 января 2023 г. № 1-ЗРТ // Республика Татарстан 13.01.2023 г. – № 13.

3. Иванов А. М. Асимметрия в федеративном устройстве России // Философия права. – 2009. – № 6.

4. Конституция Республики Алтай от 07.06.1997 № б/н // Ведомости Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай от 7.6.1997 г. – № 21. – Ст. 5.

5. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 № б/н// Ведомости Государственного Совета Татарстана – 30.12.1992 г. – № 9. – ст. 166.

6. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022 г. – Ст. 0001202210060013

7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П //Российская газета. – 2000. – № 118.

8. О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ (последняя редакция)// СЗ РФ. – 2018. – № 32. – ст. 5110 (Часть I)

9. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2023. – № 18. – Ст. 3215

10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005. (утратил силу)

11. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. – 2021. – № 52. – Ст. 8973 (Часть I).

12. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа : Федеральный конституционный закон // СЗ РФ. – 2006. – № 29. – Ст. 3119.

13. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа : Федеральный конституционный закон // СЗ РФ. – 2004. – № 13. – Ст. 1110.

14. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа : Федеральный конституционный закон от 14.10.2005 № 6-ФКЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 42. – Ст. 4212.

15. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 г. № 6-ФКЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 – Ст. 4916.

16. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа : Федеральный конституционный закон от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3745.

17. Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа : Федеральный конституционный закон от 30.12.2006 г. № 6-ФКЗ // СЗ РФ. – 2007 г. – № 1. – Ст. 1 (Часть I).

18. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации : Федеративный договор от 31.03.1992 (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=10201>

19. Чиркин В. Е. Современный федерализм: сравнительный анализ // Советское государство и право. – 1994. – № 8–9. – С. 142.

УДК 34.01

Е. А. Шендриков¹
М. В. Лобова²

**«...ВЗЯТЬ ЖИВЫМ ТАКОГО БОГАТЫРЯ, КАК ТОВ. БИЧЕВ,
ФИНСКИМ БАНДИТАМ НЕ УДАЛОСЬ»:
О ГЕРОИЧЕСКОМ ПОДВИГЕ КРАСНОАРМЕЙЦА
102-го ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА Ф. И. БИЧЕВА В ИЮЛЕ 1941 г.**

Статья посвящена жизни и деятельности красноармейца 102-го Элисенваарского пограничного отряда Филиппа Ивановича Бичева. Уроженец села Березово Подгоренского района Воронежской области героически погиб 13 июля 1941 г., защищая Родину до последней капли крови.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; 102-й Элисенваарский пограничный отряд; Ф. И. Бичев.

**«... TO TAKE ALIVE SUCH A HERO AS COMRADE BICHEV,
THE FINNISH BANDITS FAILED»: ABOUT THE HEROIC FEAT
OF THE RED ARMY SOLDIER OF THE 102nd BORDER
DETACHMENT F. I. BICHEV IN JULY 1941.**

The article is devoted to the life and work of Philip Ivanovich Bichev, a Red Army soldier of the 102nd Elisenvaarsky border detachment. A native of the village of Berezovo in the Podgorensky district of the Voronezh Region heroically died on July 13, 1941, defending his Homeland to the last drop of blood.

Key words: The Great Patriotic War; 102nd Elisenvaarsky border detachment; F. I. Bichev.

В годы Великой Отечественной войны нашей стране выпали суровые испытания. Первыми на себя приняли удар пограничные войска. В последующие месяцы воины границы плечом к плечу сражались с бойцами и командирами Красной Армии и Военно-Морского Флота, показывая образцы храбрости и воинского мастерства. Пограничники прошли весь суровый путь войны. В составе партизанских отрядов они наносили врагу серьезный урон, охраняли тылы и коммуникации армий, южные и восточные рубежи Отчизны [25, с. 3]. Поздравляя воинов границы с профессиональным праздником 28 мая 2024 г., президент России В. В. Путин справедливо отметил: «Примером стойкости и несгибаемой воли навсегда останется героизм пограничников в годы Великой Отечественной войны» [22]. К величайшему

¹ Евгений Александрович Шендриков, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, кандидат исторических наук, доцент.

² М. В. Лобова, методист Подгоренского историко-краеведческого музея МКУК «Районный Дом культуры» Подгоренского муниципального района Воронежской области

сожалению, в то суровое время не все пограничники дожили до конца войны. Многие из них погибли, ценой своей жизни приблизив День Победы. Одним из таких пограничников был наш земляк Ф. И. Бичев.

Ф. И. Бичев

Филипп Иванович Бичев родился в 1920 г. в селе Березово Подгоренского района Воронежской области. Он был старшим сыном в семье Ивана Родионовича и Татьяны Яковлевны. Окончив пять классов сельской школы, Филипп пошел на курсы трактористов. Парень немного поработал прицепщиком, а в 17 лет самостоятельно повел трактор по колхозным полям. Осенью 1940 г. Березово провожало в армию ребят. Прощался с родным селом и сын колхозного бригадира, вожак сельской комсомольской организации Филипп Бичев. Он стал пограничником [6, с. 4; 7, с. 3].

Филипп Иванович служил на 13-й заставе 102-го пограничного отряда, созданного после окончания советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В то время возникла необходимость в создании новых пограничных формирований для охраны новых рубежей СССР. Одним из таких формирований и стал этот отряд, основу которого составляли части НКВД, прошедшие через «Зимнюю войну» [1]. Приказом НКВД СССР от 17 марта 1940 г. «О принятии под охрану пограничными войсками государственной границы между Союзом ССР и Финляндией и мероприятия по обеспечению охраны указанной границы» [15, с. 45] часть была сформирована как 102-ой Элисенваарский пограничный отряд имени С. М. Кирова в составе Управления пограничных войск НКВД Ленинградского пограничного округа в посёлке Элисенваара на берегах реки Соскуанйоки [3]. В апреле 1940 г. командиром погранотряда стал полковник Семён Иванович Донсков [8]. Подразделения 102-го пограничного отряда, приступили к охране порученного участка государственной границы 5 апреля 1940 г. 28 мая 1940 г. воины границы задержали первых нарушителей границы. 4 июня 1940 г. пограничники получили Боевое Красное знамя, это и стало днем рождения части [19].

По плану прикрытия государственной границы 102-й погранотряд, в случае начала боевых действий, переходил в оперативное подчинение командования 23-й армии [27]. Главный хранитель фондов музея-крепости «Корела» Л. Дмитриева уточнила, отметив, что в ходе оборонительной операции летом 1941 г. отряд вошёл в оперативное подчинение командованию 19-го стрелкового корпуса, которому была поставлена задача: прочно закрыть границу на участке Ристилахти – Курманпохья и не допустить прорыва противника к Ладожскому озеру [8].

Всю первую половину 1941 г. красноармеец Ф. И. Бичев и его боевые товарищи несли свои служебные обязанности в сложных условиях, поскольку наблюдался рост активности шпионов и диверсантов в приграничной зоне [1].

На 22 июня 1941 г. в 102-й погранотряд, насчитывавший 1463 человека личного состава [20], входили 1-я пограничная комендатура в составе 1-й резервной пограничной заставы, 1-й – 4-й пограничных застав, 2-я пограничная комендатура в составе 2-й резервной пограничной заставы, 5-й – 8-й пограничных застав, 3-я пограничная комендатура в составе 3-й резервной пограничной заставы, 9-й – 13-й пограничных застав, манёвренная группа. Штаб отряда находился в Элисенваара [2]. В годы Великой Отечественной войны 102-й погранотряд оборонял участок государственной границы до августа 1941 г. [19] В составе действующей армии он находился с 22 июня 1941 г. по 13 августа 1942 г., попав в оперативное подчинение 23-й армии [3].

22 июня 1941 г. частям пограничных войск округа был отдан боевой приказ № 01 о переходе частей погранвойск в оперативное подчинение командованию Красной Армии. Также были даны указания командирам частей погранвойск о тщательной проверке наличия и состояния боеприпасов, боевой техники с принятием срочных мер доведения боекомплектов до полной нормы и указания об эвакуации семей начсостава в тыловые районы по плану эвакуации [26]. В этот же день 11, 12 и 13-я заставы поступили в оперативное подчинение командира 708-го стрелкового полка (боевой приказ штаба Элесенваарского погранотряда от 22 июня 1941 г.) [21, с. 167].

Оперативной директивой № 01/оп от 23 июня 1941 г. на 23-ю армию была возложена задача: обороняя укрепления вдоль государственной границы, Кексгольмский и Выборгский укрепленные районы, прочно удерживать их и не допустить вторжения противника на нашу территорию. В случае прорыва противника на кексгольмском и выборгском направлениях разгром и ликвидацию его осуществить совместными действиями стрелковых войск, мехкорпуса и авиации [26].

До 28 июня 102-й погранотряд «продолжал усиленно охранять государственную границу и готовился к отражению нападения противника» [21, с. 167].

По некоторым данным боевые действия с превосходящими финскими войсками 102-й погранотряд начал 28 июня 1941 г. [1]. Однако, как указывает в статье исследователь С. П. Сенчик, первые боевые столкновения начались 29 июня 1941 г., когда на западной границе уже вовсю полыхала война. В связи с этим части прикрытия государственной границы успели занять вверенные им рубежи обороны и подготовиться к отражению нападения. Задержка нападения Финляндии на СССР, по мнению автора, стала характерной особенностью начала боевых действий на Карельском перешейке, да и по всей советско-финской границе [26].

Боевые действия 102-го погранотряда 29 июня подтверждают и записи в журнале боевых действий отряда. В нем указано, что с 2.35 до 3.10 29.06.1941 г. на участках 5–13-й застав противник начал переходить границу. Мелкие стычки происходили с финнами, вышедшими к проволочному

заграждению у пограничной просеки. В 11.10 пограничным нарядом 13-й заставы задержан финский офицер [9].

Следует также отметить, что в «Журнале записи боевых донесений о наступлении противника на участках 105-го и Элисенваарского пограничных отрядов» указывалось, что «на участке Элисенваарского погранотряда наступают немцы, на остальных участках – финны» [21, с. 159]. Как отмечал в сообщении заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенант И. И. Масленников в НКВД СССР о первых боях пограничников на советско-финской границе: «Основные усилия противника прорвать полосу охраны пограничных войск были направлены на участки Куолоярвинского, Элисенваарского и 5-го пограничных отрядов (г. Куолоярви, г. Элисенваара и г. Энсо Карело-Финской ССР). Атаки противник на этих направлениях вел частями силою до двух-трех батальонов при поддержке танков. Упорным сопротивлением и активными действиями пограничных подразделений во взаимодействии с частями поддержки Красной Армии противник на всех участках с потерями отброшен за государственную границу» [21, с. 171].

Как отмечалось в «Описании боевых действий Элисенваарского пограничного отряда 22 июня – 3 июля 1941 г.», подготовленного в феврале 1942 г. начальником отряда майором Смирновым и военным комиссаром батальонным комиссаром Ситенковым: «Перед началом военных действий финские разведывательные органы усилили свою деятельность по изучению нашей приграничной полосы, разведке дислокации наших частей и системы оборонных сооружений, производя активную переброску разведчиков на территорию СССР. В целях недопущения безнаказанного нарушения государственной границы со стороны финских разведчиков отряд задолго до начала военных действий охрану государственной границы нес усиленно. Все подразделения отряда были приведены в полную боевую готовность, на всех заставах постоянно находилось не менее 80% личного состава вплоть до 22 июня 1941 г.» [21, с. 166].

После первых боев заставы 102-го погранотряда поступили в оперативное подчинение 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии 23-й армии [1]. С 22 июня по 3 июля 1941 г. части дивизии выполняли задачу по обороне государственной границы на фронте Кирконпуоли, Ильме и усиливали оборону производством инженерных работ [10, лл. 1–11]. 3 июля подразделения 588-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии с гарнизоном 3-й комендатуры и с 11-13-й заставами обороняли участок Уконмурто – Куйсама [26; 21, с. 170].

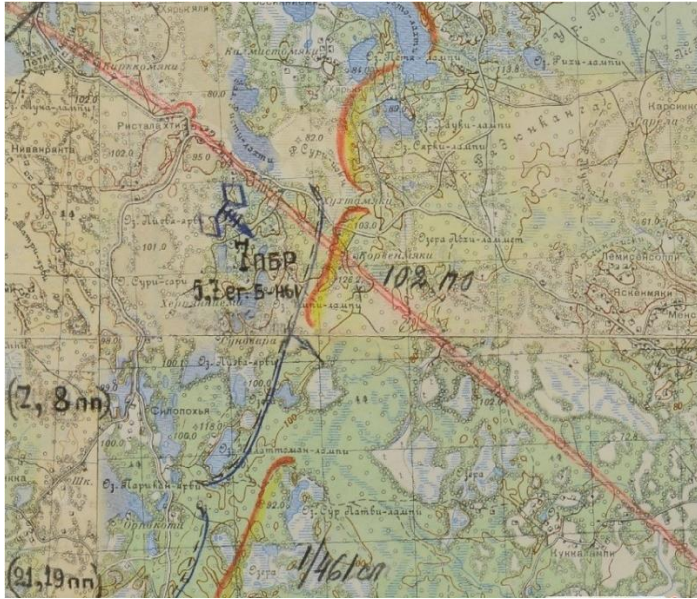
В то время как 13-я застава только готовилась к серьезным боевым действиям, другие заставы отряда отражали активные атаки врага. Так, к 12.00 5 июля 461-й сп с маневренной группой 102-го погранотряда и двумя бронемашинами 172-го отдельного разведывательного батальона удерживали оборонительный район Ристалахти [10, л. 14]. В этот же день противник со стороны Силопохья перешел в наступление на 2-й батальон 461-го стрелкового

полка и подразделения пограничников в направлении Суновара. В крайне сложной обстановке, имея множество раненых и практически израсходовав боекомплекты, старший политрук А. Д. Горькавый вывел группу из окружения через залив Ристилахти, болотом вдоль реки Сурий-Йоки и соединился с отрядом. Противник, понеся большие потери, был выбит. Положение по государственной границе на правом фланге 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии восстановлено [1]. В июле 1941 г. подвиг пограничников 102-го отряда был описан специальными корреспондентами газеты «Известия» Л. Д. Тубельским и П. Л. Рыжеем, работавших под творческим псевдонимом «братья Тур» [11].

К 7 июля части 142-й стрелковой дивизии продолжали выполнять задачу по обороне государственной границы. 701-й и 588-й стрелковые полки на правом фланге после частичной перегруппировки имели передний край: выс. 103.0 126.2, выс. 92.0, оз. Нияс-Ярви, Ииярви, Кирконпуоли [10, л. 16]. 8 июля 2-й батальон 461-го сп, погранзастава 102-го погранотряда, моторота 172-го орб, 1-й и 2-й батальоны 260-го сп, 168-я сд вели бой в районе Ристалахти [10, л. 17]. К 7.00 9 июля, как свидетельствуют архивные документы, Ристалахти продолжал заниматься пограничниками, «силы их не установлены точно, они постепенно отходят через озеро мелкими группами» [10, л. 18].

Около двух недель бойцы 102-го Элисенваарского погранотряда под командованием полковника Донского героически сдерживали натиск врага. Также ожесточенные схватки происходили в районе Ристилахти, где попали в окружение пограничники и красноармейцы [1]. Нельзя не отметить, что первые бои на государственной границе показали высокие боевые качества кадровых войск и пограничников. Рядовой, младший и средний комсостав рот и батальонов, погранзастав и погранкомендатур, батарей и дивизионов показали исключительную стойкость, упорство в обороне, решительность и бесстрашие в контратаках.

Наряду с другими пограничниками успешно выполнял свои служебно-боевые обязанности красноармеец Ф. И. Бичев. О последних днях его жизни и деятельности рассказал воронежский краевед А. И. Гринько: «Вечером 12 июля 1941 года начальник заставы лейтенант Ватенкан отправлял солдат на посты. На высотку близ шоссе, тянувшегося в сторону Ленинграда, лейтенант назначил усиленный наряд – младшего сержанта Павла Нечета, красноармейцев-пограничников Филиппа Бичева и Бориса Ершова. В помощь им было выделено три бойца из первого батальона 708-го стрелкового полка. Вот и высотка. Справа и слева от нее – непроходимая топь. Учитывая это, младший сержант Нечет расположил свою группу так, чтобы держать на прицеле узкую ленту шоссе на всем ее протяжении от поворота до высотки. Красноармейцы оборудовали окопы, замаскировались» [6, с. 4; 7, с. 3].

**Карта положения 102-го погранотряда
на 11 июля 1941 г.
ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 267.**

События последних дней Бичева и его боевых товарищей также попытались восстановить члены ветеранской организации Пограничного управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, которые провели большую работу по увековечиванию памяти пограничников, погибших на территории региона в годы Великой Отечественной войны.

По данным ветеранов, «в ночь с 12 на 13 июля 1941 г. пограничный наряд в составе шести бойцов вступил в неравный бой с финским батальоном. На попытку врага взять отважную шестёрку в плен, старший наряда младший сержант Нечет отдал приказание трём бойцам 1-го батальона 708-го стрелкового полка, которые находились в составе его наряда, с боем выйти из окружения, прибыть на заставу и доложить начальнику заставы о случившемся. А оставшимся пограничникам – усилить огонь, поле боя не оставлять, биться до прихода подкрепления» [23].

13 июля части 142-й сд совместно с пограничниками вели боевые действия с финскими соединениями. В журнале боевых действий дивизии отмечается, что перед фронтом 588-го сп «противник после 40 м артиллерийской подготовки перешел в наступление в направлении Суохарью по дороге из Паломяки. Погран. застава ведет бой. Противник до 1 п[ехотной]р[оты] проник [в] р[айо]не Паири, но был отброшен с большими для него потерями. К 24.00 пр[отивни]к [в] р[айо]не Кагаскоски до усиленной роты ведет перестрелку с заставой № 10 вклинившись на нашу территорию вдоль ручья, на достигнутых рубежах пр[отивни]к окапывается, производится сосредоточение пехоты до 1 п[ехотного]б[атальона] в этом р[айо]не» [10, л. 22].

В этот же день бой приняли пограничники 13-й заставы, в ходе которого погиб красноармеец Ф. И. Бичев [5]. Как указано в «Информации из донесения о безвозвратных потерях», он убит в бою в районе Кискенен Карело-Финской ССР [13, л. 125]. На сайте «База данных по защитникам Отечества, погибшим на территории Республики Карелия в 1941–1944 годах» указано место гибели Филиппа Ивановича – «у дороги 1 км вост. мест. Кискенен» [4]. В настоящее время останки красноармейца Ф.И. Бичева захоронены в могиле № 25

(Выборгский р-н, с.п. Каменногорское, п. Свободное, Бородинский с/с) [12; 14; 16; 29].

О бессмертном подвиге Филиппа Ивановича мы узнаем из его наградного листа. Приведем описание героического поступка отважного пограничника полностью: «Тов. Бичев вместе с нарядом под командованием мл. сержанта т. Нечит своим метким огнем умело разил врага и тем самым наносил чувствительные удары фашистскому батальону. В этом бою тов. Бичев вел себя так, как подобает воину великого русского народа. Несмотря на то, что противник неизмеримо превышал своей численностью шесть бойцов-пограничников, не отходя ни на шаг с занятой позиции, отражали яростный натиск врага, продолжая вести бой. Тов. Бичев с достоинством и честью выполнял долг перед Родиной по защите рубежей своей Советской Родины. В этом неровном бою т. Бичев был ранен, но и после этого тов. Бичев не прекращал вести бой, а с лозунгами "За Родину! За Сталина!" забрасывал врага гранатами.

Тов. Бичев, истекая кровью был окружен белофиннами, пытавшимися взять его живым, но взять живым такого богатыря, как тов. Бичев, финским бандитам не удалось, будучи раненым тов. Бичев оказывал финнам яростное сопротивление. Разъяренные враги устроили над ним казнь, финским ножом выкололи глаза и перерезали горло. Тов. Бичев героически сражался с врагами нашей Родины. Своим исключительным героизмом преданностью Родине, партии и правительству заслуживает высокой посмертной правительственной награды "Орден Ленина"» [18, лл. 263-263 об.]. Наградной документ подписали начальник и военный комиссар 102-го погранотряда НКВД Ленинградского округа полковник С. И. Донсков и Малоиван [18, л. 263 об.]. Ходатайство о награждении орденом Ленина поддержали командир и комиссар 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковник С. П. Микульский и полковой комиссар Тишин. Заключение Военного Совета Армии о награждении Ф. И. Бичева орденом Ленина подписали командующий 23-й армией генерал-лейтенант П.С. Пшенников и член Военного Совета бригадный комиссар Сосновиков. Однако, приказом войскам Ленинградского фронта № 1175/н от 23 мая 1942 г., подписанным заместителем командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом артиллерии Л.А. Говоровым, членом Военного Совета Ленинградского фронта секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым, дивизионным комиссаром А. А. Кузнецовым и начальником штаба генерал-лейтенантом Д. Н. Гусевым, красноармеец стрелок 13-й заставы 102-го пограничного отряда НКВД Ленинградского округа Ф. И. Бичев за образцовое выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был награжден орденом Красного Знамени [18, лл. 245, 257]. Следует отметить, что эта награда также является одной из высших в Советском Союзе. Это был первый советский орден, учрежденный для награждения за особую храбрость, само-

отверженность и мужество, проявленные при защите социалистического отечества [32]. Вплоть до учреждения ордена Ленина в 1930 г. орден Красного Знамени являлся высшим орденом СССР [28].

Как отмечает воронежский журналист А. И. Гринько, 14 июля бойцы 708-го стрелкового полка и пограничники 13-й заставы выбили противника с занимаемых позиций. В глубоком лесном овраге нашел М. Бабенко изуродованные трупы Бичева и Нечета. Героев с почестями похоронили у заставы, где прошла их недолгая армейская жизнь, где они мужественно сражались с врагами и так же мужественно погибли, не выдав военную тайну врагу [6, с. 4; 7, с. 3]. Кроме того, своими действиями Ф. И. Бичев и другие отважные пограничники сорвали планы врага по быстрому продвижению вглубь советской территории. Военный обозреватель А. Самсонов по этому поводу написал следующее: «Их гибель не была напрасной, она была оправдана тем, что, погибая целыми заставами, они выигрывали время для выхода на оборонительные позиции частей прикрытия границы РККА, а части прикрытия в свою очередь, обеспечивали развертывание основных сил армий и фронтов для их дальнейших действий. Уже в начале войны “блицкриг” “споткнулся” о Пограничные войска НКВД СССР» [24].

В конце июля 1941 г. в село Березово Подгоренского района пришла похоронка на Ф. И. Бичева [6, с. 4; 7, с. 3]. Так земляки узнали о гибели героического односельчанина.

Память об отважном пограничнике Ф. И. Бичеве чтут в Ленинградской области. Так, исследователь Р. Резцова рассказала о деятельности Ветеранской организации Пограничного управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области по увековечиванию памяти Ф. И. Бичева: «Поиск по фамилиям привёл к размещённому в интернете методическому материалу для проведения классного часа у младших школьников, посвящённого Филиппу Бичёву. В них фотографии молодого комсомольца – гордости своего родного села в Воронежской области, и учеников возле тематического стенда школьного музея. Как оказалось, от пионерской дружины, которая в советские годы носила имя Бичёва, осталось в наследство немало. Красные следопыты вели переписку с карельскими школьниками, по редакционному заданию в село приезжал корреспондент из областного центра. Общими усилиями удалось собрать хороший материал, в том числе подробности службы Филиппа Ивановича на границе и его последнего боя» [23].

Помнят Героя и в Воронежской области. В декабре 2003 г. ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РСФСР Л. И. Суслов опубликовал статью о воронежцах, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками, их союзниками и сателлитами на фронтах в которой упомянул и березовца Ф. И. Бичева [30].

Не забывают легендарного воина границы в Подгоренском районе Воронежской области. На малой родине героя – в селе Берёзово – одна из улиц

носит имя Филиппа Бичева [31]. Также, ежегодно отмечая День пограничника, сотрудники историко-краеведческого музея рассказывают представителям молодого поколения об их героических земляках. В частности, 26 мая 2023 г., в канун Дня пограничника, Подгоренский историко-краеведческий музей посетили члены патриотического клуба средней общеобразовательной школы № 1, юнармейцы, которые услышали рассказ о пограничниках-подгоренцах [17].

Прошло более 80 лет со дня гибели Ф. И. Бичева. Однако, герой-пограничник по-прежнему является для молодого поколения образцом для подражания, символом доблести, чести и верности воинскому долгу.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1 июня – День части 102-го Выборгского пограничного отряда. – URL: <https://voenpro.ru/celendar/1-iyunya-den-chasti-102-vyborgskogo-pogranichnogo-otryada> (дата обращения: 30.07.2024).
2. 102-й пограничный отряд войск НКВД. – URL: https://руни.рф/102-й_пограничный_отряд_войск_НКВД (дата обращения: 30.07.2024).
3. 102-ой Выборгский пограничный отряд им. С.М. Кирова. КСЗПО КГБ СССР/СЗРПУ ФСБ РФ. – URL: <https://auction.ru/offersnapshot/197991636563454.html> (дата обращения: 30.07.2024).
4. База данных по защитникам Отечества, погибшим на территории Республики Карелия в 1941–1944 годах – URL: <https://obd-pobeda.karelia.ru/soldier/detailed/105238> (дата обращения: 30.07.2024).
5. Воинские захоронения Ленинградской области. Бичев Филипп Иванович. – URL: <https://vz.vbglenobl.ru/content/bichev-filipp-ivanovich561391774> (дата обращения: 30.07.2024).
6. Гринько А. И. На далекой заставе // Вперед. – 1965. – № 12(301). – 29 января. – С. 4.
7. Гринько А. И. На далекой заставе // Коммуна. – 1965. – № 18(13324). – 23 января. – С. 3.
8. Дмитриева Л. Они закрыли собой границу. – URL: <https://zvezda.press.ru/?p=34816> (дата обращения: 30.07.2024).
9. Журнал 102-го пограничного отряда (м. Элисенвара) Ленинградского округа 29 июня – 4 июля 1941 г. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1390200> (дата обращения: 26.07.2024).
10. Журнал боевых действий 142-й стрелковой дивизии. – Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации. – Ф. 1368. - Оп. 1. – Д. 23.
11. Иванов В. В. 102-й героический погранотряд. – URL: <https://proza.ru/2013/05/19/862> (дата обращения: 30.07.2024).
12. Информация из документов, уточняющих потери. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1156496895> (дата обращения: 30.07.2024).

13. Информация из донесения о безвозвратных потерях. – Российский государственный военный архив. – Ф. 32 880. – Оп. 1. – Д. 145.
14. Информация из списков захоронения. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=89993873> (дата обращения: 30.07.2024).
15. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). – Москва : Граница, 2008. – 712 с.
16. Книга памяти блокадного Ленинграда. – URL: <https://blockade.spb.ru/card/?id=5512241&source=main> (дата обращения: 14.08.2024).
17. МКУК «Районный Дом культуры» Подгоренский район. – URL: https://vk.com/wall-145269634_5369 (дата обращения: 26.07.2024).
18. Приказ войскам Ленинградского фронта № 01175/н от 23 мая 1942 г. – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 33. – Оп. 682524. – Д. 95.
19. Пограничники Удмуртии. – URL: // https://vk.com/wall-47960305_17208?ysclid=m197rcmutf793299339 (дата обращения: 30.07.2024).
20. Пограничные войска. – URL: <http://rkka.ru/22/pv.htm> (дата обращения: 30.07.2024).
21. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. – М.: Наука, 1968. – 707 с.
22. Путин В. В. Видеообращение по случаю Дня пограничника 28 мая 2024 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74127> (дата обращения: 30.07.2024).
23. Резцова Р. Участникам войны – наша сыновняя благодарность. – URL: <https://vk.com/@rina1967-uchastnikam-voiny-nasha-synovnyaya-blagodarnost> (дата обращения: 30.07.2024).
24. Самсонов А. Пограничные войска НКВД Советского Союза в начале Великой войны. – URL: <https://topwar.ru/5206-nkvd-sovetskogo-soyuza-v-nachale-veliko-voyny.html> (дата обращения: 21.08.2024).
25. Секретарев К. Всегда начеку // Коммуна. – 1965. – № 124(13430). – 28 мая. – С. 3.
26. Сенчик С. П. Пограничные войска НКВД в боях на Карельском перешейке с июня по сентябрь 1941 года. – URL: <http://www.kaur.ru/articles/pvnrkd-41.php> (дата обращения: 30.07.2024).
27. Сенчик С. П. Пограничные и внутренние войска НКВД в обороне Ленинграда. – URL: <https://my.mail.ru/community/war-community/19062030DB2F3F6D.html> (дата обращения: 20.08.2024).
28. Сидорчик А. Красный орден. Как появилась первая советская награда. URL: https://aif.ru/society/history/krasnyy_orden_kak_poyavilas_pervaya_sovetskaya_nagrada (дата обращения: 13.08.2024).

29. Список захороненных в братской могиле № 25 пос. Свободное. – URL: <https://pohoronka.ru/forum/vyborgskij/22026-spisok-zakhoronennykh-v-bratskoj-mogile-25-pos-svobodnoe> (дата обращения: 20.08.2024).

30. Суслов Л. И. К 60-летию Великой Победы. Воронежцы на фронтах войны. – URL: <https://communa.ru/obshchestvo/k-60-letiyu-velikoy-pobedy-voronezhtsy-na-frontakh-voyny/> (дата обращения: 23.07.2024).

31. Улица Филиппа Бичева // URL: https://yandex.ru/maps/10672/voronezh-oblast/geo/ulitsa_filippa_bicheva/ (дата обращения: 26.07.2024).

32. Юферов С. Боевые ордена и медали Советского Союза. Орден Красного Знамени. – URL: <https://topwar.ru/37460-boevye-ordena-i-medali-sovetskogo-soyuza-orden-krasnogo-znameni.html> (дата обращения: 13.08.2024).

УДК 94(470.324)

Т. В. Яловенко¹

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В данной статье автор проводит исследование исторических аспектов становления в теории права принципа разделения властей как признака правового государства. Особое внимание уделено анализу судебной ветви власти в России. Сформулированы основные задачи, стоящие на современном этапе развития перед Российской Федерацией как правовым государством.

Ключевые слова: право; принцип разделения властей; судебная власть; независимость судей; правовое государство; функции судебной власти.

JUDICIAL POWER IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS

In this article, the author conducts a study of the historical aspects of the formation in the theory of law of the principle of separation of powers as a feature of the rule of law. Particular attention is paid to the analysis of the judicial branch of power in Russia. The main tasks facing the Russian Federation as a rule of law at the present stage of development are formulated.

Key words: law; principle of separation of powers; judicial power; independence of judges; rule of law; functions of the judicial power.

В теории государства и права принцип разделения властей является признаком правового государства. Впервые закон разделения властей, как замечают Б. А. Ершов, Е. А. Железнякова, В. А. Тонких, «был сформулирован английским философом XVII века Джоном Локком (1632–1704)». Он

¹ Татьяна Васильевна Яловенко, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

выступал сторонником отделения верховной законодательной власти (парламента) от власти исполнительной. Теория разделения властей отражала сложившееся на практике разделение власти между буржуазией и обуржуазившимся дворянством. По мнению Локка, общественный договор создал власть правительства, обязанного охранять естественные права людей – личную свободу и частную собственность («Два трактата об управлении государством»)» [1, с. 52].

Джон Локк предложил разделение власти для предотвращения злоупотребления властью и обеспечения свободы граждан. В функции законодательной власти, как главной ветви власти, входит принятие законов, регулирующих общественные отношения. Исполнительная власть, в свою очередь, **ответственна за реализацию законов, находится в подчинении** у законодательной власти, но при этом независима в принятии решений. Следует отметить, что Джон Локк не выделял отдельно судебную власть, она входила в состав исполнительной власти. Третьей властью отдельно им выделена федеративная власть, то есть власть, отвечающая за внешние дела государства, включая международные отношения и ведение войн.

Джон Локк считал, что для поддержания свободы и предотвращения тирании необходимо, чтобы ветви власти были разделены и уравновешены. Модель разделения власти Джона Локка положила основу для развития современных демократических систем.

Шарль Луи Монтескье в трактате «О духе законов» (1748) предложил разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. В концепции Монтескье законодательная власть отвечает за принятие законов и устанавливает правила, регулирующие жизнь общества. Для обеспечения свободы граждан законодательная власть должна принадлежать выборным органам, представляющим народ. Основные идеи Шарля Луи Монтескье о разделении властей заключались в том, что законодательный орган власти должен быть разделён на две палаты (палату представителей и сенат), чтобы избежать тирании и обеспечить баланс интересов.

Судебная власть должна быть независимой от других ветвей власти, чтобы законы применялись справедливо и беспристрастно. Шарль Луи Монтескье считал, что судьи должны быть независимы и назначаться на длительный срок, чтобы избежать их зависимости от других ветвей власти.

Как замечает Б. В. Назмутдинов: «Как и Джон Локк, Монтескье стремился показать, как разделить власти, чтобы не допустить тирании. Это же волновало и отцов-основателей США. Проблема разделения властей, затрагивающая проблему «сдержек и противовесов», недопустимости концентрации власти, кристаллизовалась к концу XVIII в., чтобы уже в XIX в. найти отражение в более четких требованиях к политической форме правового государства, которую Карл Шмитт именовал «смешанной», сочетающей черты монархии, аристократии и демократии» [2, с. 27].

Идеи Джона Локка и Шарля Луи Монтескье внесли свой вклад в теорию государства и права, и до сих пор являются важным элементом теории правового государства, отражая потребность в сбалансированном разделении властей с целью обеспечения свободы и справедливости в обществе. В России система органов государственной власти основана на принципе разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ).¹

Самостоятельность и независимость судебной власти от исполнительной и законодательной, закреплены в ч. 2 ст. 1 и ст. 5 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Судебная власть осуществляется независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону. Ст. 5 приведенного закона, как замечают В. В. Геранин, С. Н. Мальцева «направлена на защиту судей от возможности вмешательства в их профессиональную деятельность со стороны представителей исполнительной и законодательной власти, партий или средств массовой информации» [3, с. 239].

Сущность принципа независимости судей заключается в возможности свободно и независимо от какого-либо мнения либо влияния, оценивать доказательства, обстоятельства дела и принимать решения.

Судебная власть оказывает влияние на самоконтроль других ветвей власти при нарушении норм Конституции РФ либо законодательства, отменяя решения либо признавая неконституционными положения нормативного акта. Конституционный Суд РФ контролирует деятельность органов законодательной и исполнительной власти, проверяя конституционность их нормативных актов, и в случае необходимости – требовать от этих органов выполнения их решений.

Конституционный Суд Российской Федерации имеет особый статус в судебной системе РФ, выполняя охранительную функцию как конституционных норм, так и граждан, их права и свободы, обеспечивая единство и справедливость судебной системы.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации затрагивают сферу правоприменения, суд разъясняет конституционные и другие правовые нормы, что может существенно изменить сложившуюся практику. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации выполняет

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

уникальную функцию судебного конституционного контроля, обеспечивает законность и защищает права и свободы личности.

Вопросы, связанные с соблюдением конституционных прав граждан при рассмотрении конкретных дел, также входят в компетенцию Верховного суда РФ. Верховный суд РФ является высшим судебным органом для всех судов общей юрисдикции в России, включая военные суды, осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью судов общей юрисдикции, разрабатывает рекомендации по улучшению их работы и занимается подбором судей.

В целом, судебная власть призвана обеспечить защиту Конституции Российской Федерации, защиту прав и свобод граждан, поддерживать баланс и ограничение власти, укрепление единого конституционно-правового пространства в России.

Повышение эффективности судебной системы, укрепление верховенства закона, защита прав граждан с обеспечением доступа к правосудию – основные задачи современного этапа развития России, как правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершов Б. А., Железнякова Е. А. Тонких Е. А. Судебная власть в системе разделения властей в Российской Федерации: историко-методологический анализ // Бюллетень социально-экономических исследований. – 2024. – № 2. – С. 51–55.
2. Назмутдинов Б. В. Политико-правовые взгляды классиков евразийства на проблему разделения властей // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 23–37.
3. Геранин В. В., Мальцева С. Н. Судебная власть в системе разделения властей // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 11. – С. 237–244.

УДК 342.33

Трибуна Молодого Ученого

С. Д. Баклажов¹

Научный руководитель И. В. Зырянов²

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРОДАЖИ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ, БЕЗНИКОТИНОВОЙ ЖИДКОСТИ, ЭЛЕКТРОННЫХ СИГАРЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

В статье анализируются организационные и правовые аспекты административной ответственности за нарушение правил продажи никотинсодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет несовершеннолетним. Рассмотрены объекты правового воздействия, в рамках детализации настоящих и потенциальных проблем в России, для развития социально-экономического потенциала и состояния защищенности.

Ключевые слова: правила продажи; административная ответственность; никотинсодержащая продукция; электронные сигареты; несовершеннолетние.

GENERAL CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF THE RULES FOR THE SALE OF NICOTINE-CONTAINING PRODUCTS, NICOTINE-FREE LIQUID, ELECTRONIC CIGARETTES TO MINORS

The article analyzes the organizational and legal aspects of administrative responsibility for violation of the rules for the sale of nicotine-containing products, nicotine-free liquid, electronic cigarettes to minors. The objects of legal influence are considered, within the framework of detailing current and potential problems in Russia, for the development of socio-economic potential and the state of security.

Key words: sales rules; administrative responsibility; nicotine-containing products; electronic cigarettes; minors.

¹ С. Д. Баклажов, слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

² И. В. Зырянов, профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Одним из значимых направлений внутренней и внешней политики государства является поддержание должного уровня безопасности граждан, стабильного развития социальных и властных институтов общества, борьба с потенциальными внутренними и внешними угрозами. Во исполнение намеченной задачи существует органичная система нормативных правовых актов, непрерывно действующая на территории всей страны. Определяя объекты правового воздействия, в рамках детализации настоящих и потенциальных проблем в России, для развития социально-экономического потенциала, состояния защищенности, Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» утвержден план целенаправленных мероприятий, способных в полной мере обеспечить защиту общественных отношений от негативного воздействия, установить приоритеты государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и способствовать устойчивому развитию Российской Федерации на долгосрочную перспективу [1].

Одной из наиболее существенных внутренних проблем является сохранение жизни и здоровья населения, для решения назревших демографических проблем. Неудивительно, что п. 29 раздела «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» главы IV «Обеспечение национальной безопасности» провозглашает направление государственной политики – «реализуемая в Российской Федерации государственная социально-экономическая политика направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности...» [1].

В современных реалиях имеется острая проблема сохранения здоровья подрастающего поколения, которое является будущим Российской Федерации, его достоянием, способным выполнять возложенные обязанности и обладающее дееспособностью, принимая участие в реализации социальных, политических и культурных институтов, а некоторые из них, в развитии научно-технического прогресса.

На сегодняшний день сложилась весьма яркая культура потребления никотина во всех его возможных формах: сигаретах, кальянах, специальных приборах для никотиносодержащей продукции. Его постоянная пропаганда в социальных сетях, видео хостингах, кинематографе, даже несмотря на ссылку о запрете употребления несовершеннолетними, порождает нездоровую заинтересованность, пагубно влияющую на жизнь и здоровье населения. Обнаружить несовершеннолетних за употреблением различной продукции – достаточно обыденное явление, несмотря на синтетическое производство табака, никотиносодержащих жидкостей, их различных аналогов. Содержание канцерогенных ядов, смол, этилмальтола, ароматизаторов и прочих пагубных химических элементов, вызывающих необратимые нега-

тивные процессы в организме, нисколько не отпугивает население, ведь оценивается как нечто обыденное, а о потенциальном вреде население не задумывается. В сложившейся ситуации несовершеннолетние наиболее уязвимы, ведь их физиология лишь формируется, организм претерпевает существенные изменения. В свете изложенного, органы государственной власти принимают усиленные меры для ограничения потребления никотиносодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет несовершеннолетним, а социальная значимость данного аспекта неоднократно обсуждалась на заседаниях и коллегиях.

Так, ст. 14.53 КоАП РФ «Несоблюдение ограничений и нарушение запретов в сфере торговли табачной продукцией, табачными изделиями, никотинсодержащей продукцией, кальянами, устройствами для потребления никотинсодержащей продукции» предусматривает административную ответственность за нарушение правил оборота указанных предметов, однако ч. 3 определяет ответственность за реализацию данных изделий несовершеннолетним [2].

Данный институт постоянно преобразуется. В предшествующей редакции магазины, действующие как юридические лица, облагались штрафом в размере от 150,0 тыс. руб. до 300,0 тыс. руб., а после правок, внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» 28.04.2023 № 175-ФЗ размер взыскания повышен от 400,0 тыс. до 600,0 тыс. руб. [3].

Основанием для привлечения к административной ответственности является наличие в деянии состава административного правонарушения – объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Объектом являются общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, соблюдения ими установленных законодателем норм, регламентирующих порядок коммерческой деятельности. Непосредственный объект – общественные отношения, регулирующие вопросы реализации никотиносодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет на территории Российской Федерации.

Объективная сторона – признаки конкретного действия (бездействия) за которые предусмотрена административная ответственность, что в рассматриваемом случае является розничной продажей (вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности)[4] никотиносодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет несовершеннолетним.

Субъект – физическое или юридическое лицо, осуществившее реализацию никотиносодержащей продукции, безникотиновой жидкости, электронных сигарет, а субъективная сторона – умысел на её продажу, с целью

извлечения выгоды, как неотъемлемого элемента розничной торговли. Критично значимым элементом является установить возраст покупателя, который должен быть менее 18 лет.

Усиление мер государственного принуждения – прямое следствие социальной значимости данного вопроса. Потребление никотина развивает физическую зависимость, угнетает нервную систему, снижает чувствительность рецепторов головного мозга, убивает вкусовые и обонятельные рецепторы, способствует нарушению работы желудочно-кишечного тракта, а также множеству иных негативных изменений в организме. Сохранение здоровья несовершеннолетних – залог развития Российской Федерации, её светлого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: <https://base.garant.ru/401425792/>.

2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 28.04.2023 № 175-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280023>.

3. Ужесточена ответственность за продажу сигарет и вейпов несовершеннолетним. – URL: <https://www.garant.ru/news/1621868/>

4. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12071992/>

УДК 342.9

В. Е. Бергольц¹

Научный руководитель М. М. Челпанова²

ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются законодательные основы, регламентирующие деятельность органов внутренних дел в сфере профилактики безнадзорности правонарушений среди несовершеннолетних. Деятельность органов внутренних дел, направленная на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, регламентируется различными правовыми актами и зависит от знаний и умений уполномоченных лиц применять эти акты.

¹ В. Е. Бергольц, курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

² Марина Михайловна Челпанова, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Ключевые слова: профилактика правонарушений несовершеннолетних; индивидуальная профилактическая работа; участковый уполномоченный полиции; субъекты профилактики; меры профилактики.

FUNDAMENTALS OF PREVENTION OF NEGLECT AND DELINQUENCY AMONG MINORS

The article discusses the legislative framework governing the activities of internal affairs agencies in the field of prevention of neglect of offenses among minors. The activities of the internal affairs bodies aimed at preventing offenses among minors are regulated by various legal acts and depend on the knowledge and skills of authorized persons to apply these acts.

Key words: prevention of juvenile delinquency; individual preventive work; local police commissioner; subjects of prevention; preventive measures.

На современном этапе развития российского общества, в силу различных обстоятельств: интенсивного развития общественных институтов, изменения традиционных ценностей среди молодёжи и иных лиц, возникает необходимость к постоянному и эффективному развитию системы профилактических мер в области безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Под профилактикой правонарушений несовершеннолетних понимается направленная нравственно-моральная, социально-педагогическая деятельность ближайшего окружения (семьи) и образовательных учреждений, государственных, общественных организаций, целью которых является преждевременное устранение возможных рисков, связанных с возникновением девиантного поведения несовершеннолетних, ориентируя последних к получению правовых знаний, социально-полезных качеств и навыков, что влечёт за собой конструктивную адаптацию в обществе [5, С. 1557–1560].

Профилактика безнадзорности несовершеннолетних – деятельность, направленная на устранение или неактуальность, нейтральность детерминантов, посредством которых порождаются причины данного негативного социального явления, а также на разработку и развитие доступной социальной ситуации развития малолетних и несовершеннолетних лиц, способствующей различным видам социально полезной и иной активности.

В отечественном законодательстве закреплено точное понятие «профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» – система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [1].

Если сравнивать специальные профилактические меры с понятием профилактики правонарушений несовершеннолетних, можно выделить основные отличительные черты:

1. Заблаговременность, то есть осуществление мер до совершения правонарушения или возникновения девиантного поведения.

2. Объектом данной профилактики является совокупность всех несовершеннолетних, исключая возможность применения лишь к тем из них, чьё поведение признается деструктивно отклоняющимся от социальных и правовых норм [2, С. 265–290].

3. Направленность к достижению цели не только на устранение, нейтрализацию или ограничение антисоциальных факторов, но и на выработку дополнительных элементов в сознании несовершеннолетних посредством правосознания, воспитания, социально-полезных навыков и качеств, создания условий для стабильного законопослушного поведения.

4. Субъекты профилактических мер являются активными в связи с особенностями объекта: эмоционально-психологической незрелостью, нестабильностью, сниженному уровню рефлексии, чувства вседозволенности и безнаказанности и т. д. В первую очередь к ним относятся: семья, образовательные учреждения и учреждения социального обеспечения, ведь именно на них возложена функция первоначального воспитания, фундаментального восприятия несовершеннолетним норм права и морали, понятия добра и зла и других базисов.

Помимо вышеперечисленных субъектов необходимо также выделить систему государственных органов, осуществляющих мероприятия профилактического воздействия, в соответствии со ст. 4 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» к ним относятся:

- 1) комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- 2) органы управления социальной защитой населения и учреждения социального обслуживания;
- 3) органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность;
- 4) органы опеки и попечительства;
- 5) органы по делам молодёжи и учреждения органов по делам молодёжи;
- 6) органы управления здравоохранением и медицинские организации;
- 7) органы службы занятости;
- 8) органы внутренних дел;
- 9) иные подразделения органов внутренних дел;
- 10) учреждения уголовно-исполнительной системы.

Система профилактики правонарушений несовершеннолетних направлена на достижение более многогранных целей, чем первоначальные субъекты (семья, ближайшее окружение и т.д.) и осуществляется путём:

– воспитания патриотизма, миролюбия, воспитания уважения и любви к традициям народов государства;

- проведения и организации физических и интеллектуальных мероприятий, посвященных духовному и нравственному просвещению и развитию;
- осуществления правового просвещения, разъяснения правовых норм;
- организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними лицами, которые находятся в социально опасном положении;
- выявления семей, находящихся в социально опасном положении, проведения отдельных профилактических мер, оказания помощи в получении образования и воспитании малолетних и несовершеннолетних лиц [3, С. 44–48].

Также законодатель выделяет категории лиц, в отношении которых проводится профилактическая работа, разграничивая их на определённые группы: несовершеннолетние; члены семей несовершеннолетних.

Семье наряду с другими социальными институтами отводится решающая роль в определении направленности восприятия норм морали и права подростков [1], так как именно в ней образуются процессы, способствующие дальнейшему позитивному саморазвитию личности, определению жизненных ценностей, мировоззрения, выработке навыков и качеств.

Нарушения функционирования данного института, приводящие к необратимым последствиям, проявляются в следующем:

- физическая или психологическая жестокость, вызванные «культом силы» в семье;
- недостаточное внимание одного из членов семьи, построенное на эмоциональном «отвержении», что приводит к фрустрации и детской потребности во внимании, вызывает ранние травматические переживания ребёнка;
- систематические конфликты между родителями и т. д.

Таким образом, необходимо указать, что на пути своего становления несовершеннолетний проходит через множество этапов и общественных институтов, безусловно, важность каждого из них неоспорима, а нарушение их деятельности вовсе может стать главным детерминантом девиантного поведения, для предотвращения указанных событий наряду с социальными институтами существует государственная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, деятельность которой направлена, как на устранение факторов, способствующих негативным последствиям, так и на выработку воспитания, рефлексии и самостоятельных элементов отвержения неблагоприятных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в действующей редакции) // ИПП «Гарант.ру». – URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 30.09.2024).
2. Беженцев А. А. Глава 15. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Организация деятельности участкового уполномоченного полиции. – 2017. – С. 265–290.

3. Бражников С. А. Правовые и организационные основы деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел российской федерации // Полиция и общество: пути сотрудничества (к 300-летию российской полиции). – 2018. – С. 44–48.

4. Жучкова Н. И., Бушина Н. А. Правонарушения и преступления несовершеннолетних: политика государства и восприятие явления подростками // Социально-политические исследования. – 2019. – №. 2. – С. 72–80.

5. Шефрукова С. Т., Суетина Н. М. профилактики преступности несовершеннолетних: терминологический аспект // Экономика и социум. – 2020. – №. 11 (78). – С. 1557–1560.

УДК 351.741

А. Н. Бондаренко¹.

Научный руководитель М. В. Молдавский²

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Данная работа посвящена сравнительно-правовому анализу концепций и теорий правопонимания в различные исторические эпохи. Разбору и представлению классических теорий и их известных деятелей.

Проблема правопонимания является основной в теории государства и права на протяжении всей истории общества на том основании, что от понимания права зависит весь аппарат государственного управления и регулирование общественных отношений.

Ключевые слова: правопонимание; право; государство; теория государства и права; философия права; общество.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF LEGAL UNDERSTANDING IN VARIOUS HISTORICAL PERIODS

This work is devoted to the comparative legal analysis of concepts and theories of legal understanding in various historical epochs. Analysis and presentation of classical theories and their famous figures.

The problem of legal understanding has been the main one in the theory of state and law throughout the history of society, on the basis that the entire apparatus of public administration and regulation of public relations depend on the understanding of law.

¹ А. Н. Бондаренко, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России.

² М. В. Молдавский, преподаватель кафедры специальных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Key words: legal understanding; law; state; theory of state and law; philosophy of law; society.

Проблема правопонимания является одной из ключевых в теории государства и права, ведь от понимания права и его природы, зависит система правового регулирования общественных отношений в целом.

С античных времен мыслители и ученые вели дискуссии о сущности права, его источниках, соотношении права, закона и морали. В конечном итоге сформировались различные концепции правопонимания, показывающие восприятие права в конкретной исторической эпохе.

Правопонимание представляет собой аспект теории права, отражающий сущность, содержание права, и его роль в жизни общества и государства. Авторы научной литературы сформировали различные подходы к пониманию понятия и сущности правопонимания. Так, С. С. Алексеев показывает понимание права как «систему взглядов, представлений о сущности, содержании, источниках, принципах и социальном назначении права, господствующих в обществе или в научной среде в определенный период времени» [1, С. 9]. Такие авторы как В. С. Нерсесянц и Г. Радбрух рассматривают правопонимания как философско-правовую категорию, показывающую более глубокое понимание о теории права в жизни государства. От того, как воспринимается право зависит система правового регулирования в целом, механизмы правоприменения и функционирование правовой системы в обществе.

Концепции правопонимания создавались и развивались с древнейших времен. Так, в античном мире появилась одна из первых концепций, истоки которой прослеживаются в трудах древних мыслителей – Платона, Аристотеля, Марка Аврелия [3, С. 64]. Они рассматривали право как неотчуждаемую часть природы мироздания, воплощение всеобщего блага. Так, Платон в своем диалоге «Государство» выдвигал идею о существовании единого, справедливого государства, основанного на «естественных» законах [6, С. 21–24]. Аристотель, в своих трудах, выделял два вида права – естественное, вытекающее из природы вещей, и установленное людьми, т. е. позитивное право. Стоики же трактовали естественное право как разумное, всеобщее начало, проникающее во все сферы бытия.

Данные представления о праве получили свое продолжение и развитие в римской юриспруденции, где Цицерон, Ульпиан и другие римские юристы предлагали естественное право как неизменное и общее начало, создающее основу позитивного законодательства.

В эпоху средневековья концепция правопонимания тесно переплеталась с религиозной доктриной. В связи с этим можно выделить теологическую теорию как ведущую в эпоху Средневековья. Согласно данному подходу, право рассматривалось как божественное благо, имеющее сакральный характер и служащее для обеспечения праведной жизни человека.

Пионером теологической концепции является Фома Аквинский, который ввел теорию, что право – это отражение божественной идеи и воли, вытекающее из самой природы человека [5, С. 46]. Теологическая концепция правопонимания, основывалась на религиозно-нравственных представлениях,

представляла право как инструмент справедливости, используя религиозно-этическим нормы.

Новое и новейшее время – происходит постепенный переход к новым и более сложным концепциям:

– социологическая и психологическая теория правопонимания (Р. Иеринг, Е. Эрлих, Л. Петражицкий);

– либертарно-юридическая концепция (В. С. Нерсисянц, Ю. А. Денисов);

– коммуникативная концепция (О. Э. Лейст, И. Л. Честнов);

– позитивистская теория, получившая отклик в трудах многих ученых и философов, таких как Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Кант и многих других известных авторов. Данное направление происходит из того, что право – продукт деятельности человека, выраженный в законах и исполняется государственной властью. Право представлялось независимым от норм морали религиозных догм аспектом общества.

Огромный вклад в развитие позитивистской концепции правопонимания внес И. Кант. Он разделил право на врожденное (правоспособность) и приобретенное (зависящее от конкретного государственного устройства) [2, С. 136]. Он определил необходимость разграничения права от морали. По его мнению, право должно являться автономной ценностью общества и основываться на рациональном начале.

Приведенные теории правопонимания складывались в обществе на основе особенностей конкретного исторического периода, уровня развития юридической науки, государственного устройства, системе ценностей общества и многих других факторах. На древнем этапе представление о праве формировалось под влиянием религиозно-философских воззрений и условиях феодального общества. В Новое время трансформацию правопонимания обусловили: секуляризация, становление национальных государств, создание и развитие капиталистического общества. Однако общим для большинства концепций является объяснения права как регулятора общественных отношений, создающее определенным порядок. Различия же заключаются, в сущности, в определении источников и назначения права. Так, естественно-правовая и теологическая концепции правопонимания основывались на признании сверхъестественного характера права и его надмирной сущностью, когда позитивистская и социологическая теории признавали право явлением порожденным обществом и государством.

В заключение хочется отметить, что концепции правопонимания, сложившиеся в различные исторические эпохи помогают увидеть эволюцию взглядов на социальное значение права и его природу. Современные концепции права стремятся к комплексному и многоуровневому познанию права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. – Москва : Статут, 1999.

2. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2007.

3. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – Санкт-Петербург, 1875.

4. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – Москва : Мысль, 1965.

5. Платон. Государство / Пер. Егунова А. И. – Собрание сочинений в четырех томах. – Москва, 1994. – Т. 3.

УДК 340.123

П. Д. Васильева¹

Научный руководитель И. И. Мазуров²

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье приводится сравнительно-правовой анализ семейного права во временных рамках периода Московского государства (XVI–XVII вв.) и Российской Империи (XVIII–XIX вв.). Подобный анализ необходим для выявления закономерностей развития семейного права в России времен феодализма, а также традиций и мифологии отечественной правовой культуры, в контексте которой сегодня действует семейное законодательство.

Ключевые слова: семейное право; брак; правовой статус супругов; брачный возраст; право Московского государства; право Российской Империи.

FAMILY LAW OF THE MOSCOW STATE AND THE RUSSIAN EMPIRE: COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS.

The article provides a comparative legal analysis of family law in the time frame of the period of the Moscow state (XVI–XVII centuries) and the Russian Empire (XVIII–XIX). Such an analysis is necessary to identify the patterns of development of family law in Russia during the feudal period, as well as the traditions and mythology of the national legal culture, in the context of which family legislation operates today.

Key words: family law; marriage, the legal status of spouses; the age of marriage; the law of the Moscow Kingdom; the law of the Russian Empire.

Семейные правоотношения являются важной составляющей для любого государства, так как с обществоведческой точки зрения семья – это важная социальная ячейка общества.

¹ П. Д. Васильева, студентка Смоленского государственного университета.

² Игорь Игоревич Мазуров, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, заместитель декана факультета истории и права Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук.

Отечественное семейное право прошло длительный процесс эволюции, который определялся множеством факторов: экономическим положением населения, общественным строем государства, религией, правовыми традициями и ценностями и др. Нам важно понять, каким образом современное семейное право пришло к своей нынешней форме, ведь вопросы семейного права активно поднимаются в политико-правовом дискурсе. Они являются не только предметом научного обсуждения, но и предметом разнообразных спекуляций, для преодоления которых необходимо научное осмысление генезиса регламентации брачно-семейных отношений.

Начиная с периода Московского государства нам доступны письменные правовые источники, включающие также и нормы семейного права.

Учитывая множественность и разнообразие общественных отношений, охватываемых нормами семейного права, целесообразно выделить ряд универсальных критериев, от которых мы будем отталкиваться при проведении сравнительно-правового анализа. К числу таких критериев относятся:

- порядок и условия заключения брака;
- прекращение брака или признание его недействительным;
- права и обязанности супругов (имущественные, не имущественные);
- правовой статус детей;
- порядок усыновления, а также оформления опекуновства и попечительства.

Порядок и условия заключения брака

В период Московского государства семейное право находилось под сильным влиянием обычного права, находилось в ведении церкви и основывалось на христианских представлениях о браке. Это обуславливало отсутствие как единых брачно-семейных правил, так и единой практики их реализации. В этом смысле каноническое право было более прогрессивным на данном историческом этапе, поскольку обуславливало универсализацию этих правил, выработку единых норм брачно-семейного права на всей территории Руси.

Стоглавым собором 1551 года был определен минимальный брачный возраст – 15 лет для юношей и 12 лет для девушек в соответствии с главой 18. Вступать в брак разрешалось не более трех раз – в том же документе приводятся по этому поводу слова Григория Великого: «Первый брак – закон, второй прощение, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, свинское есть житие». Церковь только первый брак признавала таинством, а в соответствии со Стоглавым собором он считался еще и законным, в то время как, второй прощался, а третий уже считался преступлением, четвертый – это практически грех. Также обязательным каноническим условием для заключения брака было согласие родителей жениха и невесты [1, с. 46].

К XVIII в. меняется система источников права. Влияние на регламентацию брачно-семейных отношений начинают оказывать решения отдельных правителей. Так, в Российской Империи семейное право начинает оформляться не только церковными, но и светскими нормами. Меняются условия и порядок заключения брака.

Указом о единонаследии 1714 года был установлен брачный возраст 20 лет для мужчин и 17 для женщин [5, с. 229] из соображений Петра I о том, будет ли много пользы от служащих, имеющих семью, а потому отвлекающихся на нее.

Указом 1722 года запрещено было вступать в брак с неполноценным рассудком (дуракам), так как обучение и подготовка человека, его образование имело большое значение в развитии культурного уровня Российской Империи, и потому дураками считали тех, кто не способен постигать науку [5, с. 229].

Указ 1724 года требовал учитывать волю брачующихся под угрозой «тяжкого штрафования» [5, с. 229], что делало процесс заключения брака более свободным, и этот процесс связан с уже имеющимися предпосылками для проведения реформ на западный манер. Сами же предпосылки возникли вследствие процесса вестернизации российской культуры, начавшегося еще в XVII в. Для вступления в брак требовалось знание основных начал верования, что показывало все еще заметное влияние церкви, для служащих – дозволение начальства, что опять же может быть связано с причиной преувеличенного чувства долга человека перед семьей, нежели служение Императору. По Указу 1714 года разрешалось венчать только дворян, которые представляют свидетельство о знании грамматики, арифметики и геометрии – целесообразно назвать это также попыткой Петра I сделать это сословие более культурно развитым, достичь уровня развития западных стран.

Но позже, после смерти Петра, возраст жениха и невесты опять снизили – разрешили венчаться 15-летним юношам и 13-летним девушкам. С отменной указа о единонаследии отменилась и норма (брачный возраст 20 лет для мужчин и 17 для женщин). Новый возраст узаконили указом Святейшего синода от 17 декабря 1774 года. Указом Синода 1744 года определен предельный брачный возраст – 80 лет, так как брак считался лишь «средством для рождения новых русских людей», потому и выделял именно тот возраст, до которого человек «еще в силах» [5, с. 229].

При рассмотрении законодательства начала XIX века, также можно выделить, что в семейном праве устанавливаются строгие ограничения для лиц иной веры в связи с тем, что в XVIII в. в состав вошли обширные территории с неправославным населением. Следует отметить, что мусульмане в области семейных отношений пользовались не формальным правом Империи, а нормами обычного и религиозного права. Свод Законов Российской Империи устанавливает, что «каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства». Таким образом, по Корану мусульмане могли иметь 4-х жен и на территории Российской Империи. В соответствии с законодательством «брак лица верного с неверным правильный и законный есть» [8, с. 413], если он не приводит к соращению православного. Поэтому браки между православными и представителями иного вероисповедания были разрешены.

В соответствии со Сводом Российской Империи при заключении брака с иноверцами требуется соблюдение определенных условий:

– дачи не православными подписки о том, что они не будут склонять своих супругов и детей к принятию своей веры, при этом дети будут крещены и воспитаны в православии;

– необходимость соблюдения всех правил, установленных для браков между православными;

– необходимость совершения браков в православной церкви по православному обряду [9, с. 67].

Прекращение брака и признание его не действительным

В Российской Империи бракоразводные дела рассматривала духовная консистория, которая направляла решение на усмотрение архиерея. Появилась возможность направлять ходатайства о признании брака недействительным. Основанием для подачи такого ходатайства могло являться одно из следующих: в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга, добрачной неспособности к брачному сожитию в случае, когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на жительство в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ, в случае безвестного отсутствия другого супруга не менее 5 лет [6, с. 122].

Брак мог быть расторгнут при пострижении в монахи обоих супругов, при достижении женой 50-летнего возраста, при отсутствии малолетних детей, безвестного отсутствия по Указу от 1723 года, что также было дополнено пунктом об отсутствии в течение конкретно 5 лет Указом от 1810 года. То же самое ожидало брак супругов при официальном установлении неизлечимой болезни одного из супругов, неспособности к брачному «сожитию», с запрещением неспособному супругу вступать в новый брак (что, можно сказать, выражает волю государя по увеличению рождаемости в стране), покушении на жизнь супруга, принятии христианства одним из супругов при нежелании второго по Указу 1739 года. Прелюбодеяние одного из супругов считалось весомой причиной для развода. Причем, жена в этом случае ссылалась в Сибирь или монастырь [5, с. 214–215].

В среде православных в Российской империи XIX века действительным признавался только брак, заключенный в форме церковного венчания, сведения о котором вносились в метрические книги. В соответствии с законодательством XIX века, брак мог быть расторгнут только духовным судом по ходатайству одного из супругов [10, с. 5].

В период Московского государства развод считался редким явлением, так как в соответствии с каноническими трактовками он представлялся невозможным. Однако с течением времени бракоразводному процессу стало уделяться большее внимания. К примеру, Петр I вынужден был пройти через бракоразводную процедуру, чтобы избавиться от нелюбимой жены Евдокии Лопухиной. Было решено, что в Российской Империи эти дела будет рассматривать специальный орган по соответствующему ходатайству.

Права и обязанности супругов (имущественные, не имущественные)

По представлениям людей, живших в XVI–XVII вв. жена всегда следует за своим мужем, является объектом его власти. В период Московского государства это особенно заметно: юридический статус мужа определял и статус жены. Семья носила патриархальный характер. Жена была обязана всюду следовать за мужем (в том числе в ссылку и изгнание). Ярким проявлением подобного представления о семейной жизни является «Домострой» авторства протопопа Сильвестра. В соответствии с параграфом 33 «что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению и согласно тому, что здесь писано» и в соответствии с параграфом 39 «да всякий бы день у мужа жена спрашивала да советовалась обо всем хозяйстве, припоминая, что нужно. А в гости ходить и к себе приглашать и пересылаться только с кем разрешит муж».

Законы в течении XV–XVI веков устанавливали общность имущества супругов, но при этом мужу запрещалось распоряжаться приданым жены без ее согласия. Чтобы гарантировать сохранность приданого жены, муж вносил своеобразный залог – «вено», обеспечивая его третьей частью своего имущества. После смерти мужа вдова владела веновым имуществом до тех пор, пока наследники мужа не выплачивали ей стоимость приданого.

С XV века после заключения брака муж стал составлять завещание в пользу жены. Имущество, указанное в завещании, переходило к пережившей супруге [2, с. 61]. В случае смерти жены к ее родственникам переходило право на восстановление приданого. При отсутствии завещания переживший супруг пожизненно или до вступления во второй брак пользовался недвижимостью покойного супруга [3, с. 167]. В каком-то смысле такой порядок владения имуществом избавлял государство от того правового хаоса, который мог бы воцариться в связи с делением имущества между членами семьи – такие порядки были продиктованы лишь желанием упростить систему имущественных прав и обязанностей супругов.

В области семейного права действовали принципы, прописанные в «Домострое», – главенство мужа над женой и детьми, фактическая общность имущества, обязательность следования жены за мужем. Приданое женщины оформляется на мужа, который пользуется и распоряжается им почти без участия супруги [3, с. 218].

С начала XVIII века супруга вновь приобретает права на приданое. С Указом 1715 года женщинам разрешено писать купчие и закладные на недвижимость [5, с. 230].

В соответствии с Табелем о рангах 1714 года женщина следует за мужем в соответствии с его рангом, и если она совершит преступление, то штраф заплатит такой же, какой заплатил бы ее муж за свое преступление [5, с. 62].

Относительно имущественных прав родителей в отношении детей – они получали право, наделив своих детей недвижимостью, забрать ее обратно.

Что касается неимущественных прав и обязанностей родителей, следует упомянуть Устав благочиния 1782 года, созданный Екатериной II, который определял власть родителей над детьми. Родители имели право наказывать ребенка, отдать внаймы, в монастырь [1, с. 59].

Еще раньше, Указом от 1755 года родители получали право помещать особо буйных детей в смирительные дома [5, с. 267].

Относительно незаконнорожденных детей, в соответствии с Воинским уставом от 1716 года, отец обязан был содержать своих незаконнорожденных детей и их мать [4, с. 360]. Принятие такого решения могло быть следствием событий в личной жизни самого Петра I, который имел незаконнорожденных детей от своей будущей супруги – Екатерины (М. С. Скавронской) еще до их свадьбы, в последующем признанных законнорожденными.

Правовой статус детей

По судебникам 1497 и 1550 года статус ребенка исходил лишь из прав его отца, относившихся к нему. По Соборному уложению 1649 года можно понять, что закон знал понятие «незаконнорожденный», и лица этой категории не могли усыновляться и, следовательно, принимать участие в наследовании недвижимого имущества. Исходя из положений Домостроя и патриархальных традиций семейной жизни вполне понятно, что общество того времени еще не было готово к защите имущественных интересов незаконнорожденных.

В течение XVIII века статус незаконнорожденных детей оставался неизменным: в соответствии с церковным характером брака закон не признавал детей, рожденных вне освященного церковью союза. Таких потомков запрещалось усыновлять в браке, и они не могли наследовать имущество родителей [4, с. 360]. Свод Законов Российской Империи от 1832 года в этом отношении оставался архаичным: незаконнорожденные дети не имели права на фамилию отца и права наследования его имущества [10, с. 15].

Порядок усыновления, а также оформления опекуна и попечительства

Опекунское право начинает формироваться в законодательстве к XVI веку. На данном этапе выделились 2 вида опеки: над несовершеннолетними (до 15 лет) и над вдовами. Круг опекунов законом не устанавливался и не ограничивался, потому любой желающий мог приютить у себя ребенка или вдову, законно пользуясь имеющимся у них имуществом. Круг прав и обязанностей опекуна законом также не определялся.

При вступлении на престол Алексея Михайловича опекунское право усложняется, правовые нормы становятся более конкретными, а ситуация с произволом относительно имущества опекаемых отчасти решается нормами, относящимися к уголовному праву. В число опекаемых теперь входили не только сироты, как было до этого, но и глухонемые, и монахи. О вдовах упоминаний не встречается. Возрастной порог опеки оставался тем

же – 15 лет. Для калек и монахов порог был пожизненным. Четко указывалась и цель опеки – кормить, одевать, покоить. Главной обязанностью опекуна было сохранение земельной собственности опекаемого. В случае нарушения правил опеки опекун должен был возместить ущерб. Предписывался принудительный возврат незаконно отчужденной опекуном земельной собственности [3, с. 354].

Во времена Петра I была попытка введения правового института опеки над несовершеннолетними, что было оформлено в Инструкции магистрата года, но эти акты были отменены его преемниками. При Екатерине II этот правовой институт продолжает свое развитие. Например, забота как качество, присущее правовому институту опеки, берет свое начало с именного Указа, изданного Сенатом от 22 декабря 1785 г, и с начала действия этого указа все малолетние лица, достигшие 14 лет, могут самостоятельно избирать себе опекуна. Когда подопечный достигал 17 лет, попечитель лишался качеств опекуна, и его роль сводилась к помощи в управлении имуществом и согласовании продажи и залога недвижимого имущества. А при достижении лицом 21 года, основания для опеки и попечительства прекращались.

Заключение

Сравнивая два периода развития отечественной государственности и права – период Московского государства и период Российской Империи – мы замечаем, что специфика семейного права обусловлена конкретными условиями материальной жизни. Так, роль мужчины в производстве (в особенности, сельскохозяйственном, которое является часто непосильным для женщины) и в военном деле обуславливает более высокое социальное положение мужчины по отношению к женщине. Также усиливает данную тенденцию выбытие женщины в связи с беременностью, родами и уходом за детьми из производительной жизни общества.

Развитие семейного права в Российской Империи сопряжено с его усложнением. Так, оформляются в качестве субъектов все члены семьи, в то время как глава семьи обладал наибольшей субъектностью изначально.

Христианство со времен первых Рюриковичей имела большое значение для всех сторон жизни общества, так как именно на ее идейной базе создавались указы, решались важные политические вопросы. В течение длительного времени только церковные браки признавались законными.

Брачный возраст определялся преимущественно необходимостью решения военных задач. При Петре I возраст вступления был изменен в большую сторону в связи с изменившимися взглядами Царя во время Великого Посольства (1697–1699 гг.) и необходимостью увеличить дворянам, проходящим обязательную военную службу, и гардемаринам, которые выпускались из Морской Академии, время на служение государственным интересам – наличие семьи могло помешать полному погружению в этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольская М. В. Семейное право. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2002. – 336 с.
2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, Судебники // Российское Законодательство X– XX веков в 9 т. / под общ. Ред. чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. Том 2. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 519 с.
3. Акты земских соборов, Соборное уложение 1649 г. // Российское Законодательство X– XX веков в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. Том 3. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 511 с.
4. Законодательство периода становления абсолютизма // Российское Законодательство X– XX веков в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. Том 4. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 511 с.
5. Законодательство периода расцвета абсолютизма // Российское Законодательство X– XX веков в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. Том 5. – Москва : Юридическая литература, 1987. – 527 с.
6. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. синода. (1721-1821) / Соч. Николая Розанова. Книга 1. – Москва : Синодальная типография, 1869. – 255 с.
7. Натенадзе М. С. Семейное право // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 372–374.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Том 6. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 815 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Том 10. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 995 с.
10. Сводъ законовъ Россійской имперіи. Томъ десятый. Часть I. Законы гражданскіе. Том X. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – 604 с.

УДК 347.61/.64: (347.621+ 347.627+ 347.631+ 347.632)

Р. Р. Галиев¹
Научный руководитель И. А. Макеева²

ЗАКОН: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты понятия закона, его основные признаки и виды. Анализируются различные подходы к определению закона, его место и роль в системе нормативных правовых актов. Особое внимание уделяется классификации законов по различным основаниям. Обосновывается значимость закона как основного источника права в современном демократическом государстве.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт; признаки закона; виды законов; правовой закон; законодательство.

LAW: CONCEPT, CHARACTERISTICS AND TYPES

The article examines theoretical and practical aspects of the concept of law, its main characteristics and types. Various approaches to defining law, its place and role in the system of normative legal acts are analyzed. Special attention is paid to the classification of laws on various grounds. The significance of law as the main source of law in a modern democratic state is substantiated.

Key words: normative legal act; characteristics of law; types of laws; legal law; legislation.

Закон является одним из ключевых понятий юриспруденции, играющим фундаментальную роль в правовой системе любого государства. Несмотря на многовековую историю изучения данного феномена, в современной правовой науке до сих пор ведутся дискуссии относительно сущности закона, его признаков и видов. Актуальность исследования закона обусловлена его значимостью как основного регулятора общественных отношений и гаранта прав и свобод человека и гражданина.

В узком, собственно юридическом смысле, закон определяется как нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой, принятый в особом порядке высшим представительным органом государственной власти или непосредственно народом на референдуме [2, с. 233–234]. Именно такое понимание закона является преобладающим в современной теории права. Разделяя мнение Е. П. Музалевской, отметим, что, «закон является основным элементом нормативной правовой системы в любом современном государстве» [3, с. 316].

¹ Р. Р. Галиев, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета.

² Ирина Александровна Макеева, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке.

Закон принимается в особом законодательном порядке, включающем несколько стадий (законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие закона, его опубликование). Сложная процедура принятия призвана обеспечить высокое качество законов. Закон имеет общеобязательный характер, то есть распространяется на всех субъектов права на территории его действия. Неисполнение закона влечет юридическую ответственность. Закон имеет нормативный характер, то есть рассчитан на многократное применение и неопределенный круг лиц. Этим он отличается от правоприменительных актов. Закон должен соответствовать Конституции и общепризнанным принципам и нормам международного права. Законы, противоречащие конституционным нормам, могут быть признаны неконституционными.

Рассмотрев основные признаки закона, обратимся к анализу его видов. В юридической науке существуют различные классификации законов по тем или иным основаниям. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

По юридической силе законы подразделяются

– на Конституцию – основной закон государства, обладающий высшей юридической силой;

– федеральные конституционные законы – принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ;

федеральные законы – составляют основной массив законодательства;
законы субъектов федерации – действуют на территории соответствующего региона.

По предмету правового регулирования выделяют

– конституционные законы – закрепляют основы государственного и общественного строя;

– административные законы – регулируют сферу государственного управления;

– гражданские законы – регламентируют имущественные и личные неимущественные отношения;

– уголовные законы – устанавливают преступность и наказуемость деяний;

– процессуальные законы – определяют порядок судопроизводства.

По времени действия законы бывают

– постоянные – действуют без ограничения срока;

– временные – принимаются на определенный срок;

– чрезвычайные – вводятся в особых условиях и прекращают действие с их окончанием.

По территории действия различают

– общенациональные законы – действуют на всей территории государства;

– региональные законы – распространяются на территорию отдельного субъекта федерации;

– местные законы – действуют в пределах муниципального образования.

По кругу лиц законы подразделяются

– на законы общего действия – распространяются на всех лиц, находящихся на территории государства;

– законы специального действия – регулируют правовой статус отдельных категорий субъектов (военнослужащих, государственных служащих и т.д.).

По форме законы могут быть

– кодифицированными – представляют собой систематизированный акт, регулирующий определенную сферу отношений (кодексы);

– текущими – принимаются по отдельным вопросам (обычные законы).

Особого внимания заслуживает *концепция правового закона*, получившая развитие в современной юриспруденции [1]. Под правовым законом понимается нормативный правовой акт, соответствующий идеалам права, принципам справедливости, гуманизма, равенства. Правовой закон противопоставляется неправовому, который хотя и обладает формальными признаками закона, но по содержанию противоречит сущности права.

К признакам правового закона относят

– соответствие конституционным принципам и нормам;

– отражение объективных потребностей общественного развития;

– соблюдение прав и свобод человека и гражданина;

– соответствие нормам морали и справедливости;

– внутреннюю согласованность и непротиворечивость;

– ясность и доступность для понимания;

– своевременность принятия.

Концепция правового закона имеет важное значение для построения правового государства и развития демократии. Она ориентирует законодателя на принятие качественных, социально обусловленных нормативных актов.

Закон играет важную роль в развитии правосознания и правовой культуры общества. Он формирует представления людей о должном и запретном поведении, способствует укреплению законности и правопорядка. Качественные, социально обусловленные законы пользуются уважением граждан и добровольно соблюдаются ими.

В то же время нельзя не отметить ряд проблем, связанных с реализацией закона в современной России.

К их числу относятся

– нестабильность законодательства, частое внесение изменений в действующие акты;

– наличие пробелов и коллизий в правовом регулировании;

– недостаточный учет общественного мнения при принятии законов;

– лоббирование корпоративных интересов в ущерб общественным;

– низкий уровень юридической техники ряда законов;

– слабая реализация некоторых законодательных норм на практике.

Подводя итог, можно сделать вывод, что закон является фундаментальной категорией юриспруденции, играющей ключевую роль в правовой системе современного государства. Он выступает основным регулятором общественных

отношений, закрепляя наиболее важные правила поведения. Закон служит гарантом прав и свобод личности, инструментом проведения государственной политики и фактором стабильности правовой системы.

Эффективность закона как регулятора общественных отношений зависит от его качества, соответствия объективным потребностям общественного развития, уровня правосознания и правовой культуры граждан. Совершенствование законотворческого процесса, повышение юридической техники, усиление контроля за реализацией законов – важные направления развития правовой системы России на современном этапе.

Дальнейшее исследование теоретических и практических аспектов закона как источника права представляется перспективным направлением юридической науки. Оно будет способствовать повышению эффективности правового регулирования и построению правового государства в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крашенинников П. В. Зарождение права. – Москва : Статут, 2020. – 288 с.
2. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебное пособие. – Москва : Норма, 2024. – 304с.
3. Музалевская Е. П. Понятие закона в российской юриспруденции в XIX – начале XXI вв. // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции, Омск, 25–26 марта 2022 года. – Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2022. – С. 315–320.

УДК 340.13

Е. А. Глинная¹

Научный руководитель М. М. Челпанова²

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются основные причины привлечения несовершеннолетних лиц к административной ответственности, причины возникновения данного вида правонарушений, а также раскрыты основные особенности административной ответственности и административного наказания к представленной категории лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица; правонарушения; административная ответственность; профилактика правонарушений несовершеннолетних; предотвращение безнадзорности.

¹ Е.А. Глинная, курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

² Марина Михайловна Челпанова, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент

THE MAIN CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY AND WAYS TO SOLVE THEM

The article examines the main reasons for bringing minors to administrative responsibility, the causes of this type of offense, and also reveals the main features of administrative responsibility and administrative punishment for the presented category of persons.

Key words: minors; offenses; administrative responsibility; prevention of juvenile delinquency; prevention of neglect.

Необходимость выделения правонарушений несовершеннолетних в отдельный объект исследования обусловлена рядом причин:

- масштабность задач по охране жизни и здоровья подрастающего поколения, а также формирование государственной политики защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- особенности генезиса и мотивации правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, обусловленные рядом факторов, в частности спецификой воспитания;
- специфика уровня, структуры, динамики, причин совершения несовершеннолетними правонарушений [1, С. 114–124].

Понятие правонарушений несовершеннолетних можно определить исходя из ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ст. 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Данные статьи устанавливают возраст, с которого может наступить уголовная и административная ответственность, а именно, в п.п. 1 и 2 ст. 20 УК РФ говорится о том, что уголовной ответственности подлежат лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 16 лет, а по ряду преступлений – с 14 лет, а из ст. 2.3 КоАП РФ следует, что к административной ответственности можно привлечь лицо, достигшее на момент совершения правонарушения 16-летнего возраста.

Исходя из вышесказанного, правонарушения несовершеннолетних – это совокупность правонарушений и лиц, их совершающих, в возрасте от 14 до 18 лет, однако, подобная градация довольно условна, поскольку правонарушения совершаются так же лицами младшего возраста, а именно, с 10 до 13 лет, в связи с чем, изучение особенностей правонарушений несовершеннолетних и личности несовершеннолетнего правонарушителя, разработка мер по профилактике правонарушений несовершеннолетних должна происходить с учетом данных о правонарушениях среди малолетних (возрастная группа от 10 до 14 лет) и несовершеннолетних (возрастная группа от 14 до 18 лет). Также, следует иметь в виду, что на состояние, уровень, структуру и динамику правонарушений несовершеннолетних специфически влияют демографические, психолого-бытовые характеристики регионов,

жизнедеятельность в них (например, количество несовершеннолетних в регионе, количество несовершеннолетних и неблагополучных семей, количество детей в семье, условия проведения досуга и т. п.).

Успех профилактической деятельности органов внутренних дел во многом зависит от того, насколько всесторонне и глубоко изучена личность несовершеннолетнего правонарушителя.

В формировании личности несовершеннолетних правонарушителей решающую роль играют:

1. Негативное влияние семьи (прямое негативное влияние со стороны родителей и других старших членов семьи (злоупотребление алкоголем, грубость, жестокость, безнаказанность, наркомания, проституция и т. п.); типичными для родителей несовершеннолетних правонарушителей являются низкая культура и безответственное отношение к детям; отсутствие (временное или длительное) у родителей возможности минимально обеспечивать необходимые потребности детей).

2. Негативное влияние со стороны сверстников и взрослых в ближайшей среде – бытовой, учебной, производственной (подстрекательство со стороны взрослых правонарушителей, длительное отсутствие определенных занятий у несовершеннолетних, оставивших обучение, что влечет, как правило, вовлечение в преступную деятельность).

3. Проникновение в среду подростков криминальных традиций и «законов» – культура силы, жестокости, наркомании.

4. Низкий уровень работы учебно-воспитательных заведений (формализм, непрофессионализм, отсутствие индивидуального подхода).

5. Распад системы трудоустройства несовершеннолетних и воспитание в трудовых коллективах [3, С. 73–78].

Кроме вышесказанного, формированию криминальной мотивации и ее проявления в поведении несовершеннолетних во многом способствуют упущения в правовоспитательной и правоохранительной деятельности. Успешное предупреждение правонарушений возможно только в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности правонарушителя, поскольку личность является носителем причин их совершения, основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения. Поэтому проблема личности несовершеннолетнего правонарушителя является главной и в то же время наиболее сложной проблемой предупреждения правонарушений несовершеннолетних.

Борьба с правонарушениями несовершеннолетних – одна из центральных проблем предупреждения правонарушений в целом. Необходимы стратегические направления криминологической профилактики, которые имели бы не срочный, а долговременный характер для субъектов, непосредственно отвечающих за предупреждение правонарушений несовершеннолетних.

Таких стратегических направлений мы видим несколько:

1. Уменьшение практических возможностей совершения правонарушений несовершеннолетними. Зачастую, местом совершения правонарушений несовершеннолетними является именно улица. Итак, первоочередной задачей уменьшения практических возможностей совершения правонарушений несовершеннолетними является устранение «детей улиц» и детской безнадзорности. Однако работа, проводимая в регионах с целью предотвращения безнадзорности среди детей, их социально-правовой защиты, малоэффективна. Растет количество семей, которые по разным причинам (в основном из-за бедности) не выполняют и не в состоянии выполнить воспитательные функции в отношении собственных детей. В связи с вышесказанным, необходимо обеспечить, учитывая финансовые возможности государства, постепенное увеличение размера прожиточного минимума, применяемого для назначения государственной социальной помощи малообеспеченным семьям, с последующей его дифференциацией для соответствующих социально-демографических групп населения и обеспечить постепенное приближение к размеру прожиточного минимума суммы пособия по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста; ввести единый учет многодетных семей и семей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, путем ведения соответствующего банка данных.

2. Воспитательная и информационная работа среди несовершеннолетних. Указанный комплекс может включать такие мероприятия, как: пропагандистские мероприятия с использованием СМИ, поскольку, как отмечается в научных публикациях, телевизионные сюжеты, перенасыщенные сценами насилия, надругательства над человеком и жестокости, ведут к изменению индивидуального представления о реальности [2, С. 254–258.], как, например, недавно вышедший на экраны сериал «Слово пацана», после просмотра которого отдельные подростки решили повторить сцены из данного сериала, выйдя на улицы города и совершая насилие в отношении сверстников. Такое извращение реальности формирует обостренное чувство угрозы и склонности к агрессии. Телевидение выставляет напоказ то, что в других медиаструктурах остается скрытым или малоизвестным. Функция социализации, выполняемая СМИ, состоит, в первую очередь, в том, что телеэкран может быть своеобразным и достаточно эффективным популяризатором национальной культуры, предлагая зрителю интересное и красочное «погружение» в традиции, сказки, фольклор, культуру страны. Через видеокультуру внедряют ценности и модели поведения, которые санкционированы или не санкционированы обществом. Ключевая проблема подросткового возраста – проблема формирования собственной позиции, в связи с чем, реальным способом снижения негативного влияния экранного насилия может стать внедрение на телевидении цикла научно-информационных программ для детей и молодежи по вопросам пропаганды здорового образа жизни, правового образования несовершеннолетних и молодежи, предотвращения негативных проявлений в их среде в виде подростковых сериалов.

3. Совершенствование деятельности учебных заведений по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Как уже отмечалось, деформация системы ценностей и возникновение антиобщественного руководства у несовершеннолетних в основном происходит вследствие дисфункции институтов социализации человека, среди которых главное место (кроме семьи) занимает школа. В целях оптимизации профилактической функции школы необходимо, начиная с учащихся младших классов, нейтрализовать негативное влияние на несовершеннолетнего семьи и ближайшего бытового окружения [2, С. 254–258.]. Разумеется, без тесного контакта школы со специализированными органами, в частности, подразделениями по делам несовершеннолетних, это сделать невозможно. В данном случае оптимизация профилактической функции школы заключается в раннем выявлении и своевременном уведомлении этих органов о семейном неблагополучии или ближайшей среде по отношению к конкретным подросткам. Подросткам следует предоставить возможность проявить себя не в драках, употреблении наркотиков и алкоголя, а в положительной деятельности в студиях, кружках, секциях, скаутских отрядах, туристических походах и т. д. Следует возродить опыт организации досуга подростков через социально-культурные структуры, которые были в свое время демонтированы, они наполняли положительным содержанием стихийный уличный досуг детей и подростков, обеспечивали выбор занятия, в том числе и для детей с невысоким уровнем образования и культуры. Была альтернатива улице. Сейчас ее нет, исчезло звено дополнительного института социализации молодежи.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить следующее. Причины правонарушений несовершеннолетних могут быть поделены на две основные группы, а именно, социально-экономические (процесс социализации личности в детском саду, школе, среднем специальном образовательном учреждении, проведение досуга, в частности, влияние телевизионных передач и кинематографа), а также бытовые (взаимоотношения в семье, поведение и образ жизни родителей, воспитание, уровень обеспеченности семьи, жилищные условия, влияние сверстников), в отдельных случаях причина кроется на биологическом и генетическом уровнях. Исходя из имеющихся причин совершения несовершеннолетними правонарушений, можно выделить ряд их решений, а именно, уменьшение практических возможностей совершения правонарушений несовершеннолетними, то есть, искоренение безнадзорности и воспитания детей улицей, а не родителями; воспитательная и информационная работа среди несовершеннолетних, в частности, посредством средств массовой информации, в большей степени, кинематографа; совершенствование деятельности учебных заведений по профилактике правонарушений несовершеннолетних, а именно, отсутствие формализма в обучении и тесное взаимодействие с подразделениями по делам несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалишина К. В. Актуальные проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних и пути их преодоления // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения. – 2022. – С. 114–124.
2. Шумал В. И., Васильев А. В. Преступность несовершеннолетних: причины и пути решения // MODERN SCIENCE. – 2020. – № 3-1. – С. 254–258.
3. Обухова О. В., Прошко Н. Ф. Причины совершения правонарушений среди несовершеннолетних с точки зрения различных подходов // Теория и практика современной науки. – 2022. – С. 73–78.

УДК 351.741

А. В. Душкина¹

Научный руководитель В. П. Билоконь²

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО УЧЁТА

В данной статье на основе действующего законодательства и научной литературы определены сущность и проблемы использования участковым уполномоченным полиции профилактического учёта, а также обоснованы пути их решения.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; профилактический учёт; индивидуально профилактическая работа; несовершеннолетние; правовое регулирование; основные проблемы.

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE ACCOUNTING

In this article, on the basis of current legislation and scientific literature, the essence and problems of the use of preventive accounting by the district police commissioner are determined, as well as ways to solve them are substantiated.

Key words: local police commissioner; preventive accounting; individual preventive work; minors; legal regulation; main problems.

Согласно положениям Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактический учёт, являясь одной из форм профилактического воздействия, направлен на выявление и устранение причин и условий, приводящих

¹ А. В. Душкина, слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

² Виктор Петрович Билоконь, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

к совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на отдельных лиц с целью предотвращения их вовлечения в преступную деятельность или антиобщественное поведение. [1]

Несколько иное значение вкладывается в понятие «профилактический учет», при реализации положений Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Итак, профилактический учет включает в себя ведение учета и сбор информации о лицах, особенно несовершеннолетних, которые могут подвергаться риску совершения преступного поведения или оказаться вовлеченными в ситуации, связанные с безнадзорностью. [2]

Профилактический учет позволяет им отслеживать и собирать информацию о таких лицах или организациях с целью предотвращения возможных преступных действий или угроз государству. Важно отметить, что осуществление этого права должно соответствовать законодательству Российской Федерации и уважать права и неприкосновенность частной жизни физических лиц.

Профилактический учет, как компонент информационного обеспечения, включает в себя систематический сбор, регистрацию, анализ и хранение информации в рамках обязанностей ОВД по предупреждению преступности. Это включает в себя использование автоматизированных информационных систем, включающих программное и аппаратное обеспечение, адаптированное для оптимизации задач, связанных с передачей, хранением и обработкой данных.

Кроме того, обмен информацией посредством межведомственных запросов, иногда в электронном формате, с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, способствует эффективной коммуникации между соответствующими органами. Это облегчает беспрепятственный обмен важной информацией, укрепляя их возможности по предупреждению преступной деятельности и борьбе с ней.

Для улучшения потока и доступности информации использование технологий повышает эффективность и своевременность превентивных мер. Комплексный подход к обмену информацией и технологическим инструментам способствует более скоординированному и целенаправленному подходу к предупреждению преступности, что в конечном итоге способствует поддержанию общественной безопасности. Эта комплексная стратегия обеспечивает бесперебойное сотрудничество и обмен данными между ведомствами, оптимизируя результаты усилий по предупреждению преступности. [3, с. 29]

В ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» категория несовершеннолетних, подлежащих профилактическому учету, определена в статье 5: «Категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа». [2]

В указанном ФЗ подчеркивается важность профилактического учета как важнейшего инструмента удовлетворения потребностей несовершеннолетних и проведения индивидуальной профилактической работы по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Ведя профилактический учет, органы государственной власти могут заблаговременно выявлять и учитывать уникальные потребности и факторы риска несовершеннолетних, тем самым способствуя более целенаправленному и индивидуализированному подходу к вмешательству и поддержке. Такой активный подход соответствует общей цели предотвращения безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, направленной на повышение благополучия и безопасности несовершеннолетних при одновременном снижении вероятности их вовлечения в противоправное поведение.

Признание профилактического учета в качестве ключевого механизма отражает необходимость раннего вмешательства и применения индивидуальных профилактических мер, соответствующим конкретным обстоятельствам несовершеннолетних. Уделяя приоритетное внимание индивидуальной профилактической работе и стратегиям, ориентированным на потребности, этот подход подчеркивает приверженность устранению коренных причин безнадзорности и правонарушений, одновременно поддерживая целостное развитие несовершеннолетних в сообществе.

Далее обоснуем актуальные проблемы правового регулирования профилактического учёта:

1. Сложность получения медицинских документов в медицинских организациях о лицах с алкоголизмом или наркоманией, состоящих на учете в медицинской организации и представляющих опасность для окружающих, представляет значительную проблему в процессе профилактического учета.

Сотрудничество между правоохранительными органами и медицинскими организациями имеет важное значение для оптимизации процесса получения соответствующей медицинской документации для лиц, состояние которых может повлиять на общественную безопасность.

Существует несколько потенциальных причин этой проблемы.

Во-первых, люди, страдающие алкоголизмом или наркоманией, могут не желать предоставлять свою медицинскую информацию из-за страха осуждения. Преодоление этого барьера требует деликатного подхода и установления доверительных отношений с человеком.

Во-вторых, медицинские организации могут столкнуться с ограничениями при обмене информацией о пациентах из-за законодательства о неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Медицинские организации в России не предоставляют регулярно информацию о лицах, страдающих алкоголизмом или наркоманией, для постановки на профилактический учет, ссылаясь на различные положения законодательства. Во-первых, согласно статье 23 Конституции Российской Федерации и статье 73 Федерального закона № 323-ФЗ, пациенты имеют право сохранять конфиденциальность своей медицинской информации, включая информацию об обращении за медицинской помощью и состоянии своего здоровья. Кроме того, медицинские работники обязаны сохранять врачебную тайну.

В связи с профилактическим характером запрашиваемой информации и отсутствием согласия физических лиц или их законных представителей медицинские учреждения могут отказать в предоставлении запрашиваемой информации.

Для решения вышеуказанной проблемы имеется предложение по созданию совместного приказа МВД России и Министерства здравоохранения России, который регулировал бы процесс регулярного обмена информацией о лицах, состоящих на учете в медицинских организациях и имеющих диагноз алкоголизма или наркомании. Целью этого является отслеживание любых нарушений российского законодательства этими лицами. В случае выявления каких-либо нарушений будет проведена немедленная профилактическая регистрация этих лиц, а также приняты все необходимые меры для предотвращения будущих правонарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Хаметдинова Г. Ф. Профилактический учет: понятие и проблемы правового регулирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – №3 (41). – С. 29–37.

УДК 351.741

А. С. Короткова¹
Научный руководитель А. С. Фетисов²

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Организация учебного процесса носит многоаспектный комплексный характер, поскольку затрагивает весь педагогический инструментарий работы преподавателя. Проблема реализации педагогического проектирования как эффективного способа формирования профессиональной позиции курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел России продолжает сохранять свою актуальность, поднимая вопросы по организации качественной подготовки будущих квалифицированных специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: проектноориентированная система; педагогическое проектирование; образовательный процесс; образовательное пространство; курсанты; педагогический потенциал; Министерство внутренних дел России; органы внутренних дел Российской Федерации.

PEDAGOGICAL DESIGN AS AN EFFECTIVE WAY TO FORM A PROFESSIONAL POSITION OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS.

The organization of the educational process has a multidimensional complex character, as it affects the whole pedagogical toolkit of the teacher's work. The problem of implementation of pedagogical design as an effective way to form a professional position of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia continues to retain its relevance, raising questions about the organization of quality training of future qualified specialists for internal affairs bodies of the Russian Federation.

Key words: pedagogical design; educational process; educational space; cadets; pedagogical potential; Ministry of Internal Affairs of Russia; internal affairs bodies of the Russian Federation; act-oriented system.

Профессиональное образование ориентировано на формирование у обучающихся необходимых профессиональных компетенций, которые в полном объеме соответствовали бы современным образовательным стандартам.

¹ Анна Сергеевна Короткова, адъюнкт Воронежского института МВД России.

² Александр Сергеевич Фетисов, профессор кафедры психологии и педагогики Воронежского института МВД России, доктор педагогических наук, профессор.

Профессиональное образование в системе Министерства внутренних дел России (далее МВД России) играет ключевую роль в становлении профессионального начала в личности курсанта как будущего сотрудника полиции. Оно аккумулирует в себе процессы как по обучению, так и по воспитанию, что в свою очередь обеспечивает не только теоретическую и практическую подготовку обучающихся, но и выработку в них необходимых морально-нравственных качеств, которые впоследствии трансформируются в профессионально значимые.

Получение профессионального образования в системе МВД России осуществляется в специальных структурных подразделениях профессионального обучения, созданных на базе образовательных организаций МВД России: в институтах, на факультетах и т. п. Непрерывность процессов по разработке и внедрению актуальных образовательных программ для курсантов, а также по отслеживанию и контролю успеваемости и качества получаемых ими теоретических знаний и практических умений – обеспечивает высокую эффективность в направлении подготовки компетентных кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (далее ОВД РФ).

Среди многообразия педагогических и воспитательных форм работы, стоит отметить педагогическое проектирование как один из наиболее эффективных способов обучения и воспитания. В условиях современной модернизации образовательного процесса педагогическое проектирование демонстрирует специфические преимущества внедрения своих основ в практическую составляющую системы обучения. В сравнении с традиционной формой преподавания, оно в должном объеме восполняет задачи по успешной реализации практической социальной деятельности обучающихся. Его сущность и основу применения обосновывает цель по организации самостоятельной работы обучающихся, направленной не просто на получение оценочного результата, но и на усвоение полученных знаний, умений и навыков.

Так, по мнению Л. Д. Столяренко, педагогическое проектирование выступает в качестве педагогической деятельности по реализации предварительной разработки основных элементов предстоящей деятельности обучающихся и педагогов в рамках учебных занятий. То есть педагогическое проектирование ориентировано на реализацию идей о необходимости предварительного анализа и построения учебного занятия преподавателем: организация взаимодействия с аудиторией, определение характера и содержания преподавания, выбор и аргументация теоретического и практического наполнения учебного занятия и т. п. [6].

В научных трудах М. В. Булановой-Топорковой о педагогическом проектировании сказано, что оно выступает основой педагогической деятельности любого преподавателя, поскольку аккумулирует в своём содержании такие направления работы как: организаторское и гностическое. Гностическое направление работы отвечает за организацию творческого начала педагога – поиск содержания, методов и средств, которые отвечали бы современным

требованиям образовательных стандартов, гарантируя качественную подготовку будущих специалистов для правоохранительных органов [1].

По мнению Н. Э. Касаткиной, педагогическое проектирование должно быть определено, как некий высший уровень работы педагога, содержание которого раскрывается через наличие и активное применение творческого педагогического начала в личности преподавателя, и направлено на процессы непрерывного развития и преобразования образовательного пространства в рамках проведения учебных занятий, с целью воспитания и становления личности обучающегося [4].

То есть автором подчеркивается важность педагога как ключевой фигуры в педагогическом проектировании и его педагогического инструментария. Однако на последующих этапах педагогического проектирования важно делать акцент и на позиции самих обучающихся, их мотивационном аспекте. Но и здесь важно сказать, что мотивационный аспект у обучающихся складывается не только посредством субъективных факторов (особенности личности, темперамента, степени усидчивости и личной мотивированности), но и вследствие воздействия внешних факторов в лице преподавателя, благодаря чему формируется заинтересованность и желание работать на занятиях.

С точки зрения Н. О. Яковлевой, педагогическое проектирование выступает целенаправленной деятельностью педагога по созданию проекта, который представляет собой модель инновационной системы [4]. Данный проект отражает содержание и форму организации проведения предстоящего занятия. Инновационный характер объясняется тем, что преподавателем вносится принципиально новый элемент в структуру образовательного процесса. Так, инновационная система имеет место быть в случае, если она была создана на основе принципиально новых идей и взглядов, либо преобразована в результате приобретения и использования отдельных принципиально новых качеств ранее существующей модели.

В контексте проведенного анализа можно отметить, что в качестве педагогического проектирования стоит определить технологию профессионально-личностного развития и саморазвития педагога, впоследствии определяющей создание авторских педагогических систем и инновационных подходов к методике обучения [7]. Более того содержание данного термина подразумевает способ духовно-практического освоения действительности, который раскрывается через интеграцию практических методов и теоретических способов познания. Познание в данном случае представляет собой специфическую форму целеполагания, которая сопровождается объективным процессом практической деятельности.

Педагогическое проектирование – это первоначальный этап в выстраивании педагогического процесса, в рамках которого реализуется предварительная разработка предстоящего взаимодействия преподавателя с курсантами, а также определяется перечень и характер приемов и способов проведения учебного занятия.

Педагогическое проектирование предполагает педагогический проект как его собственный продукт и выступает в качестве идеального (нематериального) объекта [2].

Объектами педагогического проектирования могут выступать педагогические системы, педагогический процесс, педагогические ситуации, педагогический прогноз результатов деятельности обучающихся и самого преподавателя.

Педагогическая система как объект выступает в форме взаимодействия различных взаимосвязанных структурных компонентов, которые объединены единой целью. А. М. Новиков в качестве элементов квалификации педагогической системы определяет: цель, содержание, средства и формы обучения, а также субъектов образовательного процесса в лице преподавателя и обучающихся.

Педагогический процесс представляет собой совокупность следующих друг за другом этапов, в рамках которых реализуются соответствующие каждому из этапов цели и задачи.

Педагогическая ситуация как объект педагогического проектирования всегда существует в рамках какого-либо педагогического процесса, а через него – в рамках определённой подсистемы.

В качестве принципов реализации педагогического проектирования С. С. Ермолаева добавила следующие принципы:

1) принцип диагностического целеполагания, который предполагает возможность в рамках педагогического проектирования определять образовательный процесс как предсказуемое и целенаправленное воздействие на субъектов обучения;

2) принцип последовательности, содержание которого базируется на системе поэтапных шагов, которые представляют собой деятельность педагога по выстраиванию как личной педагогической работы, так и комплексной организации учебных занятий;

3) принцип продуктивности, включает в себя идеи и принципы, о необходимости качественной реализации трудовой деятельности, итог которой будет представлен в достижении значимого результата; более того данный результат будет положен в основу процедуры оценивания эффективности работы педагога;

4) принцип системности, который, по мнению С. С. Ермолаевой, означает рассмотрение образовательного процесса как целостной системы [3].

Технологической основой проектноориентированной системы повышения квалификации педагогических кадров является модель «перевернутого обучения». М. В. Кларин пишет, что это «остроумный способ работы с учебными материалами: изложение материала и выполнение заданий меняется местами» [5]. На учебных занятиях курсанты образовательных организаций МВД России осваивают теоретический материал самостоятельно, совершенствуя навыки работы с информацией, её поиска и анализа. Материал курса для самостоятельного изучения может быть представлен в нескольких

формах в зависимости от тематики учебного занятия: курс лекций, перечень практических заданий и семинарских задач, видеолекции и другие материалы, предоставленных преподавателем. Самостоятельная работа курсантов осуществляется под строгим наблюдением и контролем преподавателя, действия которого ориентированы на определение основных направлений работы курсантов и недопущения их отклонения в рамках заданного вектора работы (поддержание дисциплины в аудитории, корректировка рассуждение курсантов и т. п.). Такое построение обучения повышает уровень творческой деятельности обучающихся и их самостоятельность. Кроме того, в рамках данного типа занятий курсант имеет возможность обращаться к повторению пройденного ранее материала неоднократное количество раз (в зависимости от его личной необходимости), поскольку все необходимые для него наработки по самостоятельно изученному материалу им уже были выведены и зафиксированы. Попутно он может обратиться к дополнительным источникам информации и ресурсам.

Ценность «перевернутого обучения» раскрывается в возможности использовать учебное время для выстраивания работы обучающихся в группах. В рамках таких занятий есть возможно продемонстрировать теоретические знания и практические умения в процессе взаимодействия друг с другом, решая ту или иную практическую ситуацию. Применение проектно-ориентированной системы предполагает выделение команды как основной организационной единицы развития и обучения.

Таким образом, в рамках проектноориентированной системы происходит два взаимонаправленных процесса:

- преобразование преподавателем подходов в его педагогической деятельности, его новая роль заключается в выполнении функций координатора, который консультирует, мотивирует, фасилитирует и наблюдает за тенденциями теоретического и практического освоения изученного материала обучающимися.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить следующее:

- педагогическое проектирование является важной составной частью как самого образовательного процесса, в рамках которого обучающиеся осваивают приобретенные знания, умения и навыки, так и в качестве эффективного средства повышения квалификации педагогов образовательных организаций МВД России;

- оно преобладает над традиционной формой преподавания, поскольку отвечает требованиям образовательных стандартов по практической социальной деятельностью обучающихся образовательных организаций МВД России;

- обеспечивает развитие способности к критическому мышлению у субъектов обучения, помогая будущим специалистам самостоятельно учиться анализировать и принимать решения по нестандартным социально значимым проблемам;

- способствует развитию творческого потенциала педагога, помогая формировать индивидуальный подход к системному преподаванию учебных программ через средства технологий педагогического проектирования;
- обеспечивает процессы создания, разработки и внедрения инновационных методик и подходов в образовательный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланова-Топоркова М. В. Педагогика и психология высшей школы. Учебное пособие. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 544 с. ISBN 5-222-02284-6.
2. Гальперин П. Я. Введение в психологию : учебное пособие для вузов. – 2-е изд. – Москва : Книжный дом «Университет», 2000. – 336 с. ISBN 5-8013-0070-8.
3. Ермолаева С. С. Педагогическое проектирование: структура, функции и принципы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 1. – С. 249-254.
4. Касаткина Н. Э., Лях Ю. А. Сущность педагогической технологии и педагогического проектирования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 4–5.
5. Кларин М. В. Инновационные модели обучения: Исследование мирового опыта: монография / М. В. Кларин. – Москва : Луч, 2018. – 640 с.
6. Столяренко Л. Д. Педагогика : учебник для учащихся педагогических колледжей. – Ростов-на-Дону : Феникс, – 2000. – 444 с.
7. Фетисов А. С. Актуальные проблемы личностно-профессионального становления педагога: вызовы, тенденции и перспективы // Сборник научных статей II Международного форума, посвященного Году семьи / Воронеж. – 2024.

УДК 378.1

А. А. Лагута¹
Научный руководитель Д.О. Савочкина²

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ УСТАНОВЛЕН АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР

В статье анализируются организационные и правовые аспекты проведения индивидуальной профилактической работы участковым уполномоченным полиции с лицами, находящимися под административным надзором.

Рассмотрены особенности работы участкового уполномоченного полиции с данной категорией лиц, и выделены основные обязанности в этом направлении деятельности.

Ключевые слова: административный надзор; индивидуальная профилактическая работа; участковый уполномоченный полиции.

INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER WITH PERSONS UNDER ADMINISTRATIVE SUPERVISION

The article analyzes the organizational and legal aspects of individual preventive work by the district police officer with persons under administrative supervision. The features of the work of the district police officer with this category of persons are considered, and the main responsibilities in this area of activity are highlighted.

Key words: administrative supervision; individual preventive work; district police commissioner.

Актуальность заявленной темы обусловлена повышением внимания ученых к индивидуальной профилактической работе участковых уполномоченных полиции с отдельными категориями лиц, в том числе с лицами, состоящими под административным надзором. Законодатель определил в Приказе МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [4], что одной из задач участкового уполномоченного является осуществление наблюдения за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленным судом временных ограничений их прав и свобод. Это подразумевает

¹ А.А. Лагута, курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.
² Дарья Олеговна Савочкина, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

под собой действия сотрудника по предупреждению и пресечению совершения повторных преступлений и иных правонарушений, а также сюда входит само профилактическое воздействие на лиц для защиты интересов граждан и государства.

Для реализации этой функции участковому уполномоченному полиции необходимо регулярно осуществлять профилактические беседы, консультации по оказанию поддержки данной категории лиц. Кроме этого, сотрудник предоставляет лицу, состоящему под административным надзором, информацию в социальной и правовой сфере. Это может быть внесение поправок в законодательство РФ, информация об определенных местах, которое можно посещать поднадзорному, возможных вариантах трудоустройства и тому подобное.

Индивидуальные профилактические работы заключаются в необходимости учитывать психологические и иные специфические особенности каждого конкретного поднадзорного лица, а также воспринимать факторы, которые могут повлиять на их потенциальное поведение. Сюда можно включить анализ семейной обстановки лица, наличие определенных триггеров заключения под стражей или всего того, что может поспособствовать совершению правонарушения или преступления, а также необходимость обеспечить безопасность окружающих, которые взаимодействуют с лицом.

Рассматривая тему особенностей осуществления участковыми уполномоченными полиции индивидуальной профилактической работы с лицами, в отношении которых установлен административный надзор необходимо упомянуть Федеральный закон от 06.04.2011. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», который дает понятия определения административный надзор, административное ограничения и поднадзорное лицо. Раскрывая эти понятия, сотрудникам дается четкое понимание законодателя к правовым характеристикам таких лиц и необходимости применения мер принуждения в области административного надзора [2].

Подвергаясь административному надзору, лица должны соблюдать определенные правила и обстоятельства, установленные законодательством. Это может включать надлежащую регистрацию в органах власти по месту жительства, соблюдение определенного режима в случае административного ареста, прохождения обязательного медицинского обследования, выплату штрафов и иных финансовых санкций.

Правовое регулирование административного надзора осуществляется специальными законами и нормативными правовыми актами, определяющими порядок и условия применения данной меры. Обязанности и права лиц, подвергающихся административному надзору, также устанавливаются законодательством. Среди них могут быть ограничения по посещению определенных мест, запрет на употребление алкоголя или наркотических веществ, а также требования относительно выполнения обязательств перед государством или пострадавшими от правонарушения.

Регламентация порядка осуществления административного надзора установлена Приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Именно в этом приказе упомянута роль в осуществлении административного надзора участковым уполномоченным полиции. Особенностью данной деятельности является взаимодействие участкового уполномоченного полиции с иными правоохранительными органами [5, с. 30].

Основная функция участковых уполномоченных полиции, согласно данному приказу [3], осуществляется посредством проведения систематического мониторинга и контроля за деятельностью данных лиц с целью предупреждения возможных правонарушений или обеспечения их исправления. Такая индивидуальная профилактическая работа включает в себя различные меры, такие как предупреждение, предостережение, назначение контрольных лиц, а также регистрация и анализ полученной информации в ходе взаимодействия с иными правоохранительными органами. Это позволяет определить потенциальные риски и принимать необходимые меры для предотвращения правонарушения.

Кроме психологического воздействия на лиц, в отношении которых установлен административный надзор, участковый уполномоченный обязан вести документацию, связанную с ними. Например, при ведении паспорта административного участка сотрудники делают отметки о количестве поднадзорных, проживающих у них на территории, о поведении данных лиц, их уходе и прибытии к месту жительства или пребывания, составляют акт результатов посещения поднадзорного лица по месту жительства, ведут журнал учета этих лиц и многие другие документы, которые в будущем прикрепляются в их дело.

Следует упомянуть Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1], который дает возможность применять меры пресечения по определенным обстоятельствам, перечисленным в законе, поэтому участковому уполномоченному полиции нужно тщательно изучать нормативную базу, которой он руководствуется при исполнении своих полномочий. Следует отметить, что эффективность законодательства во многом зависит от квалификации и профессионализма участковых уполномоченных полиции, их способности правильно оценивать ситуации и применять соответствующие меры. От этого зависит снижение уровня правонарушений и обеспечение безопасности в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод, что индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции является важным инструментом правопорядка и общественной безопасности. Она направлена на создание условий для предупреждения правонарушений, рецидивов и воспитания лиц в соответствии с законом и основными нормами общественного поведения. Грамотное и эффективное проведение индивидуальной

профилактической работы способствует укреплению статуса правового государства и содействует поддержанию общественного порядка на всей территории Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023).

2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023).

3. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023).

4. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2023).

5. Onokolov, Yu. P. Administrative supervision is a tool of both private and general prevention of crimes and other offences // The Topical Issues of Public Law. – 2013. – № 12(24). – P. 26–36.

УДК 351.741

Д. И. Лосев¹,
Научный руководитель О. В. Тепляков²

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы формирования электронного правительства в Российской Федерации. Анализируются ключевые нормативные правовые акты, регулирующие процесс создания и развития электронного правительства.

Исследуются основные этапы и направления реализации концепции электронного правительства в России. Выявляются проблемы и перспективы дальнейшего развития электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство; информационное общество; информационно-коммуникационные технологии; государственное управление; государственные услуги.

¹ Д. И. Лосев, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета.

² Олег Викторович Тепляков, кандидат юридических наук, доцент.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF E-GOVERNMENT

The article examines the constitutional and legal foundations for the formation of e-government in the Russian Federation. It analyzes the key regulatory legal acts governing the process of creating and developing e-government. The main stages and directions of implementing the e-government concept in Russia are investigated. Problems and prospects for further development of e-government are identified.

Key words: e-government; information society; information and communication technologies; public administration; public services.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в XXI веке привело к глобальной трансформации всех сфер общественной жизни. Одним из ключевых направлений данной трансформации стало активное внедрение ИКТ в систему государственного управления. Это послужило основой для формирования концепции электронного правительства, направленной на повышение эффективности взаимодействия государства, граждан и бизнеса посредством использования современных цифровых технологий.

В Российской Федерации идея создания электронного правительства начала активно развиваться в начале 2000-х годов. Правовой основой для этого стал ряд важнейших нормативных актов, принятых на федеральном уровне. Прежде всего, следует отметить Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002–2010 годы)», утвержденную постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 [1]. Данная программа заложила концептуальные основы формирования в нашей стране единого информационного пространства и развития инфраструктуры электронного правительства.

Следующим важным шагом стало принятие в 2008 году Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) [2]. Стратегия определила цели, задачи и основные направления государственной политики в области использования и развития ИКТ, в том числе для повышения эффективности государственного управления. В том же году распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р была утверждена Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года [3]. Концепция закрепила основные принципы и этапы создания инфраструктуры электронного правительства в нашей стране.

Важной вехой в развитии правовых основ электронного правительства стало принятие в 2010 году Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4]. Закон установил общие требования к порядку предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной

форме. Он закрепил право заявителей на получение услуг в электронной форме с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг, определил основные требования к порядку информирования о предоставлении услуг, подачи заявлений и иных документов в электронной форме.

Примером успешного использования технологий электронного правительства для повышения качества взаимодействия граждан и государства является Единый портал государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru). Портал обеспечивает доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предоставляет возможность подачи заявлений на получение услуг в электронной форме. В настоящее время на портале зарегистрировано уже более 100 млн пользователей, ежемесячно оказывается свыше 200 млн электронных услуг. Наиболее популярными среди них являются услуги по регистрации транспортных средств, оформлению паспортов, получению информации о налоговой и судебной задолженности и др.

Активное внедрение технологий электронного правительства способствует повышению качества государственного управления, снижению уровня коррупции, оптимизации бюджетных расходов. По оценкам экспертов, перевод государственных услуг в электронный вид позволяет сократить временные и финансовые затраты на их оказание на 30-40%. При этом повышается скорость и удобство получения услуг для граждан и организаций, минимизируются коррупционные риски за счет исключения личных контактов с чиновниками.

Вместе с тем, процесс формирования электронного правительства в России сопряжен с рядом проблем и трудностей. Одной из них является необходимость обеспечения высокого уровня информационной безопасности и защиты персональных данных при предоставлении электронных услуг и межведомственном обмене информацией. Это требует постоянного совершенствования систем защиты информации, внедрения современных технологий шифрования и аутентификации пользователей.

Другой проблемой является недостаточный уровень интеграции государственных информационных систем, используемых различными ведомствами. Зачастую они создаются независимо друг от друга, имеют несовместимые форматы данных и протоколы обмена. Это затрудняет эффективное межведомственное взаимодействие и предоставление комплексных государственных услуг. Для решения данной проблемы необходима разработка единых стандартов и требований к государственным информационным системам, обеспечение их технологической совместимости.

Несмотря на указанные трудности, дальнейшее развитие электронного правительства в России имеет большие перспективы. Этому способствует активная государственная политика в сфере цифровизации, нацелен-

ная на ускоренное внедрение передовых ИКТ во все сферы жизни. Ключевым документом, определяющим стратегические направления данной политики, является национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Она предусматривает комплекс мероприятий по созданию необходимых правовых, технических и организационных условий для цифровой трансформации экономики и социальной сферы.

Подводя итог, можно констатировать, что формирование электронного правительства является одним из ключевых направлений модернизации системы государственного управления в Российской Федерации. За прошедшие годы в данной сфере был достигнут значительный прогресс – созданы необходимые правовые и организационные основы функционирования электронного правительства, внедрен широкий спектр электронных сервисов для граждан и организаций. Вместе с тем, потенциал использования ИКТ в государственном управлении еще далеко не исчерпан. Дальнейшее развитие электронного правительства будет способствовать повышению качества и доступности государственных услуг, укреплению доверия граждан к институтам власти, формированию в России подлинно цифрового общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» (утв. Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 N 65).
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 N Пр-212).
3. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 N 632-р).
4. Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

УДК 342.9:004

В. А. Пермякова¹,
Научный руководитель В. Н. Смирнов²

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Развитие прав человека в рамках международного права имеет долгую и сложную историю. Свое начало оно берет еще с античных времен со своими философами, а заканчивается образованием международных договоров, которые направлены на защиту как самой личности, так и ее прав.

Представления о правах человека изменялись с течением времени и зависели от различных факторов: социальных, политических, культурных. Осознание истории развития прав человека в международном праве позволит более глубоко понять значение этих прав как основы демократии.

Ключевые слова: история; права человека; международное право; Декларация; Конвенция; документ.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW

The development of human rights within the framework of international law has a long and complex history. It originates from ancient times with its philosophers, and ends with the formation of international treaties aimed at protecting both the individual and his rights. Perceptions of human rights have changed over time and have depended on various factors: social, political, and cultural. Understanding the history of the development of human rights in international law allows for a deeper understanding of the importance of these rights, namely as the basis of democracy.

Key words: history; human rights; international law; Declaration; Convention; document.

Права человека – это некоторые правила, которые обеспечивают защиту не только достоинства, но и свободы каждого отдельно взятого человека.

Свое особое значение права человека в рамках международного права изначально получили при закреплении во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН. «Всеобщее понимание характера прав человека имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства» [3, с. 66], а именно они обладают такими качествами как неотчуждаемость и неотъемлемость.

Целью данного исследования является рассмотрение процесса развития

¹ В. А. Пермякова, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

² Виктор Николаевич Смирнов, кандидат педагогических наук.

истории формирования прав человека в международном праве, известных документов и объединений, и организаций, их создавших.

Идеи о правах человека берут свое начало еще с времен Платона и Аристотеля – великих античных философов. Платон в своих работах разрабатывал идеи государства, в котором не существовало бы разделение на свободных и зависимых людей. Он выступал за равноправие между мужчинами и женщинами. Данные мысли и предложения получили свое развитие в работах Аристотеля. Философ подошел к проблеме изучения и развития прав человека более основательно. Изначально Аристотель признавал природу человека как нечто разумное, как абсолютное составляющее самих людей.

Если начинать говорить про Средневековье, то права человека были в тесной зависимости от христианства. Одним из ярких представителей развития прав человека является Фома Аквинский. Он был уверен, что основополагающая цель государства – это охрана всеобщего блага, которое способствовало бы обеспечению условий для самодостаточной жизни человека. Философ делал акцент на возможность как отдельного, так и совместного взаимодействия для свержения не угодных политических установок, имеющих в себе тиранические наклонности.

Развитие идеи индивидуальных прав получили в эпоху Просвещения. Среди известных философов, занимающихся данным вопросом, можно назвать таких как Гоббс, Монтескье, Кант и др. На рубеже XVII–XVIII вв. провозглашается независимость отдельного человека, а именно отдельной личности, хотя раньше автономность приписывалась только к целому роду или, например, нации. Концепция прав человека выражается в верховенстве прав самого человека как индивида во взаимоотношениях между государством. В данном случае идет речь об ограничении правящей верхушки правами человека.

Существует ряд документов, отражающих идеи прав человека. Одним из таких является «Великая хартия вольностей», принятая в Англии в 1215 г. Данный документ содержал в себе статьи, например, позволяющие каждому свободному человеку обращаться к королю, если первый нуждается в какой-либо помощи, а именно по вопросам нарушения его свободного держания или отказа в правосудии и т. д. Всецело Хартия содержала в себе определенные права человека, которыми мог обладать любой не зависимо от его социального положения и статуса. Именно она дала толчок для закрепления данного принципа в последующих каких-либо Декларациях прав человека и конституций различных стран мира.

Следующим документом является вышеупомянутая Всеобщая декларация прав человека. Если говорить о ней подробнее, то она представляет собой первое масштабное определение прав, которыми обладает абсолютно любой человек. Этот международно-правовой документ имеет больше рекомендательный характер, нежели официальный, юридический. Сам факт принятия данной декларации являлся отправной точкой для начала развития

и подписания различного рода договоров, затрагивающих права человека, которые в свою очередь послужили образованию так называемых специальных конвенционных механизмов контроля за соблюдением этих прав [1 с. 37].

Еще одним важным международным договором выступает Европейская Конвенция о защите прав человека, которая была подписана в Риме 4 ноября 1950 г., но получила свою юридическую значимость после вступления в силу в 1953 г. В данном договоре государства преследовали определенную цель – установление наднациональных норм, которые были обязательны для соблюдения в отношениях власти и отдельного лица [2, с. 4]. Конвенция также была призвана не только дополнить Декларацию прав человека, но и подтвердить основную роль деятельности Европейского Союза в процессе разработки и совершенствования демократических институтов прав человека.

В настоящее время существует также феномен международной защиты прав человека. Он основан на научно-техническом прогрессе, который разделен на два полюса: первый – иметь развитие в рамках одного определенного государства, второй – желание сотрудничать с различными странами, дабы развиваться и делиться своими достижениями.

Защита прав человека – это основополагающая цель современного демократического государства, основанного на праве. В ходе своего развития именно такое государство смогло прийти к выводу, что человек является высшей ценностью природы, который благодаря социализации формируется как личность.

Выделяют несколько видов защиты – судебная защита и самозащита. Наиболее эффективной выступает именно судебная, так как суд представляет собой отдельную ветвь власти. Суд является гарантом обеспечения прав человека. Если говорить о самозащите, то она выражается не только фактически, но и юридически. Осуществляется такой вид защиты человеком самостоятельно от посягательств на его права. Под самостоятельностью подразумевается отказ от обращения в государственные органы с заявлениями о нарушении их законных прав.

В данной статье была рассмотрена история прав человека в международном праве на основе рассмотрения некоторых основных документов о правах человека. В заключение хочется отметить, что права человека развиваются с огромной динамикой. История прав человека в рамках международного права – маячок, напоминающий о ценностях, которыми обладает человек. С каждой новой эпохой в истории появляются новые права, а также способы их защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А. Б. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ в сфере прав человека: к 70-летию принятия // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2019. – Т. 15. – С. 37–43.

2. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. – Litres, 2022.

3. Яценко О. В. Концептуальная значимость прав человека и гражданина в национальном и международном праве // Вестник ТИУиЭ. – 2020. – № 1(31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-znachimost-prav-cheloveka-i-grazhdanina-v-natsionalnom-i-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 01.10.2024).

УДК 341.9.018

М. И. Савенков¹

Научный руководитель В. Н. Смирнов²

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КАК ОСНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

В данной статье рассматривается роль теории государства и права в системе юридических наук. Также в статье указывается значимость представленной науки как базовой правовой науки, необходимой для изучения остальных правовых наук.

Понимание значения курса позволяет развить критическое мышление, которое обязательно как для анализа, так и для возможности объяснения юридических норм. В условиях глобализации происходит возникновение абсолютно новых вопросов в рамках правового регулирования, что требует от теории государства и права быстрого эффективного реагирования на изменения.

Ключевые слова: теория государства и права; классификация правовых наук; юридические науки; цели и задачи теории государства и права

THEORY OF STATE AND LAW AS A BASIS FOR THE STUDY OF LEGAL SCIENCES

This article examines the role of the theory of state and law in the system of legal sciences. The article also indicates the importance of the presented science as a basic legal science necessary for the study of other legal sciences. Understanding the meaning of the course allows you to develop critical thinking, which, in turn, is necessary both for analysis and for the possibility of explaining legal norms. In the context of globalization, absolutely new issues arise within the framework of legal regulation, which requires the theory of state and law to respond quickly and effectively to changes.

Key words: theory of state and law; classification of legal sciences; legal sciences; goals and objectives of the theory of state and law.

¹ М. И. Савенков, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

² Виктор Николаевич Смирнов, кандидат педагогических наук.

«Теория государства и права» является одной из главных дисциплин юридических наук, а также представляет собой фундамент для изучения и понимания правовых институтов и механизмов. Она создает и систематизирует знания, которые используются во всех юридических науках.

Данная наука существует, как энциклопедия, включающая в себя систему терминов и понятий, необходимых для изучения остальных правовых наук. Для обозначения роли и места теории государства и права в системе юриспруденции необходимо изучить её статус.

Существует множество классификаций юридических наук, но обращаясь к В. С. Нерсисянцу, можно разделить дисциплины на три группы:

1) **Фундаментальные.** К такой группе относятся науки теоретической и юридической направленности, такие как теория государства и права, история политических и правовых учений. Роль данных наук заключается в создании и обобщении знаний о государстве и праве. На созданной базе знаний формируется понятийный аппарат и система отраслевых правовых наук.

2) **Отраслевые.** Данная группа правовых дисциплин проводит изучения в области конкретных юридических институтов, которые сложились в данном государстве и регулируются нормами права действующего законодательства (уголовное право, административное право, семейное право и т. д.)

3) **Прикладные.** Данные науки функционируют за счет естественных и технических наук для работы над юридическими вопросами (криминалистика, судебная медицина, юридическая психология и т. д.) [1, с. 16]

Исходя из данной классификации можно выделить теорию государства и права как ведущую дисциплину. Она является теоретической базой для всех правовых дисциплин. По мнению В. Д. Перевалова, «курс теории государства и права является первой и завершающей учебной дисциплиной в процессе получения профессионального юридического образования» [2, с. 19].

Цель курса теории государства и права заключается в предоставлении обучающимся юридической терминологии, а также их подготовке к изучению остальных правовых дисциплин.

Основными задачами теории государства и права является:

- приобретение знаний о правовых явлениях;
- выработка умений по самостоятельному анализу литературы и дача ей справедливой оценки;
- анализ и изучение норм и источников права, а также теории правоотношений;
- изучение правового государства и гражданского общества.

Главной задачей курса «Теория государства и права» является подготовка студентов к обязательному познанию как закономерностей, так и процесса развития самого государства и права. Для реализации данных задач дисциплина предполагает огромный круг материальных источников по каждой представленной к изучению теме.

Курс «Теория государства и права» состоит из нескольких частей, совокупность которых позволяет будущим специалистам овладеть навыками работы в правотворческой и правореализующей деятельности.

Первая часть курса называется «Теория государства». Она включает в себя базовые понятия, относящиеся как к государству, так и к праву, предмет и объект исследования, которые помогут обучающимся с изучением курса «Теория государства и права».

Вторая часть – это сама теория государства. Основой направления исследования является публичная власть, как средство функционирования современной цивилизации. Также стоит отметить, что совместно с познанием государства формируется зачатки для более эффективного усвоения положений правовой теории.

Если говорить про третью составную часть дисциплины, то она состоит из «Теории права». Исследования данной теории несут в себе описание нормативного регулирования, которое обеспечивается государством. Такое регулирование также выражается в виде средства функционирования современной цивилизации. В данном случае уяснение теории права способствует действительному овладению не только отраслевых, но и различных специальных дисциплин вузов юридической направленности.

Заключительная четвертая часть курса представлена совокупностью таких понятий как человек, государство и право в рамках развития мира в современных реалиях. Направленность части обращена на постижение действующих условий и механизмов, благодаря которым возможно взаимодействие между государством и социумом. [3, с. 34]

В ходе данного исследования была рассмотрена значимость «Теории государства и права» как важнейшей дисциплины в составе юридического образования, играющую при этом главную роль в процессе развития не только правового мышления, но и осознания основы правовых явлений. Дисциплина порождает желание к пониманию различных юридических норм и положений, а после к их практическому применению в реальных условиях деятельности как юристов, так и государственных служащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. – Москва : Норма, 2001. – 560 с.
2. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 341 с.
3. Теория государства и права : учебное пособие / Головкин Р. Б. [и др.]. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 241 с.

УДК 340.12

К. И. Савченко¹
Научный руководитель А. В. Кирнос²

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу правовой культуры и правового сознания курсантов образовательных организаций МВД России как важным аспектам квалификационной подготовки будущих правоохранителей.

Рассматриваются ключевые факторы формирования правовой культуры, включая теоретическое образование и практический опыт, а также значение критического мышления и психологических аспектов в принятии профессиональных решений. Исследуются мнения специалистов о необходимости междисциплинарного подхода в обучении, что способствует более эффективному правоприменению.

В заключении подчеркивается, что комплексное развитие правовой культуры и сознания курсантов является залогом успешной деятельности МВД России в будущем, позволяя формировать высококвалифицированный и морально ответственный кадровый состав.

Ключевые слова: правовая культура; правовое сознание; особенности формирования; особенности развития; курсанты МВД России.

LEGAL CULTURE AND LEGAL CONSCIOUSNESS OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the legal culture and legal consciousness of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as important aspects of the qualification training of future law enforcement officers. It examines the key factors in the formation of legal culture, including theoretical education and practical experience, as well as the importance of critical thinking and psychological aspects in making professional decisions. The opinions of experts on the need for an interdisciplinary approach in training, which contributes to more effective law enforcement, are being investigated. In conclusion, it is emphasized that the comprehensive development of the legal culture and consciousness of cadets is the key to the successful activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the future, allowing the formation of highly qualified and morally responsible personnel.

Key words: legal culture; legal consciousness; peculiarities of formation; peculiarities of development; cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

¹ Кира Игоревна Савченко, курсант Воронежского института МВД России.

² Андрей Викторович Кирнос, начальник кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат политических наук, доцент.

Правовая культура и правовое сознание курсантов образовательных организаций МВД России представляют собой важные аспекты квалификационной подготовки будущих правоохранителей. Формирование этих элементов связано с многими факторами, начинающимися с базового юридического образования и заканчивающимися практическим опытом службы. В условиях быстро меняющегося правового поля и социальных реалий, правовая культура становится важным инструментом для осознания курсантами не только своих прав и обязанностей, но и ценностей, лежащих в основе правопорядка. Научные исследования подчеркивают значимость интеграции теоретических знаний с практическими навыками, что способствует более глубокому пониманию правовой системы. Курсантам важно не только овладеть нормами права, но и уметь анализировать правовые ситуации с различных точек зрения. Психологические аспекты формирования правового сознания также играют ключевую роль, ибо личные убеждения и моральные ориентиры курсантов влияют на их профессиональное поведение и принятие решений в условиях стресса [1, С. 88]. Комплексный подход к развитию правовой культуры и сознания курсантов является залогом эффективной работы МВД России в будущем.

Формирование правовой культуры начинается с осознания ценности закона как инструмента регулирования общественных отношений. По мнению профессора И. М. Бондаренко, «правовая культура включает в себя не только знание законов, но и умение применять их в жизни» [2, С. 45]. Курсантам необходимо развивать критическое мышление, чтобы осмысливать законодательные нормы в контексте реальной практики. Важным аспектом является и воспитание правосознания, которое формируется через изучение истории законодательства, прав человека и этических норм. Как отметил доктор юридических наук А. С. Петров, «правосознание является тем фундаментом, на котором строится правовая культура» [3, С. 123]. Исследования известного российского юриста и ученого Алексея Ивановича Смирнова освещают основные элементы формирования не только профессиональной идентичности будущих правоохранителей, но и общей правовой среды страны. В своей работе он подчеркивает, что правовая культура включает в себя как знания и навыки, так и ценности и установки, которые формируются в процессе обучения и практической деятельности [4, С. 78]. Смирнов отмечает, что правовое сознание курсантов развивается в контексте специфических социальных условий, требований профессиональной среды и личной мотивации. Он акцентирует внимание на важности преподавания не только теоретических основ права, но и практических навыков, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей. В результате, формирование правовой культуры и правового сознания становится задачей комплексного подхода, включающего методические иннова-

ции и активное вовлечение курсантов в правоприменительную деятельность. Эти аспекты способствуют созданию высококвалифицированного кадрового состава, готового к выполнению задач, стоящих перед МВД России. Важной составляющей правовой культуры является привитие ценностей служения обществу и соблюдения правопорядка. Курсантам необходимо осознать, что их будущая работа связана не только с применением закона, но и с защитой прав человека, обеспечением справедливости. Это требует развития эмпатии и понимания социального контекста, в котором они будут действовать. Как отмечает профессор Н. В. Максимова, «профессиональная этика правоохранителя должна быть неотъемлемой частью его правового сознания» [5, С. 34]. Также стоит отметить необходимость междисциплинарного подхода в обучении. Знания в области психологии, социологии и культуры помогают курсантам лучше понять мотивацию и поведение граждан, что способствует более эффективному правоприменению. В этом контексте важным является формирование навыков анализа и оценки ситуаций, что позволит курсантам принимать быстрые и обоснованные решения в условиях неопределенности. Комплексное взаимодействие теории и практики, развитие личных качеств и укрепление этических оснований способствуют тому, что курсанты образовательных организаций МВД России становятся не только высококвалифицированными специалистами, но и морально ответственными гражданами, готовыми к служению народу. Специфика сознания курсантами правовой культуры проявляется в постепенном формировании целостного восприятия закона как инструмента социальной справедливости и порядка.

На начальном этапе, вступая в вузы МВД, курсанты сталкиваются с основами юридического знания, что способствует их осознанию важности законодательства. В этот период происходит активное знакомство с правовыми нормами и их назначением, что закладывает базу для дальнейшего развития правового сознания. Следующим этапом является интеграция практических навыков в теоретическое обучение, что происходит через участие в семинарах и практических занятиях. Курсантам предоставляется возможность применять полученные знания в смоделированных ситуациях, что усиливает их уверенность в интерпретации и реализации закона [6, С. 45-50]. Это не просто усвоение информации, а становление личной ответственности за соблюдение правопорядка. К концу обучения, когда курсанты начинают осознавать свои профессиональные обязанности, они формируют внутренние ориентиры и моральные принципы, интегрированные в практическую деятельность. Это осознание приходит через взаимодействие с опытными наставниками, проработку сложных правовых ситуаций и участие в реальных делах, что способствует окончательному формированию правового сознания, готового к служению обществу.

Таким образом, правовая культура и правовое сознание курсантов образовательных организаций МВД России выступают важными факторами в

формировании нового поколения правоохранителей, способных не только сохранить порядок, но и обеспечить соблюдение прав человека. Обучение должно быть ориентировано на интеграцию теоретических знаний и практических навыков, что позволит будущим специалистам уверенно действовать в различных правовых ситуациях и принимать взвешенные решения. Курсантам необходимо понимать, что их профессия требует постоянного самосовершенствования и адаптации к изменениям в правовом поле. Овладение навыками критического мышления и эмпатии облегчает процесс взаимодействия с гражданами и способствует созданию доброжелательной атмосферы в правоохранительной среде. Недостаток этих качеств может привести к недостаточной эффективности работы правоохранительных органов. Поэтому комплексный подход к обучению и воспитанию курсантов, учитывающий как юридические, так и социальные аспекты, является ключом к успешной подготовке высококвалифицированных и морально ответственных профессионалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров П. И. Психология и правоприменение: междисциплинарный подход. – Новосибирск : Вузовское издательство, 2022. – 88 с.
2. Бондаренко И. М. Правосознание и правовая культура: взгляд на современность. Учебное пособие. – Москва : Юрайт, 2020. – 45 с.
3. Петров А. С. Основы права и правосознания. – Москва : Наука, 2019. – 123 с.
4. Смирнов А. И. Профессиональная идентичность правоохранителей: проблемы и перспективы. – Москва : Российская академия наук, 2021. – 78 с.
5. Максимова Н. В. Этические аспекты правоохранительной деятельности : монография – Москва : Гуманитарный университет, 2022. – 34 с.
6. Фёдоров В. Н. Влияние правового образования на правовое сознание курсантов // Право и общество – 2023. – № 4. – 45–50.

УДК 340

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Статья посвящена историко-правовому анализу становления и развития конституционализма в России. Рассматриваются теоретико-правовые основы и содержание российского конституционализма, его особенности на разных исторических этапах. Анализируются проблемы развития конституционализма в современной России и перспективы его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: конституционализм; конституция; разделение властей; права и свободы; правовое государство.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM IN RUSSIA

The article is devoted to the historical and legal analysis of the formation and development of constitutionalism in Russia. The theoretical and legal foundations and content of Russian constitutionalism, its historical stages, and the peculiarities at each stage are considered. The problems of the development of constitutionalism in modern Russia and the prospects for its further improvement are analyzed.

Key words: constitutionalism; constitution; separation of powers; rights and freedoms; rule of law.

Становление и развитие конституционализма в России имеет богатую и сложную историю, обусловленную спецификой политического устройства государства на разных этапах его существования. Идеи конституционализма зарождались в России постепенно, под влиянием западных образцов, но с учетом национальных особенностей и традиций.

Зачатки конституционных идей прослеживаются уже в период Древней Руси. Рассредоточение политической власти между князьями, городскими вече, боярской думой создавало определенные предпосылки для ограничения единоличной власти монарха. Однако о полноценном конституционализме в тот период говорить еще рано.

XIX век стал переломным в развитии конституционных идей в России. Появились первые проекты конституционных преобразований, разработанные видными государственными деятелями и мыслителями. Они предлагали ограничить самодержавие, ввести разделение властей, закрепить права

¹ А. С. Сыровацкая, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета.

² Ирина Александровна Макеева, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке.

и свободы подданных. Однако большинство этих проектов так и осталось на бумаге.

Несмотря на прогрессивность этих проектов, самодержавие не спешило воплощать их в жизнь. Лишь под давлением революционных событий начала XX века власть пошла на уступки. Манифест 17 октября 1905 года впервые закрепил гражданские права и свободы, а также создание представительного органа – Государственной Думы. Основные законы 1906 года ограничили власть монарха, хотя и не до конца [1, с. 118].

Революция 1905–1907 гг. дала мощный толчок конституционному процессу. Царское правительство было вынуждено пойти на серьезные уступки. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» провозгласил дарование гражданских свобод и создание законодательного органа – Государственной Думы. Таким образом, самодержавие трансформировалось в конституционную монархию.

Новый этап развития конституционализма наступил после революции 1917 года и создания Советского государства. Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1924 и 1936 годов провозглашали принципы социалистической демократии, права трудящихся, но на деле устанавливали диктатуру партии. Административно-командная система препятствовала реализации конституционных норм [2, с. 7].

Советские конституции, безусловно, имели большое значение в утверждении нового общественного строя. Они закрепляли власть трудящихся, общественную собственность на средства производства, равноправие граждан. В то же время многие конституционные положения носили декларативный характер и не подкреплялись реальными механизмами реализации. Права и свободы нередко нарушались в угоду политической целесообразности.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовались демократизацией советского общества, что нашло отражение в конституционных преобразованиях. Были внесены изменения в Конституцию СССР 1977 года, направленные на построение правового государства, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей, прав и свобод личности. Однако процесс реформирования советской политической системы так и не был завершен.

Качественно новый этап наступил в 1990-е годы в связи с распадом СССР и принятием Конституции РФ 1993 года. Она закрепила основы конституционного строя, права и свободы человека, принципы разделения властей, федерализма, идеологического и политического плюрализма. Впервые провозглашалось создание правового государства [3, 75].

Переход России к рыночной экономике и демократическому политическому режиму потребовал кардинального обновления конституционно-правовой базы. Конституция РФ 1993 г. стала основой нового российского конституционализма. Она утвердила принципы правового государства, разделения властей, приоритета прав и свобод человека. Ее положения нередко входили в противоречие с реальной политической практикой 1990-х гг.

Однако реализация этих конституционных принципов на практике сталкивается с серьезными проблемами и противоречиями. Во многом это

связано с недостатками самого текста Конституции, наличием в нем декларативных и неточных формулировок, пробелов в регулировании. Наблюдается дисбаланс в системе разделения властей, неэффективность парламентского контроля.

Развитие российского конституционализма в 2000-е гг. характеризовалось противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдалась централизация власти, усиление роли президента и исполнительной вертикали. С другой – предпринимались попытки совершенствования политической системы, развития институтов гражданского общества, повышения эффективности правосудия. Однако многие начинания остались нереализованными.

Дальнейшее развитие российского конституционализма видится в необходимости конституционных реформ, направленных на совершенствование политической системы страны. Важной проблемой остается разрыв между конституционными нормами и реальной правоприменительной практикой. Конституция еще не стала по-настоящему работающим документом, определяющим жизнь государства и общества. Нередки случаи нарушения конституционных прав граждан, произвола чиновников, неисполнения судебных решений. Преодоление правового нигилизма – одна из ключевых задач на пути развития конституционализма.

При этом важно учитывать исторический опыт и национальные традиции, не допускать слепого копирования западных образцов. Конституция должна быть не застывшим документом, а «живым инструментом», развивающимся вместе с обществом и государством. Только так можно обеспечить построение подлинно демократического, правового и социального государства в России.

Становление конституционализма в России – длительный и непростой процесс, далекий от завершения. Он требует огромных усилий государства и гражданского общества, изменения правосознания и политической культуры. Но именно конституционализм является единственно возможным цивилизованным путем развития нашей страны, способным обеспечить достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обухова О. В., Гнатовская Е. Н. Построение российского конституционализма: история и современность // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020. – № 8 (98), Ч. 2. – С. 149.
2. Алябьева Т. К. Россия: от полураспада к централизации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. – 2018. – № 5. – С. 285–295.
3. Игнатенко В. А. Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020. – № 4 (94), Ч. 2. – С. 88.

УДК 342

Е. В. Трещенко¹,
Научный руководитель А. М. Иванюк²

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ГРУПП В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ КАК СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются угрозы национальной безопасности Российской Федерации, которые приобрели особую актуальность в связи с участием России в специальной военной операции. Автор исследует деятельность запрещенной в РФ террористической организации «Азов» и феномен диверсионно-разведывательных групп. Автор приходит к выводу о том, что в условиях специальной военной операции существует два вида угроз для личности, общества и государства: иные формы ранее существовавших угроз и качественно новые угрозы.

Ключевые слова: национальная безопасность; национальные интересы; специальная военная операция; угрозы; терроризм.

TERRORIST ACTIVITY AND ACTIVITIES OF SABOTAGE AND INTELLIGENCE GROUPS WITHIN THE FRAMEWORK OF A SPECIAL MILITARY OPERATION AS MODERN THREATS TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the threats to the national security of the Russian Federation, which have become particularly relevant in connection with Russia's participation in a special military operation. The author explores the activities of the terrorist organization «Azov» and the phenomenon of sabotage and intelligence groups. The author comes to the conclusion that in the conditions of a special military operation, there are two types of threats to the individual, society and the state: other forms of pre-existing threats and qualitatively new threats.

Key words: national security; national interests; special military operation; threats; terrorism.

Понятие «специальная военная операция» является качественно новым для российской терминологии, хотя зарубежный опыт показывает, что

¹ Е. В. Трещенко, курсант Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

² А. М. Иванюк, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ранее оно уже использовалось в других странах для характеристики боевых действий и вооружённых конфликтов. Так, понятие «специальная военная операция» впервые возникло в полевом уставе США и считалось противоположным термину «война» [1, с. 37]. В отличие от «войны», под «специальной военной операцией» в странах НАТО, согласно полевому уставу США, понимались различные виды небоевых операций по поддержанию мира, а также боевые операции по установлению мира. Тем не менее, в настоящее время понятие «специальная военная операция» в странах НАТО было заменено синонимом – «конфликт низкой интенсивности».

Лишь с 24 февраля 2022 года, с началом масштабных событий на территории Украины, Министерство обороны Российской Федерации впервые использовало понятие «специальная военная операция», получившее широкое распространение на момент 2024 года. Кроме того, Министерство обороны Российской Федерации разъяснило сущность данного понятия, раскрыв его как «совокупность согласованных по целям, задачам, месту и времени специальных действий войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану для достижения определённых целей» [4].

Так, в настоящее время особенно важно сосредоточить усилия на новой трактовке категории «специальная военная операция» как понятия и социального явления, а также глубже вникнуть в процессы будущего развития общества.

Следует отметить, что обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях специальной военной операции осложняется рядом специфических угроз. При этом некоторым из них национальные интересы подвергались ранее, но такие угрозы продолжают развиваться и постепенно приобретать новые формы, а некоторые являются качественно новыми, возникшими в связи с участием России в специальной военной операции.

В настоящее время обеспечение национальной безопасности осложняется всплеском террористической активности. Так, например, существенной проблемой для мирного населения города Мариуполя является деятельность бойцов запрещённой в России террористической организации «Азов», которые регулярно совершают грабежи, а также обстрелы домов местных жителей [3, с. 88]. Говоря об органах внутренних дел как о субъекте обеспечения национальной безопасности, важно заметить, что сотрудники, несущие службу по охране общественного порядка, обязаны принять своевременные меры для задержания членов террористической организации, а в случае выявления грабежей – вернуть похищенное имущество владельцам (собственникам) этого имущества из числа мирного населения.

Кроме того, наиболее резонансным фактом террористической деятельности послужили ракетные обстрелы Запорожской АЭС.

С масштабной террористической деятельностью тесно связана и другая угроза национальной безопасности – деятельность украинских диверси-

онно-разведывательных групп (далее – ДРГ), получивших широкое распространение в связи с началом специальной военной операции [2, с. 57]. Деятельность ДРГ имеет множество сходств с террористической деятельностью. В настоящее время украинские ДРГ ведут активные обстрелы объектов гражданской инфраструктуры, объектов железнодорожной инфраструктуры и административных зданий на всей территории специальной военной операции. При этом обстрелы ведутся с транспортных средств, предназначенных для перевозки миномётов, чтобы по окончании обстрелов появилась возможность в кратчайшие сроки покинуть точки ведения огня. Такие обстрелы приобрели системный характер и координируются Вооружёнными Силами Украины.

Одной из целей ДРГ является дезорганизация деятельности органов внутренних дел путём нанесения неожиданных ударов в местах и времени, которые сотрудники органов внутренних дел не могут предусмотреть заранее. Члены украинских ДРГ стремятся использовать фактор внезапности и нестандартные маршруты подхода, чтобы максимально снизить вероятность предварительного обнаружения и подготовки сотрудников органов внутренних дел к отражению атак. Выбор времени атаки также играет важную роль: не случайно деятельность ДРГ преимущественно осуществляется тогда, когда сотрудники органов внутренних дел менее всего ожидают активность – в выходные и праздничные дни, в ночное время суток, во время плохих погодных условий.

Следовательно, действия ДРГ в условиях специальной военной операции существенно затрудняют обеспечение национальной безопасности. В свою очередь, задачи ДРГ варьируются от сбора ценной информации до уничтожения важных объектов инфраструктуры.

Таким образом, ряд специфических угроз на сегодняшний день является объективной составляющей национальной безопасности. В современной оперативной обстановке существует два вида угроз для личности, общества и государства: которым национальные интересы уже подвергались ранее, но которые также продолжают развиваться и приобретать новые формы (терроризм), а также качественно новые (масштабная деятельность диверсионно-разведывательных групп), которые появились в связи с участием Российской Федерации в специальной военной операции на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боевой устав полевой артиллерии армии США: Тактика и приёмы управления дивизионом и батареей на механической тяге (ФМ 6-101). 1944 г. : Пер. с англ. / Гл. развед. упр. Ген. штаба вооруж. сил СССР. – Москва : Военное изд-во М-ва вооруж. сил СССР, 1947. – 271 с.
2. Модестов С.А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 52–59.

3. Самойлов С. Ф. Террористическая организация полк «Азов» как политический и правовой феномен на Украине // Общество и право. – 2023. – № 2(84). – С. 85–89.

4. Специальная военная операция. Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) (24 февраля 2022). – URL: <https://z.mil.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

Н. А. Швецова¹

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

В научной статье рассматриваются вопросы множественности административных правонарушений, как правового института в системе административно-деликтного права, исследуются правовые аспекты понятия «множественность административных правонарушений», а также предлагается авторское толкование рассматриваемой дефиниции.

Ключевые слова: право; правовой институт; правовая норма; правонарушение; административная преюдиция; множественность; деликтность.

THE MULTIPLICITY OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AS A LEGAL INSTITUTION IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE-TORT LAW

The scientific article examines the issues of the plurality of administrative offenses as a legal institution in the system of administrative and tort law, examines the legal aspects of the concept of «multiplicity of administrative offenses», and also suggests the author's interpretation of the definition under consideration.

Keywords: law; legal institute; legal regulation; offense; administrative prejudice; multiplicity; delicacy.

Изучение представленной проблематики целесообразно начинать с философской позиций – с категорий общего и особенного, общих понятий административно-деликтного права, являющегося подотраслью административного права, то есть с правового института административного правонарушения. Так, в теории права правонарушение выступает одной из важных категорий. Это объясняется тем, что право, зародившись ещё в раннеклассовых обществах, выступало своего рода регулятором, т. к. люди могли наносить вред не только другим лицам, но также всему обществу и государству в целом. По сей день возникают вопросы в области предупреждения

¹ Надежда Алексеевна Швецова, адъюнкт Воронежского института МВД России.

совершаемых деликтов, причин и условий, нарушающих юридические (правовые) предписания и т. п. Исходя из данного тезиса, представления о правонарушении выработывались в ходе многолетних трудов ученых в области теории права.

В самом общем виде, по мнению А. В. Малько, понятие «правонарушение» представляет собой «общественно опасное, противоправное, виновное деяние деликтоспособного субъекта, причиняющее вред общественным отношениям или ставящее их под угрозу причинения вреда, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность» [1, с. 262]. Признак общественной опасности, вытекающий из определения, в настоящее время многие учёные относят только к уголовно-правовой науке. Мы не согласны с данным мнением, т. к. считаем, что общественная опасность, в зависимости от её степени и характера, является свойством любого правонарушения.

По мнению Н. А. Власенко, правонарушением является «виновное противоправное социально вредное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, влекущее юридическую ответственность» [2, с. 401]. В данном случае вместо признака общественной опасности упоминается термин «социально вредное деяние», подразумевающий под собой деяние, приносящее вред общественным интересам, который, по своей сути, не отличается смыслом от общественной опасности.

Следует отметить, что в научных кругах большое внимание уделяется административному правонарушению, т. к. предметом изучения, как основного вида противоправного деяния, данная отрасль стала только в XX веке, после её закрепления в законодательстве СССР.

Под административным правонарушением, согласно ст. 2.1 КоАП РФ, следует понимать: «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [3]. В закреплённом нормативном определении не сказано о таком признаке, как общественная опасность, но совершение повторного однородного административного правонарушения влечет за собой повышение характера общественной опасности и в последующем деяние будет квалифицироваться как преступление.

Неоднократное совершение однородного административного правонарушения, переходящего в уголовно наказуемое деяние, в науке называется административной преюдицией, но в административно-деликтном праве возникают дискуссионные вопросы по поводу повторности совершения административного правонарушения. Ученые-правоведы рассуждают на тему множественности совершаемых правонарушений. Административно-деликтное право базируется на положении, что никто не может нести административную ответственность за совершенное правонарушение дважды. Но в некоторых случаях возникают проблемы, которые касаются реализации указанного базиса в части назначения административного наказания. В результате

юридических ошибок рождается «искусственная» множественность правонарушений.

Вопросы привлечения к административной ответственности за несколько совершенных правонарушений в настоящее время возникают всё чаще. Как правило, сталкиваются с данной ситуацией, когда, например, по результатам проверки какого-либо предприятия выносятся несколько постановлений за одно и то же правонарушение, что влечет за собой нарушение установленных норм права.

В теории уголовного права существует институт множественности преступлений, который подразумевает под собой совершение лицом двух или более деяний, содержащих признаки самостоятельных составов преступлений, если одно из них не утратило своего уголовно-правового значения. Множественность преступлений рассматривается в виде совокупности и рецидива, тогда как в административном законодательстве понятий «совокупность», «множественность» и «рецидив» отсутствуют. Только лишь в п. 2, ч. 1, ст. 4.3 КоАП РФ указывается одно из отягчающих административную ответственность обстоятельств – повторное совершение однородного правонарушения.

Множественность административных правонарушений имеет ряд признаков, без которых деяние не будет попадать под рассматриваемый критерий:

1. Совершение лицом нескольких самостоятельных составов правонарушений.
2. Все правонарушения совершаются одним лицом.
3. Каждый из составов правонарушений сохраняет свою юридическую значимость на момент рассмотрения дела об административном правонарушении.

Рассматривая вопрос множественности административных правонарушений, необходимо уделить внимание её различным формам.

Так, административное правонарушение может быть выражено в форме совокупности, т. е. лицо совершает несколько правонарушений, предусмотренные разными статьями (частями) либо главами КоАП РФ, до привлечения его к ответственности. Также существуют такие формы как повторность и рецидив.

Говоря о повторности совершения административного деликта, то в п. 2, ч. 1, ст. 4.3 КоАП РФ раскрывается определение повторного совершения административного правонарушения, когда лицо совершает деяние в период не истекшего ранее наказания за совершение однородного административного правонарушения.

Рецидив административных правонарушений является более опасной формой множественности, т. к. лицо совершает правонарушение неоднократно (два и более раза) после привлечения его к ответственности. Данный

факт свидетельствует о полной деформации личности и нигилистском отношении к праву. Но указанные нами формы множественности административных правонарушений не нашли своего отражения в административном законодательстве. Мы считаем целесообразным провести аналогию с уголовным законом в части, касающейся множественности и её форм (повторности, совокупности и рецидива).

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что российская теоретико-правовая мысль, которая исследует правонарушение, возникла не сразу, а лишь после обобщения и структурирования знаний в области юриспруденции, а институт административного правонарушения стал объектом исследования только в XX веке.

Говоря об административном правонарушении, важно подчеркнуть, что оно по своей природе близко преступлению. Данные проявления имеют схожие историю, задачи, цели наказания, порядок привлечения к ответственности.

Следует также отметить, что в КоАП РФ не закреплено понятие «множественность административных правонарушений», хотя количество правонарушений, которые имеют множественность деяний, в настоящее время увеличивается. Совершение делинквентом нескольких правонарушений сигнализирует о его устойчивой негативной позиции к правовым нормам, установленным государством.

Исходя из вышеизложенных тезисов, нами предлагается закрепление на законодательном уровне дефиниции «множественность административных правонарушений», которая была бы представлена в следующей формулировке: «множественность административных правонарушений» – совершение лицом нескольких (два и более) административных правонарушений, одно из которых не утратило своей юридической значимости».

ЛИТЕРАТУРА

1. Малько А. В. Теория государства и права : учебник. – 4-е изд., стер. – Москва : КНОРУС, 2009. – 400 с.

2. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов. Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А. А. Клишаса. – Москва : Статут, 2019. – 512 с.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. 29.10.2024) // СЗ РФ . – 2002. – № 1. – Ст. 1.

УДК 342.951

Информация от редколлегии

Сборник научных статей (журнала) «Право и государство: теория и практика» № 4 включает материалы докладов, подготовленных к Международному семинару «Актуальные проблемы исследования и преподавания в области теоретико-исторических, правовых и государственно-правовых наук», запланированному в городе Воронеже 16 декабря 2024 года.